

Анна Немеровская

Анна Немеровская.

Родители мои переехали из Украины в 1931 году в Баку, в котором я и родилась после войны.

Там я окончила школу, университет, вышла замуж, родила двух сыновей.

В 1988 году наша семья поменяла столицу Азербайджана на «столицу мира» – Нью-Йорк.

Здесь я 24 года проработала в банке. Сейчас на пенсии – есть время для творчества...

В печать вышли книга рассказов, пьесы, сценарии, повести, романы и даже кулинарная книга.

Роман «И даровал Всевышний Человеку свободу воли» получил международный диплом «Платиновый Дюк» в номинации «Авторская книга» за 2018 г.

Роман «Время течет по венам» — диплом лауреата на Германском Международном конкурсе «Книга года» за 2022 г.

Готовится к выходу следующий роман «Все, что случайно, – это судьба».

Милая Анечка!

Сегодня, бросив все даже самые очередные дела, с удовольствием читала Вашу книгу «Две трети жизни». Написано очень живо, читается — одним глотком! Очень зримые, яркие и неожиданные сравнения, например: «В один из дней поздней осени, когда янтарь и рубин соревнуются за место на палитре...» В тексте масса лирических и познавательных отступлений, как своеобразная трактовка грехопадения Адама и Евы, или подробное описание изготовления и качества разной икры...

Очень понравились и фотографии-иллюстрации, особенно — здание потрясающе красивого театра!

Прочла взахлёб!

Успехов Вам.

Галина Рохлина.

Анна Немеровская

Две трети жизни

Анна Немеровская Две трети жизни

Anna Nemerovsky

" Two-thirds of life"

Редакторы: Марина Биянова. Нина Цыпина.

<<Дизайн обложки: Григорий Кац. (Фото Дмитрий Моттл, Сафер Азери)>>

Printed in United States of America

www.nemerovsky.com/anna

Автор будет признательна читателям за их отзывы по адресу:
Anna Nemerovsky
P.O. Box 35-1009
Brooklyn, NY 11235

Обращение к читателю:

Уважаемые господа, я предполагаю, что многие мои читатели не знакомы со спецификой жизни в Советском Союзе, поэтому приходится вставлять в произведение некоторые примечания и разъяснения.

Надеюсь, что эти вставки, выделенные курсивом, не будут особенно мешать тем, для кого эти сведения не новы или не интересны.

Можете их пропускать. Автор не обидится.

«Мне, как и другим беллетристам, не раз случалось испытать пугающее, но в то же время приятное потрясение, когда вымысел мистическим образом вторгается в реальность: встретишь человека с только что выдуманной тобой, совершенно небывалой фамилией, или в жизни произойдет то, что ты описал в романе, или сам угодишь в литературную, тобою же самим спроектированную ситуацию. Это нормально, месть профессии, главный фокус которой — как можно правдоподобней врать о том, что могло бы случиться, но чего на самом деле не было».

(Григорий Чхартишвили.)

Наступил новый еврейский 5760 год, а григорианский календарь близился к новому тысячелетию. Одиннадцатого Тишрея, на следующий день после Судного Дня, три женщины Мила, Мариэлла и Рая «начинали новую жизнь». Они сидели за большим столом на кухне в Милочкиной квартире.

Выращенные советской школой, впитавшие атеизм на подсознательном уровне, они не были слишком религиозны. И получив здесь, в Америке, свободу вероисповедания, они, как и многие из нас, не знали, что с ней делать. В силу уважения к своему народу и его традициям Мила и Мариэлла ходят в синагогу по праздникам. А в дни, когда читают поминальную молитву «Изкор», к ним присоединяется и Раечка, полукровка. Мама у неё была русская. В годовщину маминой смерти Рая ходит на кладбище (мама похоронена здесь, в Америке), потом в церковь, ставит свечку, заказывает заупокойную молитву. А в те дни, когда её подруги ходят в синагогу и говорят, что будет молитва «Изкор», она, нисколько не сомневаясь и не смущаясь своим русским — по галахе — происхождением, идет с ними и, старательно ведя пальцем по сборнику молитв, искренне читает за упокой любимой папиной души молитву по-русски, а потом еще раз на английском и даже транскрипцию на иврите.

Итак, хозяйка квартиры Милочка. Родилась в Баку в дружной семье — папа Ефим Борисович, мама Лена, два их старших сына — Гена и Борис и мама Лены — Нина Марковна. У бабушки Нины Марковны был ещё сын, погибший во время войны, с нежным еврейским именем Миля. Сейчас это имя забыто, разве только в устах незабвенной Фаины Раневской помните: «Муля, не нервируй меня!» Миля и Муля — это одно и то же имя (не буду утомлять вас объяснением огласовок в еврейском языке, просто поверьте).

И, конечно, девочку решено было назвать Милой в честь сына Нины Марковны и брата мамы Лены. Добрейшего Ефима Борисовича отправили в ЗАГС получать свидетельство о рождении со строгим указанием, чтобы в нём было написано имя «Мила», именно Мила, а не Людмила, не Милена, только Мила. Зная его мягкость и деликатность, Лена и Нина Марковна долго наставляли его перед дорогой: «Будь тверд и настаивай на своем, можешь даже стукнуть кулаком по столу хоть один раз в жизни! Это наше право назвать дочку, как мы хотим».

Ха! «Стукнуть кулаком по столу» и Ефим Борисович — это не совместимо даже в самом фантастическом сне. Он просто купил коробку шоколадных конфет, угостил регистраторшу и начальницу ЗАГСа, наговорил им массу комплиментов и любезностей. Когда дело дошло до имени и Ефим Борисович сказал, что девочку решили назвать Милой, регистратор уточнила:

- Людмила?

– Дорогая моя, о чём вы говорите! Меня просто из дома выгонят, если вы запишите иначе! – робко улыбнулся Ефим Борисович.

Они ещё немного посудачили о том, какие необычные имена иногда дают родители, политкорректно избегая таких имен, как Вилен, Октябрина и тому подобных... Вспомнили уважаемого товарища Юсифа Гаджи-Касимова — юриста и его достойную супругу — Махтабан-ханум, знатока русской литературы и поэзии, которые назвали своих детей Онегин (в 1937г — к 100-летию со дня смерти А.С.Пушкина) и Низами (в 1942 г — к 800-летию поэта Низами Гянджеви).

#==#==#

Онегин Гаджи-Касимов — талантливый и музыкально образованный человек, автор многих стихов, ставших популярными песнями — работал многие годы в Москве на радио и телевидении редактором музыкальных передач. Четыре года в свое время отслужил на флоте. Был женат четыре раза. В 1985 году для всех его друзей было невообразимым шоком узнать, что он, веселый, жизнерадостный Онегин, принял православие и ушел в мужской монастырь. Был крещён с именем Олег, стал иеросхимонахом Оптиной пустыни. В 1989 году был пострижен в рясофор с именем Афанасий (в честь Афанасия Афонского). В 1991 году наместником монастыря Архимандритом Венедиктом пострижен в монашество с именем Силуан и позднее — в великую схиму с именем Симон. Он старался скрывать от всех свою прежнюю известность. Это было нетрудно — власти старательно затирали информацию о нем, начиная с субтитров и заканчивая плёнками и даже платежными ведомостями.

Скончался в 2002 году. Пусть душа его покоится с миром. (Посмотрите документальный фильм 2011года«Храм для Онегина. После славы») #==#==#

- Ладно, в конце концов, Мила имя неплохое. Ну, а вдруг девочка вырастет и скажет, что это мы ошиблись и назвали её неполным именем? – выдвинула заведующая последний довод.
- Никаких проблем, давайте я напишу вам своей рукой: «Прошу назвать мою дочку Милой» и подпишусь.

С тех пор многие ЗАГСы города Баку переняли это новшество: на обратной стороне свидетельства о рождении детей, хранящегося в архиве, родитель писал имя своего ребенка собственной рукой. Оказывается, что начало этому правилу положил добрейший Ефим Борисович.

Милочка росла в соответствии со своим именем очень милой девочкой. Что и говорить, в дружных семьях растут счастливые дети. Женились братья, вышла замуж Милочка, пошли дети. Время текло с положенной по законам астрономии скоростью.

#==#==#

Бабушка под веткою сирени в летнем сарафане и платке перешла в другое измеренье, стала с тишиной накоротке.

(Герман Власов)

#==#==#

Беспощадное время забрало Нину Марковну, потом Ефима Борисовича, и оно же, время, вносило глобальные изменения в жизнь семьи, страны, общества (простите за высокопарность).

Старший Милочкин брат Гена был очень серьезным, ответственным не по возрасту, настоящим главой семейства. Гена решил, что надо ехать на историческую родину за лучшим будущим, а если и придется воевать, то лучше в Израиле, чем в Афганистане. Младший брат, как всегда, согласился с ним. А Милочкин муж Миша,

медлительный и обстоятельный, не высказывался сразу, он и сам давно размышлял на эту тему (да и кто в те годы не думал: ехать или не ехать?).

– В принципе я согласен, что ехать надо, но к этому серьёзному шагу надо подготовиться. И ещё, я думаю – ехать надо в Америку.

У Миши и Милы уже были к этому времени две очаровательные девочки – трехлетняя Нинель (в честь прабабушки Нины Марковны) и двухлетняя Эсфирь (в честь дедушки Ефима Борисовича).

История Милочкиного мужа Миши тоже заслуживает рассказа. Все истории абсолютно подлинные, только в некоторых, по желанию героев, изменены имена, а вот в случае с Мишей скрыто не только его имя, но даже и место рождения.

Ну вот. В столице одной из среднеазиатских Советских Республик жила очень амбициозная дама и растила сына Мишу для великого будущего. Согласно её грандиозным планам, он должен был пойти учиться на исторический факультет или на факультет востоковедения, найти себе невесту из очень богатой и влиятельной семьи – и всё для того, чтобы делать карьеру в политике. И эта карьера, по маминым планам, должна была быть успешной и головокружительной. Хотя, обычно еврейские мамы советуют детям не высовываться и не лезть высоко, а то как бы не было больно падать. Но факт остается фактом, у Мишиной мамы амбиции зашкаливали...

Назвала его мама Михаилом в память о дедушке Моисее. Восточный вариант имени Моисей — это Муса, что означает «ребенок, извлеченный из воды». Вот и мама, а вместе с ней и все остальные, начиная с детского садика до университета, называли его Мусой.

Миша окончил школу с золотой медалью, ему было одинаково интересно изучать историю, и математику, и логику (к тому времени отмененную в школах), и читать речи адвокатов прошлых веков, и ковыряться в электроприборах. Вот он и поступил на истфак, как хотела мамочка, и как она мечтала, в него безумно влюбилась дочка весьма влиятельного лица, скажем больше, самого высокого лица республики (на истфаке обычно учились или очень умные, или очень-очень элитарные дети).

Миша вёл себя со всеми девочками в группе очень галантно, вежливо и исключительно по-дружески. А высокопоставленная дочка влюбилась глубоко и серьезно. И вот как-то она пригласила Мишу к себе на день рожденья.

- А кто еще приглашен? поинтересовался осторожный Миша.
- Да почти вся группа, отвечает хитрая девица.
- Если тебе неловко, то мы можем зайти вместе; хочешь подожди меня у подъезда, и мы поднимемся вдвоём, предложила стоящая рядом подруга, участвовавшая в разработке хитроумного плана.

А план был в общем-то прост. Девушка думала, что, с одной стороны, её шикарный дом произведет на Мишу должное впечатление, а с другой – Миша произведет хорошее впечатление на родителей, и ей разрешат с ним встречаться. Бедная девочка, это был простой, но очень наивный план.

Мишина мама, весьма довольная, что её мечты постепенно превращаются в реальность, снаряжает сына импортным шёлковым платком, коробочкой французских духов и роскошным букетом цветов.

А когда Миша вручил подарки, разделся и причесался в прихожей, его ждал сюрприз. Именинница, скромно потупившись, сказала:

– Обстоятельства изменились, родители не ушли, как обещали, пришли ещё другие гости, но, пожалуйста, не смущайся, мы будем сами в моей комнате веселиться.

В огромной комнате стоял роскошный стол, за которым сидела многочисленная родня именинницы. Из всей студенческой группы были только верная подруга и он.

Миша понял, что попался и что это смотрины. Да, это были смотрины, да, он попался, но... совсем не так, как можно было предположить.

Миша вёл себя очень спокойно, достойно, отвечал на все вопросы умно и, главное, на красивом, чистом национальном языке. Я забыла упомянуть, что ко всем достоинствам, у него была исключительная способность к языкам. А на местном языке, на языке своей Родины, конечно, он с детства говорил без всякого акцента. Пока всё шло по плану: Мишу удалось затащить в дом. Правда, он не ахал и не охал, глядя по сторонам, но это можно было отнести к его сдержанности и умению владеть собой, ведь такой дом не мог не впечатлить(!). А родителям он понравился, это и невооруженным глазом было видно.

В конце вечера разговор как бы невзначай коснулся религии, и тут только выяснилось, что Миша-Муса не мусульманин. Он-то думал, что это и так всем ясно. Девочка ввела в заблуждение свою высокопоставленную семью, а может, просто не называла Мишину фамилию.

Папа с дядей просто переглянулись...

После обильного застолья Мишу и сокурсницу развезли по домам на шикарной черной «Волге». В квартире Миши весь вечер барахлил телефон: кто-то звонил, но как только Миша или его мама поднимали трубку, связь прерывалась. А наутро, когда Миша вышел из дому, его ждала та же машина, как будто она дежурила около дома всю ночь. И эта «Волга» отвезла его не в университет, а совсем в другое место, в какую-то незнакомую квартиру. Там его встретил высокопоставленный дядя, который сказал, что хочет поговорить с Мишей совершенно откровенно. Он сказал, что Миша очень умный и достойный парень и сам должен понять, что он ей не пара, что отец уже запер её без всякой связи с внешним миром на несколько дней.

Мише было предложено выбрать любой город нашей необъятной Родины, любой институт, любой факультет, и его немедленно переведут, куда он пожелает, отвезут, там устроят, но никто не должен знать, где он. И никакой связи с высокопоставленной дочкой!

Миша подумал... Конечно, назвать МГУ было весьма заманчиво. Но сможет ли он прожить в Москве один на стипендию в тридцать пять рублей? Кроме того, он, Миша-Муса, будет там белой, то есть чёрной (чернявой) вороной... Нет, лучше в Баку, там ему прижиться будет проще, и университет неплохой...

Миша подумал и сказал: Баку, Университет, юридический факультет.

Его привезли домой, помогли собрать вещи. Мама была в шоке, все её мечты рушились. Очень хорошо помня сталинские времена, она молчала, но оправиться от этого удара было трудно. С тех пор она никогда больше не давала Мише советов, позволяя самому строить свою судьбу...

Сразу в тот же день его отвезли в аэропорт, там долго ждали вечернего рейса. Сопровождал его молчаливый мужчина средних лет, который следил, чтобы Миша никуда не звонил. Потом появился высокопоставленный дядя, передал сопровождающему какой-то пакет, отвел Мишу в сторону и затеял откровенный разговор. Дяде было интересно, что за фрукт этот Миша, почему он так легко и быстро согласился уехать, назвал университет в Баку? Испугался? Хотя на труса не похож. Он провокационно спросил, передать ли привет девушке. Миша полностью удовлетворил дядино любопытство и расставил, как говорится, все точки над иностранной буквой і (в русском языке такой буквы нет, расставлять нечего, а клише выражения сохранилось).

– Я никогда не ухаживал за ней, никогда даже не оставался с ней наедине. Когда собиралась вся группа, было весело, дружеские разговоры, музыка и танцы, но я никогда не выделял ни одной девушки из группы, ко всем относился одинаково. Я даже не знал, чья она дочь, не знал, что её сопровождает охрана, не знал, что черная

«Волга» после занятий ждет именно её. После лекций я торопился и сразу уходил.

– Кстати, все, кто рассказывал о тебе, говорили, что ты после звонка быстро убегал из класса. Почему, куда ты так спешил?

«Интересно, – подумал Миша, – сколько человек из группы они успели опросить за эти три четверти суток? И кто как меня описал?»

- Очень просто я торопился на уроки. У меня были ученики. У мамы небольшая зарплата она бухгалтер. Когда я был маленький, мама вязала по ночам, чтобы немного заработать. Я не хотел, чтобы мама портила глаза, я уже с пятого класса занимался с первоклашками. Вы хотите спросить, почему я так быстро согласился уехать? Я не хочу давать вашей племяннице какую-то надежду, не хочу делать карьеру через... (Миша хотел сказать «через постель», но это бы звучало очень грубо, впрочем, дядя понял). Если я полюблю и женюсь, то жить мы будем с моей мамой и на мою зарплату. И вообще, когда судьба делает такой крутой поворот, негоже отказываться. Ещё у меня очень большая просьба к вам.
 - Говори.
- Если я останусь после университета в Баку, то постараюсь найти квартирный обмен для мамы. Ей понадобится помощь собрать вещи, ящики, контейнеры и прочие хлопоты...
 - Все понятно, будь спокоен, мои ребята все сделают.

Высокопоставленному дяде нравился этот парень всё больше и больше. Жаль, что так сложились обстоятельства. Все потенциальные женихи для его любимой племянницы – избалованные сынки министров или лоботрясы, или, ещё хуже, картежники. Может быть, стоило убедить брата не препятствовать? Хотя брат упрямый, да и парень не стремится в их семью.

- Так, парень, слушай внимательно. Если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, позвони, вот тебе мой личный домашний телефон. Позвони мне лично, понял? Там в пакете небольшая сумма на первоначальное обустройство.
- Понял, большое спасибо, постараюсь вас не беспокоить, а сам решать свои проблемы, но иметь этот телефон у себя очень приятно. А деньги я вам верну.

В Баку в аэропорту их уже встречала машина. Мишу и молчаливого сопровождающего привезли в маленькую, примерно восемь кв.м, комнату в коммунальной квартире старинного дома в центре города. Дали ему какие-то бумаги для ЖЭКа, пакет с деньгами, сумку с продуктами (всё предусмотрели, какие молодцы!). Сопровождающий дядька как-то тепло, по-дружески попрощался и ушёл.

Так начался бакинский период в жизни Миши. Потом он увлекся компьютерами, посещал лекции по программированию. Преподавательница программирования в университете очень благоволила к нему. Юрфак он закончил успешно. Мама после выхода на пенсию переехала в Баку. Миша работал юрисконсультом, но всё больше интересовался программированием. Ну а о том, что он женился и был отцом двух очаровательных девочек, вы уже знаете.

В начале 1980 года Милочкины братья с семьями уезжали в рискованную неизвестность. Мама Лена решила остаться с Милочкой – внучки маленькие, и им больше будет нужна её помощь. Много было тогда разорванных семей... Старший брат Гена категорически заявил, что все равно рано или поздно он заберет маму к себе.

Миша с Милочкой поехали провожать братьев до Чопа, а мама Лена осталась дома с внучками. Она, сколько могла, крепилась, сдерживая слёзы. Но когда все уехали, плакала так горько, что малышки, глядя на неё, тоже заревели. Так они и плакали, обнявшись, в шесть глаз, пока бабушка Лена не взяла себя в руки и не отложила свои слёзы на ночь для подушки. Но она так устала за этот трудный день, что уснула тяжёлым, крепким сном без сновидений. Да и в последующие дни заботы

о внучках не оставляли ей времени на слезы.

Милочка звонила из Москвы каждый день, рассказывала подробности. Жили они в гостинице на ВДНХ, в корпусе, заполненном огромными и шумными армянскими семьями, говорившими на разных языках. Это были армянские ре-репатрианты, которые приехали когда-то из Франции, Сирии, Ливана и из других стран на свою историческую родину. И теперь, не прижившись, не понимая странных законов этой удивительной страны, они уезжали обратно или в другую страну (альтернативную родину), которую выбирали после трезвых размышлений. Как только появилась возможность уехать, грех было ею не воспользоваться. И никакой патриотизм не мог их остановить. Родина! Что это? Родной язык («картинка в твоём букваре»)? Единоверцы и друзья («хороших и верных товарищей»)? Земля («тропинка к родному дому»)?

#==#==#

Армяне (так же, как и евреи), рассеянные преследованиями, бедностью и геноцидом по всему миру, всегда с надеждой смотрели в сторону своей исторической родины. А после того, как образовалась Армянская ССР в составе «дружных» народов, после мощной пропаганды на весь мир, они поверили в высокие идеалы. Окрылённые надеждой, на родину начали потихоньку прибывать репатрианты.

За период с 1929 по 1937 год в Армянскую ССР переселились более 16 000 армян. Их переселение полностью финансировалось советским правительством. 16 000 за восемь лет – это, по международным меркам, небольшой ручеёк.

«Отец всех народов» был хитёр и дальновиден. Сразу же после завершения конференции в Ялте советское руководство во главе со Сталиным начало активно приглашать армян из-за рубежа. Это было частью его плана — обосновать территориальные претензии к Турции.

7 июня 1945 года министр иностранных дел СССР В.М.Молотов выдвинул турецкому послу в Москве требование о пересмотре советско-турецкой границы.

После такой страшной войны переселение охватило весь мир, включая армян из таких стран, как Греция, Сирия, Египет, Иран, Франция. Ехали даже из США под влиянием патриотических чувств. За 2 года, с 1946 по 1948, в Армянскую ССР иммигрировало более 100 000 армян. Когда они поняли, куда попали, было поздно...

Переселение и размещение армян из-за границы сопровождалось массовой депортацией, примерно 200 000, азербайджанцев в Кура-Араксинскую низменность. (Постановление N754 Совета министров СССР "О мероприятиях по переселению колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР" от 10 марта 1948 г. Москва, Кремль) Опыт переселений народов у Советской власти был накоплен богатый...

В 1953 году, после смерти Сталина, МИД СССР заявил, что народы Советской Армении и Грузии более не имеют территориальных претензий к Турции.

Все 50-е и 60-е годы многих армян не оставляла надежда исправить ошибку молодости, надежда когда-нибудь уехать обратно. Старики передавали эту мечту детям и внукам. Как только приоткрылась щёлочка в железном занавесе, туда стали просачиваться не только евреи, но и армяне, и пятидесятники, и все, кто только мог...

В 1971 году популярный любимый певец Жан Татлян заключил брак с француженкой и уехал в Париж. Власти объявили его предателем и пустили слух, что брак фиктивный, но этот факт (даже если это и было так) никак не унижал его в глазах поклонников. Гораздо печальнее был запрет на его песни. Было приказано все его записи уничтожить, и лишь благодаря самоотверженности некоторых работников радио и телевидения часть записей выступлений Татляна сохранилась. (Издание «Коммерсантъ». О российско-советском переселении народов)

#==#==#

Гена с братом мотались по Москве по разным делам, учреждениям, получали какие-то бумаги, всевозможные разрешения – на вывоз книг, марок и др. Миша был с ними, помогая и приглядываясь к процедуре отъезда. Жены братьев бегали по магазинам, родители ездили по гостям – прощаться с друзьями молодости, а Милочку оставляли в гостинице с племянниками. Там она подружилась с армянской семьей из соседнего номера.

В номере были развешаны веревки, на которых сушились пеленки (памперсов ведь тогда еще не было). На полу копошилось несколько детишек ясельного возраста, и еще детишки старшего, детсадовского, возраста бегали так, что, казалось, они вот-вот столкнутся лбами или затопчут ползающих малышей. При этом Айкануш — так звали молодую женщину, которую, как и Милу, оставили нянькой при детях, — сидела совершенно спокойно, не реагировала ни на крики, ни на споры, ни на плач детей, изумляя Милу своей невозмутимостью. Она рассказывала Миле о своей жизни:

– Наша семья жила около Бейрута, на севере Сирии, между Евфратом и Средиземным морем. В нашем городе было несколько армянских школ. Старики очень следили, чтобы мы не забыли родной язык.

#==#==#

В Дамаске, Алеппо, Латакии издавались армянские газеты и журналы, действовали церкви, национальные школы и культурные центры. Сирийская армянская диаспора была одной из самых организованных среди армян, разбросанных по всему миру.

#==#==#

– А вы, евреи, свой язык не знаете (Мила молча проглотила справедливый упрек). Другие наши родственники жили кто-то – в Алеппо, кто-то – во Франции. Все мы встретились в Ереване. Отец мой – очень хороший сапожник, он делал уникальную обувь. Но в Ереван приехало столько сапожников, что когда репатриант говорил: «Я сапожник» – это вызывало усмешку, часто горькую... Мы переехали в Баку, и хотя нас пугали возможным плохим отношением местных жителей, на самом деле оказалось не так страшно. Взятки отворяли многие двери. Отец получил разрешение на открытие будки по ремонту обуви, и там он не только ремонтировал, но и шил обувь на заказ.

Слушая Айкануш, Милочка вспомнила, как всё женское население Баку заказывало модную обувь для торжественных мероприятий только у армян-репатриантов. И она тоже перед выпускным вечером заказала изящные белые лодочки на тончайшем каблучке.

– Жили мы неплохо, – продолжала Айкануш, – но как-то безрадостно. Поехать в отпуск на Французскую Ривьеру – нельзя, открыть цех – нельзя, взять кого-нибудь в подмастерья – нельзя. За взятки многое можно, но это все равно считается незаконным, а этого мой отец терпеть не мог.

В Баку была только одна армянская школа – в районе Арменикенд, но туда было далеко ездить. Меня отдали в русскую школу, а армянским со мной занимались дома, чтобы не забыла.

- А в какой школе ты училась?
- В восьмой, около Маиловского театра.

#==#==#

В 1910 году братья Маиловы (Даниил Лазаревич – бизнесмен и Илья Лазаревич – врач) менее чем за год построили (архитектор Н. Баев) роскошный театр на 1281место. С тех пор этот театр бакинцы так и называют Маиловским. На

сцене театра шли оперные, балетные, драматические спектакли, оперетты как на азербайджанском, так и на русском языках.

#==#==#

Баку. Театр оперы и балета.

На снимке справа школа N8, в которой учились Айкануш и Элла Сарсорова.

И я тоже училась в этой школе.

- Соседка у нас была, продолжала Айкануш, с которой я очень подружилась, хоть она лет на семь-восемь старше меня армянка Элла Сарсорова совсем не знала армянский язык. Очень талантливая, писала стихи на русском. Когда она закончила школу, никуда не могла поступить: в Баку потому что армянка, в Ереване потому что не знает армянский и потому что из Баку, в Москве слишком высокий конкурс, нужны связи, да и материально нелегко выжить там одной, без родительской поддержки. Мне очень хочется вытащить её из вашей страны. (Миле как-то резанули слух слова «вашей страны». Не то чтобы у неё взыграл патриотизм, она и сама бы не смогла объяснить свои ощущения, но слова эти занозой застряли в мозгу.)
- Я везу с собой толстую тетрадь её стихов, продолжала Айкануш, покажу в Париже, там есть русские газеты и издательства. Так хочется ей помочь! Хоть бы получилось все, что я задумала! На, возьми почитай, пока я детей покормлю.

Миле очень понравились стихи, два из них она переписала, потом жалела, что только два.

«Реквием» Моцарта.

Рассеивался свет под сводами собора. В его лучах пылинки суетились, И люди, что пришли сюда послушать Суровый реквием, замолкли в ожиданьи... Они пришли сюда скорбеть о смерти И думать о потусторонней жизни. Они пришли сюда услышать мессу, Написанную в память об умершем... Они услышали... И в голосах, звучащих Под сводами готического храма, В тех голосах, звучащих и поныне Во всех концертных белых залах мира,

Они услышали не скорбь, не горе – Любовь и радость жизни в них звучала. В тех голосах звучала воля к жизни. И эти голоса, переплетаясь, О счастье жить на свете говорили, О том, что все живое – это счастье: И свет, и голоса, и те пылинки, Что в воздухе метались бестолково, И эта католическая месса... Тогда услышал мир её впервые И не сумел забыть...

(Элла Сарсорова)

Там, где сталь вороненая «кольта» За обиду расплату сулит, Где мустангов табун быстроногий Днем и ночью по прерии мчит, Где закон – это быстрое лассо, Где саванна скрывает зверьё, Где ночами так трепетны звезды, Там, наверное, сердце моё.

(Элла Сарсорова)

Итак, братья уехали, Миша с Милой вернулись домой и начали готовиться в дорогу.

В 1980 году, вместо обещанного Хрущевым коммунизма, Брежнев проводил Олимпийские Игры. Отношения с Западом были испорчены из-за советского вторжения в Афганистан. Команды шестидесяти пяти государств, включая США, ФРГ, Канаду, Турцию, Южную Корею, Японию и др. не приняли участия в Олимпиаде. Некоторые спортсмены из Великобритании, Франции и Греции приехали на Игры в индивидуальном порядке по разрешению своих олимпийских комитетов.

Во время закрытия Игр весь стадион наблюдал, как трогательно русский Мишка, прощаясь, улетал в небо, на свободу. Многие на стадионе плакали от избытка чувств, и многие д**о**ма плакали от того, что железный занавес опустился опять, и уезжать удавалось единицам.

Миша с Милой в конце 1981 года подали документы в ОВИР, решения из ОВИРа всё не было и не было. Может, ждали взятку. Может, Мишин начальник не желал отпускать такого хорошего сотрудника и как-то намекнул об этом в ОВИРе (ведь каждый начальник другому начальнику — друг, товарищ и брат...) А может, все гораздо проще: завалялась папка с его делом в дальнем ящике...

Наконец, как только умер Брежнев, они получили ответ — отказ. Потому что Власти не знали, как будет «мести новая метла», какое будет указание в отношении этих ненормальных евреев — все у них есть, языка своего не знают, религии тоже, а хотят ехать в далекие страны, где их ждут сплошные трудности...

Шла война в Афганистане...

Не знаю, как в других республиках, но в Азербайджане в 1983-1987 годах разрешений на выезд почти не выдавали. Миша был уверен, что рано или поздно они уедут, и внушал эту уверенность домашним. Он основательно изучил несколько новых языков программирования, нанял преподавателя, которая приходила через день и занималась английским языком с ним, Милочкой и детьми.

Вы знаете теорию относительности? Когда стареешь, время летит очень быстро, а когда ждешь, — очень медленно. Это знают все без всякой теории. Прошло всего пять лет, а для мамы Лены разлука с сыновьями и старшими внуками тянулась целых пять (!) лет.

В 1987 году чуть-чуть повеяло свежим ветерком, и Миша решил подать документы на выезд еще раз. А для надежности надо было бы, конечно, найти связи в ОВИРе и кому-то заплатить, но как эту связь найти?.. И тогда он решил обратиться к тому самому высокопоставленному дяде. Надо попытаться, ведь больше не к кому. С одной стороны, прошло столько лет. Но с другой – со времени маминого переезда в Баку Миша не прибегал к его помощи. Надо попытаться...

Да, надо попытаться... Наверняка у дяди есть серьёзные связи с партийными боссами в Баку. Тогда он так легко за полдня оформил Мише перевод, переезд, жилье... Кроме того, надо бы отдать деньги, которые он получил при переезде. Тогда для бедного студента эта сумма казалась значительной, а сейчас — скромной.

Миша взял билет и полетел на Родину, впервые за все эти прошедшие годы.

Мишина мама ездила туда раз в три-пять лет посетить могилу мужа, останавливалась у подруги, гуляла по знакомым местам и через неделю возвращалась. А вот Миша поехал в первый раз. И сразу из аэропорта позвонил по заветному телефону. Женский голос спросил, кто, по какому поводу и, самое главное, откуда он узнал этот номер. Миша сказал, что номер ему дал сам хозяин, ему надо просто поговорить с ним, он только прилетел из Баку и находится в аэропорту.

Женский голос попросил его перезвонить через полчаса. Через указанное время тот же голос предложил Мише поехать в центральную гостиницу, где его очень любезно встретили и сказали, чтобы он отдохнул в номере, а в пять часов вечера в ресторане ему уже заказан столик, там и состоится встреча.

Миша понял, что предложение «отдохнуть в номере» означает — не гулять по городу, а вечером аудиенция состоится. Интересно, почему не гулять, неужели они до сих пор боятся, что он захочет увидеть племянницу? Она-то наверняка по городу пешком не ходит...

В 4:45 Миша уже сидел за столиком в уголке и следил за входной дверью. Он вдруг посмотрел на ситуацию как бы со стороны и подумал, что все это очень похоже на детективный фильм. Он грустно усмехнулся и в этот момент увидел входящего высокопоставленного дядю в сопровождении двух молодых ребят охраны с такими накачанными мускулами, что рукава пиджаков, казалось, вот-вот лопнут.

«Неужели не могли пиджаки на заказ сшить? – подумал Миша. – О чем я думаю, дурак! Тут проблема, как я буду говорить с ним, если он в окружении людей, а меня пиджаки заботят...»

Товарищ N оглядел зал, увидел Мишу и помахал ему рукой, мол, я тебя увидел. Через несколько минут подошел:

– Салам Алейкум, Муса, сколько лет, сколько зим... Ты совсем не изменился, а я вот животик нарастил.

Потом он повернулся к молодым тяжелоборцам, не отходившим от него ни на шаг, и сказал им на местном языке, что посидит здесь со старым знакомым, которого не видел лет пятнадцать, а то и больше. Пусть пока они посидят за соседним столиком.

- Ну, рассказывай, что у тебя за проблема, и, увидев Мишино смущение, улыбнулся, ладно, не стесняйся, я же понимаю, что ты приехал по делу. Повторяю тебе еще раз, если смогу, помогу. Ты порядочный человек, я даже не имею в виду ту ситуацию с моей племянницей. Ты мне, парень, просто понравился, а я никогда не ошибаюсь в людях.
- Сначала я хочу вернуть вам долг, Миша положил на стол тот самый старый пакет. Эти деньги очень помогли мне в трудную минуту. Но каждый раз, когда я брал их из пакета, я брал как бы в долг и потом обязательно возвращал туда взятую сумму.

Миша рассказал, что он с семьей получил отказ из ОВИРа без всяких на то причин, никто из семьи не является носителем секретов, никто «не состоял, не привлекался и т.д».

- Может быть, Вы знаете кого-нибудь в Бакинском ОВИРе, кого можно было бы отблагодарить за такую важную услугу. Я с Вами говорю совершенно откровенно, огромных сумм у меня нет, но кое-что я бы сумел собрать. Я не хочу, чтобы Вы просто так просили за меня, а потом Вы будете обязаны этому человеку. Если у Вас есть там знакомые, то, пожалуйста, просто порекомендуйте меня для откровенного разговора и подскажите, кому надо дать и сколько...
- Мне кажется, что я смогу тебе помочь. Дай мне время. Какие у тебя планы на завтра?
 - Мне надо поехать на кладбище на могилу отца, и больше никаких планов.

– Хорошо, завтра утром тебя будет ждать машина, будет тебя возить, куда захочешь, а примерно часа в два встретимся здесь же, перекусим.

По задумчивому устремленному в себя взгляду влиятельного собеседника Миша почувствовал, что тот мысленно перебирает возможности. Надежда была, что ответ будет положительным.

Миша закончил свой скромный обед, официант вился вокруг него вьюном, потом сказал, что счет его уже оплачен и, низко кланяясь, даже отказавшись от чаевых, проводил до выхода.

Я так подробно рассказываю о Мишиных «хождениях по мукам», чтобы человек, никогда не живший в Среднеазиатских республиках, хоть что-то понял. Какая абсолютная, феодальная власть была у партийно-правительственной элиты! И какие там крепкие связи! Меньше чем за сутки сделали человеку перевод в чужой университет и комнату в центре чужого города. О переезде, машине, самолете, сопровождении я даже не упоминаю – такие это мелочи. Безграничная власть и абсолютная уверенность в нерушимости этой власти...

Не дай Б-г стать врагом этих власть имущих людей! Как хорошо, что Мишу миновала эта грязная политическая кухня... Не продал выгодно душу дьяволу, черту или шайтану.

Наутро Мишу ждала машина, а шофером оказался тот самый молчаливый сопровождающий, который когда-то привез его в Баку. Шофер улыбнулся, узнав Мишу, но ничего не сказал. Вышколенный товарищ. Отвез на кладбище, подождал. Миша убрал могилу, нашел рабочего, договорился, чтобы тот за определенную мзду поправил слегка покосившуюся ограду, покрасил её и следил за могилой в будущем.

Потом так же, ни слова не говоря, шофер повез его в гостиницу. Миша понял, что его все еще держат под контролем. Он только попросил ехать помедленнее, чтобы напоследок полюбоваться и проститься с городом. Родина все-таки. Шофер понимающе кивнул и повез Мишу кружными путями — и мимо его бывшего дома, и мимо школы, где он провел одиннадцать счастливых лет, и мимо университета, мимо всех театров и кинотеатров. Как он понял, куда везти? Впрочем, несложно было и догадаться.

В два часа пополудни, когда солнце палит нещадно, будто осерчав на разморенных и от этого обленившихся жителей города, когда каждый ищет хоть какой-то кусочек тени и спешит туда, чтобы расслабиться и ничего не делать, в прохладном гостиничном ресторане шел интересный разговор.

Высокопоставленный дядя сказал, что все в порядке, что Миша и его семья получат разрешение через неделю-другую. А за это Миша может оказать ему услугу, когда будет в Америке – открыть ему, дяде, счет в банке, чтобы была возможность перевести за кордон немного долларов. Представляете, сколько это – немного долларов? Нет, вы не представляете... Миша оказался в критическом положении: он не мог согласиться (не хотел нарушать закон и не хотел брать на себя такую ответственность за чужие и, наверное, не очень честные деньги), но и не мог отказать, будучи сам в роли просителя.

Кто-то, может быть, и растерялся бы, но не Миша, недаром он считался хорошим юристом, умел разрулить сложную ситуацию. Он объяснил товарищу N, что заочно счет в банке не открывают (хотя не знал этого наверняка), необходимо личное присутствие клиента.

- Ну, тогда положишь на свое имя, я тебе доверяю.
- Спасибо за доверие, но это тоже неподходящий вариант. Если на моем счету в банке лежат деньги, то мне не будут положены никакие программы помощи, никакие стипендии и медицинские страховки. Но страшнее всего оказаться в госпитале. Если понадобится какая-нибудь операция, то госпиталь снимет со счета 100, 200 или 300

тысяч долларов, не моргнув глазом. А я не могу так рисковать вашими деньгами. У меня есть другое предложение. После того, как я немного устроюсь и осмотрюсь, я дам вам знать, и вы приедете сами или пришлёте доверенного человека. Тогда и откроем счет.

Хорошо, я подумаю.

Они пообедали, Миша выпил немного холодного пива, а дядя сославшись на жару и предстоящее совещание – только одну рюмку водки (хотя Коран запрещает).

- Я все жду, а ты так и не спрашиваешь о моей племяннице. Тебе неинтересно?
- Просто не знаю, как спросить. Надеюсь, у неё все благополучно?
- Да, слава Аллаху, все как будто нормально. Муж, два сына. Знаешь, она недавно спросила о тебе, первый раз за все эти долгие годы. Как чувствовала, что ты приедешь, поэтому я даже не удивился твоему звонку.

Дядя подумал, что, наверное, его старший брат был прав тогда, так сурово запретив своей дочке даже думать о нем. Муса хороший парень, с ним можно иметь дело, на его слово можно положиться, но слишком он самостоятельный и независимый. А им нужен послушный зять. Недаром старики говорят: «Что ни делается, все к лучшему». Каждый заканчивал трапезу, погруженный в свои мысли. Потом искренне и тепло попрощались. Вечером за Мишей заехал тот же шофер, отвез в аэропорт, дал на прощание бумажку с телефоном, сказал, чтобы Миша позвонил и назвал себя, и все будет ОК. Миша пошутил:

- Вы уже по-английски говорите?
- Да нет, в мои годы язык не выучишь. Ладно, я не прощаюсь, говорю «до свиданья», может быть, когда-нибудь встретимся. Видно, Мишины слова о приезде доверенного лица не прошли мимо дядиного внимания.

В конце 1987 года они получили разрешение на выезд, и весной следующего года Миша, Мила, девочки и обе бабушки – Мишина мама Любовь Семеновна и Милочкина мама Лена – выехали в Москву. Очень, очень вовремя, так как тогда в Баку начались плохие времена. Армянские погромы в Сумгаите в феврале 1988 года были сильным ударом по этому огромному колоссу на глиняных ногах, которым являлся Советский интернационализм.

И вот они стоят в аэропорту в очереди на таможенный досмотр. Их никто не провожает. Они почти в конце этой очереди. После них одинокий мужчина неопределенного возраста с горящими глазами диссидента или поэта (что в России почти одно и то же). Потом оказалось, что он театральный режиссер. И последними стояла влюбленная пара, они смотрели только друг на друга, а все смотрели на них. Она – узкоглазая, симпатичная казашка. Он курчавый, с выразительными глазами и еврейским носом (интересно, римляне не обижаются на то, что их римские носы называют еврейскими?) Их тоже никто не провожал, видимо, Монтекки и Капулетти не желали видеть друг друга.

А перед Милой и Мишей стояла группа из шести взрослых и двух мальчиковблизнецов лет десяти, с которыми девочки быстро нашли общий язык, что помогло семьям разговориться. Милочка с Мишей сначала не могли понять их взаимоотношений. Мальчики называли молодую женщину мамой — это понятно, две бабушки и один дедушка — тоже ясно. А вот двое молодых людей оказались провожающими. А где же папа? Мальчиков звали Петя и Вовочка. Маму их звали Мариэлла, которая стала впоследствии Милочкиной ближайшей подругой.

Оставим на время Милу с семьей в ожидании таможенного досмотра и обратим свое внимание на Мариэллу.

Родители Мариэллы, москвичи Петя и Сима, поженились перед войной. Его сразу призвали на фронт. Сима верно ждала мужа и бережно хранила все его письма в

коробке из-под рахат-лукума (эта коробка с письмами, аккуратно и бережно перевязанная шелковой ленточкой, еще будет фигурировать в нашем рассказе).

Петя, несмотря на деликатное телосложение, был жилистым и выносливым, воевал храбро. В полку его любили за разные истории, которые он рассказывал в свободное время. На фронт он ушел с третьего курса педагогического ВУЗа и был самым начитанным среди солдат. Вот и пересказывал им на привалах много интересного от Джека Лондона и Марка Твена до Толстого и Горького. Его берегли как ценное достояние полка.

#==#==#

В «Траве забвения», книге о Первой мировой войне, Валентин Катаев описывает, как он, «... проживший вместе с простыми солдатами на войне почти два года, вместе с ними искавший и кормивший вшей, лежавший вместе с ними то раненый, то отравленный газами в полевых лазаретах на гнилой соломе... учил некоторых из них грамоте и читал им Гоголя и Толстого в мокрой землянке под Сморгонью во время передышек между боями — чуть ли даже не «Анну Каренину».

#==#==#

Особенно его полюбил огромных размеров сибиряк Петя. Так они и дружили – Петр Васильевич и Петр Наумович, верной фронтовой дружбой. Еще был у них друг татарин Вагиз Терегулов из Баку. (Вагиз – по-арабски наставник, агитатор, проповедник морали, увещеватель.) Был он все время печален. Близким друзьям рассказал, что его первая любимая жена умерла, оставив новорожденного сына. Он женился на девушке, которая выходила сына. Сыночка зовут Расул, ему уже два года. Вторая жена тоже очень красивая и хорошая... Оставил её беременной, как она там с двумя детьми будет?..

Втроем они ходили ночью в разведку, приводили «языков», вернее, приносили. Петя-сибиряк, зажав фрица своими ручищами, притаскивал его, как ребенка. Сначала Вагиз полз впереди, он прекрасно ориентировался на местности, острым глазом выискивал небольшие ложбинки, по которым выводил друзей во вражеские траншеи. Вторым полз Петя-малый (москвич), который хорошо знал немецкий. Они тихо лежали, прислушиваясь к фашистам, по разговорам Петя определял, кто званием выше. И тут наступало время Пети-большого, который вырубал фрица. К своим ползли в обратном порядке.

В 1942 Терегулов получил радостное известие — у него родился сын! А в конце 1943 Вагиз погиб. Друзья нашли у него все письма от жены, письма были написаны по-азербайджански, хорошо, что адрес понятен. Отдать кому-то почитать не хотели. Решили постараться помочь чем-то, принять участие в судьбе его семьи после войны, отдать письма. Много лет спустя случай сведет Петра Васильевича с детьми Терегулова, но это уже совсем другая история.

Тогда друзья обменялись адресами. Наш Петя дал адрес своей любимой жены, Петя-сибиряк – адрес своей матушки, единственного близкого человека. Обещали друг другу позаботиться о близких, если что...

Петя наш был несколько раз легко ранен. Но каждый раз возвращался на фронт.

В марте 45-го Петя-сибиряк был ранен в ноги. Не смертельно, но его надо было доставить в лазарет как можно скорее, призрак гангрены и ампутации был для молодых страшнее смерти.

И вот щуплый Петя положил друга на плащ-палатку и волок его до лазарета, несмотря на просьбы оставить и пойти за помощью. Мыслимое ли дело: оставить раненого друга одного, ночью, в чужой стране... Одним словом, дотащил. А в лазарете рук не хватает, сестрички с ног валятся, а два доктора с красными глазами, двое суток не спавши.

Пете сказали, положи, мол, друга сюда, а сам можешь идти.

Но его не устроил такой расклад. Он нашел доктора и потребовал немедленной помощи для друга. Главврач Федор Николаевич был намного старше Пети и по возрасту, и по званию и мог крепко отчитать его, но у него просто не было сил. Он молчал и только смотрел на Петю. А ведь и правда, чем Петя-сибиряк лучше других раненых? Все верно, но уйти вот так Петя не мог. Он бросался от сестрички к сестричке, льстил, умолял, по-ка, наконец, не взялся за дело сам. Взял бинты, йод, перекись, мази... Смотрел, что делают медсестры и доктор. А доктор перед операцией обеззараживал раны солевым раствором. Вот и Петя под руководством старшей медсестры делал другу такие примочки. Потом и другим раненым, потом кого-то и что-то таскал, помогал, как мог, и только после того, как друга вывезли из операционной и хирург сказал, что все хорошо, Петя присел на минутку в уголке... и заснул, а проснулся через шесть часов. Страшно испугался: ведь взводный мог решить, что он дезертир! Доктор Федор Николаевич написал рапорт о том, как Петр, рискуя жизнью, спас друга, как помогал в санчасти и рекомендует объявить ему благодарность или даже представить к награде. Этот рапорт спас Петю, ведь времена тогда, как вы понимаете, были очень строгие.

Война шла к завершению. И вот 8 мая – Победа! Сражавшиеся стороны подписали мирный договор, но на самом деле война продолжалась, – можно было получить пулю из-за угла или ночью – гранату в окно. Не могу вам рассказать подробно, как это случилось, знаю только, что вечером, на исходе дня 9 мая сильнейший взрыв потряс помещение, где находился Петин взвод. Многих товарищей унёс этот взрыв. Пётр-москвич был очень тяжело ранен в живот, да так тяжело, что врачи почти не надеялись на успех. Подлатали, как могли (спасибо, что уже был пенициллин), и отправили Петра Наумовича в Москву.

В Москве после нескольких операций сдали, без всяких надежд на выздоровление, на руки молодой жене и велели посещать клинику каждые полгода. Сима рьяно взялась за дело, кормила его, как ребенка, протертыми супчиками и жидкими кашами, — другую пищу не принимал израненный желудок (врачи вообще не понимали, как такой желудок может функционировать), делала какие-то настои, варила отвары, ездила за город покупать нужные травы, на пасеку — за хорошим медом и прополисом. Петр Васильевич тоже, слава Богу, выздоровел, жил с матушкой в Сибири, переписывался с другом. Присылал из Сибири золотой корень, кедровые орехи и медвежий жир. Одним словом, Сима выхаживала мужа, как могла. Сравнительно молодой, но опытный врач, который «вел» Петю, удивился, увидев его через полгода, — не надеялся. Петя шел медленно по коридору, с одной стороны палочка, с другой — Симочка, но шел. Шел сам.

Каждые полгода Петя ложился на обследование к тому же самому доктору, который честно признался, что иногда медицина бессильна, а любовь, сила духа и народный опыт могут творить чудеса. Но совершенным потрясением для него было, когда через несколько лет в очередной раз Сима привезла Петю в клинику. Врач увидел его, медленно идущего по коридору с палочкой, его счастливые глаза и Симочку с заметно выдающимся животом. Петю оставили в клинике, как обычно, на неделю. А доктор, провожая Симу, сказал:

- Поздравляю вас с такой счастливой новостью. Я, по правде говоря, очень удивлен... Не думал, что Петр Наумович способен... (врач явно смущался).
- Что вы, доктор, у нас все в порядке, тоже смущаясь, сказала Симочка. При этом лицо её так ярко светилось от счастья, что можно было потушить все лампочки в коридоре...

Потом родилась расчудесная Мариэлла.

Я всегда пишу о происхождении имён своих героев. Ведь большая честь – носить имя хорошего человека. Мы, к великому сожалению, не знаем свои родословные, не

составляем генеалогические таблицы, но хоть пытаемся сохранить имена дедушек и бабушек, называя своих детей в их честь.

Сима не надеялась, что у них будут еще дети. Они оба хотели назвать дочку в честь своих мам, вот и получилась Мариэлла, названная в честь двух бабушек сразу – Марии (Мириам) и Эллы(Элки).

_____6____

Жили они в Москве в коммунальной квартире на улице, которая называлась Божедомка (ныне ул. Дурова). Сима работала бухгалтером, кроме этого, на полставки – уборщицей. Оставалась после работы и убирала «родную» бухгалтерию, чтобы никто не знал – вроде бы неудобно. Но все прекрасно понимали, как важны для неё дополнительные 300 рублей. Петя получал небольшую пенсию и подрабатывал в конторе «Надомный Труд» – вязал авоськи. И нянчил дочку.

Однажды он спас соседского мальчишку Васю от разъяренной матери. Она лупила его мокрой половой тряпкой за двойку по математике. Петя успокоил обоих и с тех пор начал заниматься с Васей и его другом, конечно, совершенно бесплатно.

Каждый год в День Победы ребята приводили Петра Наумовича в школу на торжественный сбор. А однажды с ними пришел его фронтовой друг Петр Васильевич, который приехал в гости из далекой Сибири. И тогда вся школа узнала, как героически воевал Петр Наумович, как спас Петра Васильевича. Ваське с другом поручили помогать ветерану, а они и так без всяких указаний опекали дядю Петю и его маленькую дочурку. Постепенно к дяде Пете потянулись и другие мальчишки. Особенно те, которые остались без отцов. Петя был прирожденным педагогом, он знал, как найти дорожку к каждому детскому сердечку, даже если «детка» считал себя взрослым, курил и хулиганил.

Петя с Симочкой очень любили ходить в кино, на концерты, в театры, в оперетту. Петин однополчанин работал шофером у какого-то «шишки» и иногда испрашивал разрешения подвезти инвалида войны. Весь двор провожал Симу и Петю до ворот, до машины. А на следующий день требовали, чтобы Петя рассказал весь спектакль или фильм от начала до конца. Петя был хороший рассказчик, пользовался мимикой, менял голос под соответствующих персонажей, замечательно пел, свистел, одним словом, вытворял такое, что соседка тетя Варя как-то сказала (и это было общим мнением):

– Нашего Петю гораздо интересней слушать, чем в кино ходить.

Петя не упускал случая поговорить с пацанами о фильме или книге, обсудить содержание, подвести их к правильному выводу, не читая при этом мораль.

Вот в такой среде общей любви и заботы росла маленькая Мариэлла. Доброта от мамы, музыкальность от папы, самостоятельность – от жизненных обстоятельств. С семи лет она сама ходила в школу и обратно, в магазин за молоком и хлебом. Да кого ей было опасаться, все пацаны в округе никому не дали бы её в обиду.

Военкомат поставил их в очередь на новую квартиру, очередь двигалась медленно, а Петя не умел «выбивать» что-то для себя. Так терпеливо ждали тринадцать лет. Наконец получили квартиру на улице с гордым названием «Героев Панфиловцев», но переехали туда Сима с дочкой уже вдвоем. Петя тихо угасал, таял на глазах, было такое впечатление, что он держался из последних сил, чтобы семья получила двухкомнатную квартиру, а после этого сил уже не осталось...

К этому времени вернулся из армии сосед Вася, устроил достойные похороны, перевез тетю Симу с Мариэллой в новую квартиру. Обещал не забывать, и действительно, не забывал, забегал, помогал, когда надо. Как-то рассказал тете Симе такое, что не рассказывал никому.

Дело было давно, в самом конце войны. По малолетству попал в плохую компанию.
 Взрослые парни просунули меня, как самого маленького, в форточку, чтобы я

им дверь изнутри открыл. Это была какая-то контора. Что они там украли, я не знал, а за работу дали два пирожка с мясом и настольную лампу с зеленным абажуром с канцелярского стола. И я не знал, что с ней делать. Домой принести нельзя — мать прибьет. Продать некому, так и оставил её в каком-то чужом подъезде. Долго мне снилась эта лампа, вкус пирожков... и страх. Я боялся этих ребят и не знал, как от них отвязаться. Война уже закончилась, а они все еще меня не отпускали.

Тогда дядя Петя мне посоветовал: ты, мол, прикинься больным, им будет неохота с больным связываться, — рассказывал Вася. — И правда, я как стал при них кашлять, они испугались, что я чахоточный, и прогнали меня. А дядя Петя меня так по математике натаскал, что меня в артиллерийские войска взяли и в школу сержантов послали. В общем, он из меня человека сделал, я его по гроб жизни не забуду. Вот ехал домой, думал посоветоваться с ним. Меня командир все в армию зазывает, говорит, что я смогу сделать хорошую карьеру в армии, да и деньги платят немалые. А теперь вот посоветоваться не с кем...

- А ты сам, Васенька, как думаешь? Что душа твоя говорит?
- Как вам объяснить, тетя Сима... Военные они для войны. Пока тихо на свете, это, вроде, простая работа, а как война? Значит, надо убивать кого-то. А кто-то меня должен убить, как моего отца убили. Как об этом подумаю, так все в голове гудит. Но как же тогда «защита Отечества», «любовь к Родине»? У меня вообще все в голове перемешалось Родину надо защищать, а убивать никого не хочу.
- Я думаю, Василек, тебе надо учиться. Поступай в ВУЗ на вечерний факультет. Это нелегко, я понимаю, но высшее образование и кругозор расширяет, и интересную работу дает, и положение, и самоуважение... Главное, ты сам сможешь найти ответы на многие вопросы. Ты же очень способный, Петя всегда тобой гордился и любил тебя как сына. А в какой ВУЗ идти тебе решать, хочешь в Политех, у тебя технический склад ума и руки хорошо работают. А хочешь, как Петя, в педагогический, чтобы не хулиганы, а достойные люди росли. Знаешь, Вася, если бы было на свете больше хороших педагогов, меньше было бы войн.

После школы Мариэлла поступила в педагогический, на факультет иностранных языков. Прекрасно пела, играла на гитаре и даже в факультетском КВН выступала. Так и жили Сима с дочкой Мариэллочкой в ласке и согласии, заботясь друг о друге.

_____7_____7____7____7

В начале 80-х на каком-то концерте бардов один молодой человек по имени Владик увидел Мариэллу. Она слушала Визбора с ошалевшими от счастья глазами, шевелила губами, повторяя слова:

А помнишь, друг, команду с нашего двора? Послевоенный — над верёвкой — волейбол, Пока для секции нам сетку не украл Четвёртый номер — Коля Зять, известный вор. A первый номер на подаче – Владик Коп, Владелец страшного кирзового мяча, Который, если попадал кому-то в лоб, То можно смерть установить и без врача. A наш защитник, пятый номер – Макс Шароль, Который дикими прыжками знаменит, А также тем, что он по алгебре король, Но в этом двор его нисколько не винит. Саид Гиреев, нашей дворничихи сын, Торговец краденым и пламенный игрок. Серега Мухин, отпускающий усы, И на распасе скромный автор этих строк.

Да, такое наше поколение – Рудиментом в нынешних мирах, Словно полужесткие крепления Или радиолы во дворах.

(Я должна привести эту песню полностью – это тоже моя любимая песня)

А вот противник – он нахал и скандалист,

На игры носит он то бритву, то наган:

Здесь капитанствует известный террорист,

Сын ассирийца, ассириец Лев Уран,

Известный тем, что перед властью не дрожа,

Зверю-директору он партой угрожал,

И парту бросил он с шестого этажа,

Но, к сожалению для школы, не попал.

А вот и сходятся два танка, два ферзя –

Вот наша Эльба, встреча войск далеких стран:

Идет походкой воровскою Коля Зять,

Навстречу – руки в брюки – Левочка Уран.

Вот тут как раз и начинается кино.

И подливает в это блюдо остроты

Белова Танечка, глядящая в окно, -

Внутрирайонный гений чистой красоты.

Ну что, без драки? Волейбол так волейбол!

Ножи оставлены до встречи роковой,

И Коля Зять уже ужасный ставит «кол»,

Взлетев, как Щагин, над веревкой бельевой.

...Мясной отдел. Центральный рынок. Дня конец.

И тридцать лет прошло – о боже, тридцать лет!

И говорит мне ассириец-продавец:

«Конечно, помню волейбол. Но мяса нет!»

Саид Гиреев – вот сюрприз! – подсел слегка,

Потом опять, потом отбился от ребят,

А Коля Зять пошел в десантные войска,

И там, по слухам, он вполне нашел себя.

А Макс Шароль – опять защитник и герой,

Имеет личность он секретную и кров.

Princer single on ochpetriyle in hoos.

Он так усердствовал над бомбой гробовой

Что стал член-корром по фамилии Петров.

А Владик Коп подался в городок Сидней,

Где океан, балет и выпивка с утра,

Где нет, конечно, ни саней, ни трудодней,

Но нету также ни кола и ни двора.

Ну, кол-то ладно, – не об этом разговор, –

Дай бог, чтоб Владик там поднакопил деньжат.

Но где возьмёт он старый Сретенский наш двор? -

Вот это жаль, вот это, правда, очень жаль.

Ну что же, каждый выбрал веру и житье,

Полсотни игр у смерти выиграв подряд,

И лишь майор десантных войск Н.Н.Зятьев

Лежит простреленный под городом Герат.

Отставить крики! Тихо, Сретенка, не плачь! Мы стали все твоею общею судьбой: Те, кто был втянут в этот несерьезный матч И кто повязан стал веревкой бельевой.

(Юрий Визбор. Волейбол на Сретенке.)

Сначала все улыбались, потом казавшаяся вначале веселой песня, будто ластиком, стирала с лиц слушателей улыбки и увлажняла глаза.

После вечера Владик пошел провожать Мариэллу. Они стали встречаться. Потом было, как у всех влюблённых, хотя каждая пара вспоминает свою трогательную влюбленность как совершенно уникальное событие, вспоминает картины встреч, объяснений, знакомство родителей, свадьбу... И наконец, семейная жизнь.

Песня Визбора была их тайным паролем. Мариэлла пела её редко, но когда пела... Они смотрели друг на друга, вспоминали свою счастливую встречу, которую подарила им эта песня, и искру, проскочившую тогда между ними. Потом в положенный срок родились близнецы Петенька и Вовочка.

Свекровь Елизавета Владимировна и свекор Александр Григорьевич полюбили Мариэллу. С Симой отношения сложились тоже самые добрые. Путем замысловатого многоступенчатого обмена Сима получила однокомнатную квартиру, молодая семья – двухкомнатную, но прописана в ней была только Мариэлла с малышами. А Владик был прописан у родителей, которые перебрались в двухкомнатную хрущевку, но зато близко к внукам.

Так прошли шесть счастливых лет. Молодые гуляли, встречались с друзьями, ходили на концерты и ездили на природу, пели, танцевали, спорили и шутили. Такая – на зависть недоброжелателям – дружная семья... После того как я описала такую счастливую семейную жизнь, опытный читатель скажет: «Так не бывает» или «Их кто-то сглазит, и что-то должно случиться». Увы, случилось.

Вдруг, неожиданно для всех, Владик ушел от Мариэллы к какой-то молодой девице. Это было так странно, непонятно, нелогично... Все друзья искали объяснение этому, никто ничего не мог понять. Мужчины решили, что это гипноз. Подруги решили, что это приворот, советовали идти к гадалкам, ворожеям...

Слышали анекдот? Одна блондинка объясняет другой, что такое миллион. Миллион – это единица и шесть нулей, а два миллиона – это двенадцать нулей. Таким был примерно интеллект Владикиной пассии, хотя в то время анекдотов про блондинок еще не было. В их интеллектуальном кругу девица сначала шокировала всех своими нелепыми, глупыми высказываниями, потом, видимо, Владик посоветовал ей молчать, что она и делала.

Горечь Мариэллы, обида, уязвленное самолюбие, слезы по ночам, глубокое горе – это надо было скрывать от всех и вести себя с достоинством... Ну ладно, была бы та девица красивее, так нет. Была бы она умнее... Так чем же, чем она лучше? Она не была так остроумна и весела, как Мариэлла, она не умела играть на гитаре и петь, как Мариэлла. Она не была такой заботливой и любящей женой, мамой и, что немаловажно, хорошей невесткой. Так чем же, чем она лучше?

Как описать все бурлящие чувства?...

Общие друзья приглашали их так, чтобы они не сталкивались – то Владика с новой женой, то Мариэллу. За ней пробовали ухаживать, но никто ей не был мил.

На одном прощальном вечере (друзья уезжали в Израиль, как тогда казалось, прощались навсегда) они все же столкнулись. Правда, рассадили их по разным углам, да и всеобщее внимание было сосредоточено на отъезжающих. Мариэллу, как всегда, попросили спеть. Кто-то попросил «Волейбол на Сретенке».

– Нет, Визбора я петь не буду, лучше романс. Можете себе представить, как все её слушали – и друзья, и Владик, когда она пела: «А напоследок я скажу… Работу малую висок Еще вершит, но пали руки, И стайкою наискосок уходят запахи и звуки. А напоследок я скажу... Прощай, любить не обязуйся. С ума схожу иль восхожу К высокой степени безумства».

После этого вечера Владик перестал приходить к общим друзьям. Бывал у родителей и там виделся с сыновьями. Мариэлла сумела сохранить хорошие отношения с родителями Владика, что, несомненно, делает ей честь.

Подружки были уверены, что без приворота здесь не обошлось, но Мариэлла вообще не хотела говорить на эту тему.

Прошло два безрадостных года. Однажды она увидела сон, будто Владик тонет, а она стоит на берегу и думает, спасать его или нет. И потом следующий кадр, как в кино, – они сидят на берегу. Значит, спасла. Сидят рядом, но не касаясь друг друга. Владик был мокрый, грустный и очень-очень бледный, неестественно мертвенно - бледный. Мариэлла никому не рассказала свой сон, но на другой день неожиданно ближайшая подруга спросила её:

- А если бы вдруг он попросил прощения и захотел вернуться, ты бы простила?
- Не думаю... Если честно (Мариэлла вспомнила свой сон), то я просто не знаю. А почему ты спрашиваешь? Что-то случилось?
- Сама не знаю, просто так спросила... Не обижайся, больше об этом не буду.

В душе поселилась тревога: что-то случилось или должно случиться. Как узнать что-нибудь про Владика, да так, чтобы никто не заподозрил, что она интересуется?

Обычно она пару раз в месяц отправляла детей на все воскресенье к бабушке и дедушке, которые с нетерпением ждали этих встреч. Иногда туда же приходил Владик, приносил подарки детям, брал их погулять, или в кукольный театр, или еще куда-нибудь. В этот раз мальчики рассказали, как они хорошо провели время в парке с бабушкой и дедушкой. Мариэлла насторожилась, но расспрашивать не стала. На следующее воскресенье она опять отправила детей, и снова они провели время без папы, а в третий раз дети невзначай упомянули, что папа в командировке. Но тревога в душе не рассеивалась. Почему ей так неспокойно? Как бы выйти на его сотрудников, чтобы узнать, что это за командировка?

Однажды вечером раздался звонок... У Мариэллы забилось сердце и задрожала рука, поднимающая телефонную трубку.Женщина на том конце провода сказала, что она медсестра, звонит из онкологической клиники, что пациент такой-то просил её позвонить и передать, что очень просит Мариэллу прийти в больницу попрощаться.

- Как попрощаться?.. растерялась Мариэлла.
- Да, он очень плох, и он это знает.

Это был шок! Но пришлось собрать волю в кулак и, вызвав такси, немедленно отправиться в больницу. Мысли беспорядочно толкались в голове, отскакивали друг от друга, и голове было больно... Может быть, это ошибка? Как она должна себя вести рядом с его новой женой?..

В больнице Мариэлла сначала поговорила с медсестрой, которая ей звонила, и выяснила, что Владику делают химиотерапию, что дела плохи, что лежит он уже три недели, в самом начале два раза приходила его жена, потом сказала, что ей больно это видеть, и... больше не приходила. И самое главное, что главврач хочет его выписать после химиотерапии – все равно надежды нет, а так он им все показатели испортит (ну, вы понимаете, о чем я говорю). А кстати, кто вы ему будете?

 Друг детства, – ответила Мариэлла и, сделав глубокий вдох, быстро вошла в палату.

Когда она вошла, Владик виновато и печально улыбнулся и прикрыл глаза – ему

было больно смотреть на Мариэллу. А Мариэлла смотрела на Владика, и та тяжелая обида, сжимавшая сердце, превращаясь в печаль, таяла в сострадании, как кусок сахара в горячем чае... Не буду описывать, о чем они говорили, – это слишком деликатная тема, почти интимная, чтобы мы бестактно подслушивали.

А насчет командировки, так это Владик сказал родителям перед тем, как лечь в больницу, чтобы они раньше времени не волновались.

Мариэлла забрала его домой и начала лечить. Да, да, не удивляйтесь, у многих, можно даже сказать, у большинства людей при страшном диагнозе опускаются руки, пропадает надежда, и тогда болезни ничего не стоит победить больного. Но в тех случаях, когда и больной, и его окружение не сдаются, они побеждают.

Здесь я должна сделать большое отступление и рассказать реальную историю, которая имеет непосредственное отношение к нашим героям.

_____9_____9______9

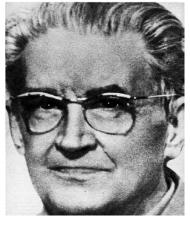
Великий М. Ломоносов писал, что *«может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать»*. Обидно, что та же российская земля не ценит, не бережет своих собственных Платонов и Невтонов, свои великие таланты, а совсем даже наоборот.

В 1895 году в России родился некий Анатолий Трофимович Качугин, имя которого неизвестно широкой публике, хотя он заслуживает большой славы. А Анатолий Трофимович не имеет славы даже посмертной... Что мы знаем о нем?

Качугин Анатолий Трофимович (1895-1971) — врач, химик, естествоиспытатель. Потомок аристократов Голициных. По образованию врач и биохимик. Будучи студентом-медиком спасал людей на фронтах Первой мировой, после войны завершил образование в Сорбонне, а затем вернулся и остался служить новой России.

Представляете, что могут дать миру большой талант вместе с изобретательным умом и прекрасным образованием?

90 работ, более 60 патентов и авторских свидетельств. Среди них работы, посвященные не только медицине.

Он изобрел самонаводящийся снаряд, демонстрировал его Тухачевскому, потом оказалось, что связь с «врагом народа» перевесила пользу его изобретения для Отечества. Сколько жизней было бы спасено во время Великой Отечественной, если бы на вооружении у Красной Армии был снаряд, поражающий звучащий предмет, в том числе, самолет!

Был репрессирован. Человека можно заковать в цепи, но ум его остается свободным. К счастью, пока еще невозможно арестовать мысли инакомыслящих.

Во время Великой Отечественной войны участвовал в разработке новых видов оружия и систем противохимической защиты. Создал специальный противотанковый коктейль Молотова «КС». После войны вернулся в медицину. Справочник сообщает нам, что «первый лекарственный препарат, известный как «тубазид», создан в 1926 году А.Т.Качугиным, а его широкое клиническое применение началось с 1952 года». 26 лет спустя! До сих пор «тубазид» считается одним из самых эффективных в лечении туберкулеза.

В 50-х годах он предложил медицинской общественности Ленинграда метод лечения онкологических больных. В поликлинике N3 терапевт М.Л.Волохонская, зав. диспансерным отделением Н.Д. Воронко и уролог С.И. Вышеславцев успешно

лечили онкологических больных. Но, видно, на роду у Качугина было написано подвергаться преследованиям всю жизнь. Метод было решено ЗАПРЕТИТЬ! Почему???

Он был настоящим патриотом, он не стремился ни к славе, ни к должностям. Медицинская общественность бурлила: советский врач нашел средство от рака, наверняка он заслуживает Нобелевскую премию! Скорее бы внедрить его метод лечения!

Впервые он стал использовать так называемую нейтрон-захватную терапию и медикаменты группы семикарбазидов. В октябре 1960 года в Медицинской газете был опубликован пасквиль на А.Т.Качугина.

Началась травля «шарлатана» и «знахаря». Неужели он шарлатан? Академии Наук пришлось сказать свое веское слово. Заседания в январе 1961 года были закрытыми. Но писательница Антонина Коптяева и несколько других писателей и журналистов тайком проникли в зал и спрятались за ширмой, чтобы стенографировать ход собрания. Незадолго до этого у А.Коптяевой умер муж от рака. Его можно было бы спасти, если бы она узнала о методе раньше.

Хотя все помнили, сердцем и кожей своей помнили, бессонницей и ночными кошмарами помнили дело «врачей-отравителей», но времена были уже другие. В защиту Качугина не побоялись выступить врачи третьей поликлиники, другие специалисты, больные, полностью вылеченные лекарствами, которые по его рецептам готовили сами врачи, и, самое главное, за него вступился профессор Шапиро — известный уролог. Представляете ситуацию, да? Безродный космополит Шапиро защищает русского гения Качугина от коллег-врачей.

Президент Медицинской Академии Наук СССР Н.Н.Блохин на словах обещал разобраться, а на деле запретил применять метод семикарбазидкадмиевой терапии. Почему??? А кто знает? Может, ревность, амбиции, зависть плебеев к интеллигенту, окончившему Сорбонну... Да мало ли какие эмоции кипят на дне черных душ.

Тогдашний министр здравоохранения СССР Б.В.Петровский, вместо того, чтобы выделить лабораторию и средства на изучение и разработку качугинских идей, тоже бросил свой камень — огромный булыжник — в новую теорию. И даже через тридцать лет после описываемых событий в своих мемуарах он не удержался, чтобы не «лягнуть» А.Т.Качугина. Господь ему судья...

На простых врачей просто топнули ногой, а профессора Шапиро вызвали в обком. Ни президент Медицинской Академии Наук СССР Н.Н.Блохин, ни министр здравоохранения СССР Б.В. Петровский не могли топнуть или рявкнуть на профессора, на светило международного класса. А в обкоме не осознавали и не хотели осознавать, кто такой этот Шапиро. Как там с ним говорили, может себе представить только тот, кто сам прошел через это. На него кричали, угрожали, упоминая пятую графу... Старый человек, переживший революцию, войны, сталинизм, дело врачей и другие «радости» советского существования, твердо стоял на своем — этот препарат вылечивает людей! Его честность, порядочность и непреклонность стоили ему жизни — после «разбирательства» в обкоме его привезли в больницу с тяжелейшим инфарктом, от которого он уже не оправился.

Врачи пытались еще бороться, печатать результаты исследований. В журнале «Вопросы онкологии» (N6, 1963г) героические медики третьей поликлиники опубликовали статью «Опыт применения семикарбазидкадмиевой терапии у больных со злокачественными новообразованиями в инкурабельном периоде». Врачи продолжали лечить больных **тайком**. Но сколько такое положение может продолжаться? Подпольно дома делать лекарство, посылать медсестру через день к больному делать уколы, дрожать от каждого звонка, подвергать опасности не только себя, но и близких... Все реже и реже брались они за нелегальное лечение больных. Кто их осудит?

Время, как всегда, летело, не обращая внимания на нас, грешных. Уже не оставалось врачей, знакомых с методом Качугина, который в 1971 году покинул такой несправедливый и неласковый к нему мир. Он похоронен на Преображенском военном кладбище в Москве. Только его жена врач Белла Яковлевна продолжала святое дело, изготовляла в домашних условиях препараты и лечила больных, а через много лет после смерти Анатолия Трофимовича получила все-таки патент на семикарбазидкадмиевый метод! Многие работы Качугина внедрены. Однако и многие утеряны! В настоящее время некоторые медицинские разработки Качугина получили развитие в США.

О Качугине почти забыли. В конце 90-х здесь, в эмиграции, о нём рассказала на страницах русскоязычной прессы журналист Маргарита Генкина. Хотите узнать больше об этом замечательном человеке? Интересная информация находится на сайте: https://idea.vrnlib.ru/article/zabytye-imena-kachugin-anatolij-trofimovich

Также историю Качугина достаточно подробно описал Ардалион Киреев в своей книге «Рак излечим!». Книгу можно купить на Амазоне или найти на любом поисковом сайте. Читается как хороший детектив, не оторваться...

Вернемся к Мариэлле. Она вызвала болезнь на дуэль. Сначала она бросилась к бабкам-травницам, которые издавна брались за лечение всех недугов, а поможет или нет — так это как судьба решит. Онкологию народные целители тоже брались лечить, рассказывали о счастливых выздоровлениях.

Средства эти были ядовиты. В стародавние времена ими не только лечили, но и травили. Всё искусство лекаря заключалось в дозе приема ядовитого настоя. Точная доза (измеряемая каплями) должна убить опухоль, а доза чуть больше необходимой могла отравить больного. Этот метод, как объясняли травницы, помогает в начальной стадии заболевания, притом сильному мужику. А Владик уже таким не был. Как можно так рисковать? И где вообще сейчас можно достать эти травы?

Сима позвонила Петру Ивановичу в далекую Читу, где он жил со своей семьей и старенькой мамой. Обливаясь слезами (хорошо, что Мариэлла не видела — она очень строго запретила всем плакать), рассказала всю историю и спросила совета, — может быть, его мама что-нибудь подскажет, как много лет назад она помогала советами и народными средствами.

Петр Иванович отозвался по-военному быстро и четко: поделился информацией – есть такое очень сильное лекарственное растение в их краях. Ягоды действуют на сердце, листья — на нервную систему, а корневища ядовиты, обладают рвотным эффектом, применение требует особой осторожности. Травники Китая используют этот корень при лечении некоторых онкологических заболеваний. Петр Иванович прислал из Читы купленные на черном рынке экстракты китайских грибов майтаке, шиитаке и рейши. Там ему сказали, что это для повышения иммунитета. А лекарственный корень не прислал: может, не достал, а может, побоявшись его ядовитости, не рискнул взять на себя такую ответственность.

Мариэлла металась по городу, как раненый зверь. Но она чувствовала, что решение где-то рядом. Помните военного врача, лечившего её папу? Сима поддерживала с ним отношения, обязательно поздравляла на 23 февраля и День Победы. А если нужна была какая-то медицинская помощь, так советовалась только с ним. Этот врач вспомнил, что его знакомый хирург Военно-Медицинской Академии кандидат наук Л.Лейбов рассказывал, как в свое время сам тайком делал лекарства и

лечил больных. Не буду утомлять вас длинным описанием её мытарств. В конце концов она вышла на Беллу Яковлевну Качугину, вымолила у неё лечебные растворы и порошки, сама делала уколы, плюс бессолевая диета, без красного мяса, без молочных продуктов, каши из свежей не жареной гречки и так далее...

И еще один штрих: около дивана в гостиной, где лежал Владик, стоял старенький магнитофон и крутились записи всех юмористов – от Аркадия Райкина до молодого тогда Шифрина. Владик даже взмолился:

– Я уже больше не могу, у меня живот от смеха болит.

Может быть, не все знают, но это действительно помогает: когда человек смеется, в его крови образуется какой-то фермент, помогающий процессу выздоровления, это научно доказанный факт.

Свекровь Елизавета Владимировна и свекор Александр Григорьевич почти молились на Мариэллу, полностью взяли на себя все заботы о внуках, покупки, готовку, стирку... Все их существование сейчас заключалось в этом лежащем на диване изможденном, бледном, высохшем человеке, их сыне, который, несмотря ни на что, смеялся. Представляете, лежит и смеётся над каким-то штурманом Бенимовичем, Одесским пароходом, кулинарным техникумом и т. д. Уму непостижимо...

Постепенно к Владику возвращались силы и аппетит.

Перефразируя известное выражение Ф. Достоевского («... дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»), можно сказать, что Мариэлла боролась с болезнью, а полем битвы было тело Владика. И наконец, настал день, когда победа Мариэллы стала очевидной. Врачи удивленно развели руками и сняли его с учёта в онкологическом диспансере.

Как-то вечером, когда дети уже спали на своих раскладных креслах-кроватях (обязательный атрибут малогабаритных квартир), Мариэлла закончила готовить обед на завтра и, убрав на кухне, тоже собралась идти к ним в комнату. Владик, который по-прежнему спал на диване в гостиной, спросил, сможет ли Мариэлла когда-нибудь простить его, есть ли у него хоть малейшая надежда...

Они решили, что надо начать жить сначала. Полностью поменять все. Новая страна, новое место жительства, новая работа, новое окружение, новые проблемы и заботы, чтобы никто и ничто не напоминало о прошлом. Тем более, что почти все друзья разъехались, кто куда.

Сравнительно быстро получили разрешение, оформили все документы – у них были четкие инструкции от уехавших ранее друзей. Собрали вещи.

Уже сдали родительские квартиры, все вместе находились в мариэллиной двушечке — она договорилась с управдомом, что сдаст ему ключи утром в день отъезда. Все эти несколько месяцев у Владика болело сердце, но он никому не говорил об этом, потихоньку капал себе корвалол или валокордин — что попало. Но мамино сердце чуткое, его не обманешь. Каждый вечер она подсаживалась к нему на раскладушку и тихонько уговаривала пойти к врачу. Каждый день он обещал, но потом отговаривался занятостью и заверял, что ему уже лучше, что как только прилетят в Вену, сразу же попросится к врачу, там же врачи... те еще врачи! Он заговаривал маме зубы, не желая признаваться в физической слабости. И так его — мужчину, главу семьи — отстранили от всех физических тягот.

За день до отъезда ему стало совсем плохо. Ночью он пошел в туалет, упал, его вырвало. Неопытный врач скорой помощи увидел их чемоданы и, поняв, что это отъезжающие, быстро заключил: наверно, выпили лишнее на проводах, пытался промывать желудок, потом понял, что дело не в отравлении, повез Владика в госпиталь, но было уже поздно. Его не довезли...

#==#==#

Ангелы, рыдая, несли душу Владика к престолу Всевышнего. Молча подошли, положили, отошли в сторону.

– Что насупились, чем недовольны? – строго спросил Владыка.

Самый умный архангел знал, когда нужно промолчать, а когда можно и сказать. Страшнее всего, когда Всевышний молчит в гневе, тогда нельзя не только пикнуть, но лучше и на глаза не попадаться.

- Почему он должен был умереть? Жалко ведь, тихо сказал самый смелый ангел.
- Разве грех его был так велик? не удержался другой ангел от тихого вопроса.
- Сколько можно вам объяснять? Ну, сколько? Есть определенные законы, и их нельзя нарушать. Ну не слушаются меня люди, ну не хотят. Сколько можно с ними возиться? Даешь им 613 правил не выполняют, даешь им десять законов нарушают, торгуешься с ними, ну хоть семь из них соблюдайте, и Я вам помогу и то не могут. Они не понимают причинно-следственные связи. Люди не хотят признать существующие закономерности, чётко сформулировать и соблюдать их. Кроме законов физического мира инерции, притяжения и других, есть законы тонкого мира, законы эмоций, чувств и отношений, законы, определяющие силовое поле обиды, зависти, злобы, мести и так далее. Их сложнее понять, так как результат сразу не виден, эффект от нарушения закона может проявиться через месяцы, через годы, а то и через поколения. Мне всё равно, какие законы нарушил этот, как его... или, возможно, его дед или прадед обидел кого-то. Они мне все надоели. Не приставайте больше.

#==#==#

Как Мариэлла выдержала все, не мог понять никто. Самые близкие друзья из оставшихся – два брата, дружившие с Владиком с детсадовского горшка, – помогли с похоронами, но все равно, вся тяжесть деловых переговоров легла на Мариэллу. «Гвозди бы делать из этих людей...»

Надо было договориться в ОВИРе о продлении визы на выезд, поменять билеты, узаконить проживание до отъезда в своей квартире, на которую уже был выписан ордер молодой симпатичной паре...

Родители Владика сказали, что теперь они не могут ехать. Мариэлла категорически пресекла эти разговоры. Во-первых, надо спасать мальчиков от армии. Во-вторых, вы не можете теперь расстаться с внуками навсегда. В-третьих, оставлять стариков ни по человеческим, ни по божеским законам нельзя. В-четвертых, ехать надо всем – так хотел Владик...

Вот так, после двухмесячной отсрочки их отъезда в очереди к таможне стояла в черном платье и черном платке бледная Мариэлла с мамой Симой, свекром и свекровью и мальчиками-близнецами. Их провожали два верных друга, которые не могли уехать из-за больной мамы и лежачей парализованной бабушки.

А за ними стояли Миша и Милочка с мамами и дочками – семья описанная в начале повествования. Их никто не провожал.

И вот таможенник махнул рукой, и Мариэлла со всей командой подошли к нему.

Подала документы: Александр Григорьевич и Елизавета Владимировна — одна семья. Они стояли, безучастные ко всему. Мариэлла отвечала за них на все вопросы. Проверив их ручную кладь, без лишних проволочек офицер шлепнул печать. Следующей Мариэлла подала документы мамы. Таможенник порылся в сумке и торжествующе вытащил оттуда полиэтиленовый мешочек с белым порошком.

- Что это такое? почти прорычал он.
- Мама, что это такое? в ужасе прошептала Мариэлла.

- Это стиральный порошок, растерянно объяснила бедная Сима, она только поняла, что натворила, у нас же дети, им надо будет маечки, трусики постирать.
 - Ох, мама, мама...

Мариэлла взяла себя в руки:

– Гражданин офицер, вы же понимаете, что это на самом деле стиральный порошок. Если вы захотите сделать спектральный анализ, потребуются независимые понятые и независимая экспертиза, – при этом она взяла со стола пакетик и бросила его в мусорный ящик, – будем считать, что «инцидент исперчен».

Таможенник не знал, что это цитата из Маяковского... «инцидент исперчен». У него поднялись удивлено брови. Как надо реагировать? Может, это насмешка или издевательство в среде этих вшивых интеллигентов?..

Злополучный пакет был в мусорном ящике, офицер сделал вид, что не расслышал и продолжил проверку, ведь вытаскивать мешочек из мусорки, поднимать шум – действительно, будет себе дороже.

И тут судьба послала ему еще одну зацепку. Он вытащил из сумки коробочку изпод рахат-лукума, перевязанную шелковой ленточкой. Не скрывая торжествующей улыбки, он медленно развязывал ленточку, наблюдая при этом за напрягшимися женщинами. Там были письма мужа с фронта, все до единого сохраненные Симой. Да и как можно было не сохранить эту историческую память сердца?

- Никакие записи, письма, заметки, записные книжки и прочее такого же рода нельзя! Он наслаждался своей властью.
 - А по почте письма можно посылать? Мариэлла говорила очень спокойно.
 - Можно, пришлось согласиться офицеру.
- Не волнуйся, мамочка, ребята будут пересылать нам эти письма по одному в конверте, мы все получим, не переживай.

Мариэлла взяла коробочку с письмами и отнесла друзьям, которые вместе с Мишей внимательно наблюдали за всем происходящим. По дороге она вернулась на несколько шагов, демонстративно вытащила из мусорного ящика мешочек со стиральным порошком и отдала все вместе провожающим. А пока она отошла от стойки, тишайшая Сима, от которой никто никогда не слышал не только сердитого, но даже строгого голоса, глядя прямо в лицо таможеннику, сказала:

– Мой муж воевал, все четыре года был на передовой. Воевал за Родину! Был несколько раз ранен, и умер после войны от ран. Эти письма – самое дорогое, что у меня есть. И вот эта Родина так относится к его семье. Спасибо вам!

#==#==#

Кто польет свою родину кровью и потом, Обычно считается патриотом. А как быть, если эта земля полита Потом и кровью космополита?.. (Борис Заходер)

#==#==#

Когда Мариэлла вернулась к стойке, офицер ставил печать на бумаги Симы и при этом не выдержал и буркнул:

- Скажите спасибо, что я вас на личный досмотр не отправил.

#==#==#

У Китая в древние века была монополия на шёлк и изделия из него. Только в Китае разводили тутовый шелкопряд. Можно представить, как заманчиво для конкурентов из других стран было раздобыть хоть один кокон и как таможня древнего Китая была строга и бдительна. Но одной из китайских принцесс удалось вывезти в своей прическе кокон тутового шелкопряда, когда она ехала к своему жениху — бухарскому принцу. Таможня в IV веке н.э. не досматривала женщин?.. А может, не досматривали именно её — принцессу?..

Что-то в облике Мариэллы удерживало таможенника от обычного, привычного хамства, но показать свою власть очень хотелось.

Он бегло просмотрел содержимое её сумки и рюкзачки мальчиков. Кроме этого, у них была скрипка. Таможенник открыл футляр, внимательно проверил сопроводительные документы, заключение эксперта, разрешение на вывоз, печати. Придраться было не к чему.

– Все вывозят инструменты, лишь бы вывезти, кто даже играть не умеет, – ворчал себе под нос офицер, при этом достаточно громко и явственно.

Мариэлла молчала, у неё не было сил. Но тут неожиданно подал голос Петя:

– Почему вы так думаете, дяденька? Мы с братом умеем играть.

При этом он спокойно взял из рук офицера скрипку, аккуратно и нежно приладил на плече и заиграл. Весь огромный зал аэропорта замер. И не только потому, что звуки скрипки были совершенно инородными для этого места, а более потому, что не все, но многие узнали мелодию и от этого замерли. Петя играл «Плач Израиля». Когда он закончил, раздались аплодисменты.

- Дяденька, давайте я тоже сыграю, Вовочка не хотел отстать от брата.
- Не надо.

Офицер поставил печати, посмотрел на часы и оглянулся. Заканчивалась смена.

Мариэлла подошла с мальчиками к ожидавшим их старикам, один взял за руку бабушку, другой – дедушку, сама она обняла за плечи маму, махнула на прощание друзьям, и все они скрылись за поворотом.

– Послушайте, ребята, – вдруг обратился Миша к друзьям Мариэллы (он даже не знал их имен, но ситуация и общее волнение сблизили мужчин). – Сейчас у них пересменка, видите, он сдает дела. Давайте мне вашу коробочку. Если проскочит, я в самолете отдам им, а если нет, то верну вам. Попробуем? А? Подождите еще немного. Не уходите.

На Мише было широкое демисезонное пальто. Хлопоты последних нескольких месяцев заметно уменьшили размеры Миши и Милы, но поменять гардероб не было их приоритетной задачей. Поэтому пальто болталось на нем, как на вешалке. Он просто положил коробочку с письмами в карман.

Женщина таможенница была строгой, без малейшей улыбочки, говорила сухо. Проверяла ручную кладь без эмоций, посмотрела на количество золотых и серебряных вещей. Отъезжающим дозволялось иметь по пять золотых изделий на нос, каждое не дороже 250 рублей по ценам тех лет, и по 200 грамм изделий из серебра. Миша все тщательно отмерил, серебра было по 180 грамм, каждое золотое изделие было также, на всякий случай, чуть меньшей стоимости. А у девочек было не по пять, а только по три изделия: сережки, цепочка и кулончик.

#==#==#

Когда в 1922 году по инициативе В. И. Ленина в рамках борьбы с инакомыслием из Советской России высылали оппозиционных представителей интеллигенции: философов, врачей, профессоров, педагогов, экономистов, инженеров, политических и религиозных деятелей, литераторов, юристов и других — то таможенные правила были намного строже. По воспоминаниям Фёдора Степуна, одного из пассажиров «философского парохода», «всем высылаемым разрешалось взять: одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм, по две штуки всякого белья, две денные рубашки, две ночные, две пары кальсон, две пары чулок. Золотые вещи, драгоценные камни, за исключением венчальных колец, были к вывозу запрещены; даже и нательные кресты надо было снимать с шеи. Кроме вещей, разрешалось, впрочем, взять небольшое количество валюты, если не ошибаюсь, по 20 долларов на человека; но откуда её взять, когда за хранение её полагалась тюрьма, а в отдельных случаях даже и смертная казнь».

#==#==#

Однако повод придраться к Мишиной семье нашелся: среди нескольких серебряных рюмочек у мамы Лены оказалась маленькая стопочка, совсем не эффектная, с одного бока чуть погнутая, но дорогая ей – это была стопочка её деда, из которой он каждый шабес делал «лехаим».

- Нельзя, строго сказала дама.
- Почему? не удержался Миша, общий вес всех изделий гораздо меньше разрешенных 200 грамм. Можете взвесить.
- Я вижу, мне не надо взвешивать. Все рюмочки современные, а эта старинная.
 Довоенные изделия вывозу не подлежат.
 - Но нам это не сказали.
- Отдайте провожающим, женщина равнодушно пожала плечами. Миша отнес стопочку друзьям Мариэллы – лучше отдать малознакомым, но своим людям, чем оставить на таможне.

Очень быстро осмотр был закончен, проставлены печати, и Миша со своими домочадцами двинулся дальше, на прощанье помахав рукой новым друзьям.

В среде наших эмигрантов ходят рассказы о жутких издевательствах, придирках, вымогательствах, пренебрежении и даже оскорблениях со стороны чиновников до долгожданного «Таможня дает добро». Возможно, Мише с семьёй повезло, напали на приличного человека, а может, мысли её — офицера таможни — были далеко. Милочке даже показалось, что она грустна, — может, у неё неприятности в личной жизни, может, дети болеют... Короче говоря, если не считать инцидента со стопочкой, так легко в те годы через таможню мало кто проходил.

Забегая вперед, расскажу, что через двенадцать лет Мариэлла съездила в Москву – на кладбище и с друзьями повидаться – и привезла Милочке оттуда памятную стопочку.

Всё в Москве было по-другому. Времена резко изменились, Друзья уже об отъезде не думали. Обзавелись семьями, детишками, бизнесом. Отдыхать ездили по всей Европе...

А теперь представьте себе самолет, летящий в Вену. Более половины пассажиров составляют эмигранты. На их лицах отражался весь спектр возможных эмоций: радость (наконец-то вырвались!), грусть (позади осталась вся жизнь!), страх (что там нас ждет?), надежда (все-таки детям будет лучше, чем нам!), усталость и возбуждение одновременно.

«Пристегните ремни», инструкция, как себя вести в случае аварии, сосательные конфеты, разбег, взлет, ребятишки прилипли к окнам. Наконец, Миша с Милой пошли по рядам, выискивая Мариэллу и её маму. Мариэлла сидела, закрыв глаза. Мама смотрела на неё с непередаваемой жалостью. Подняла глаза на подошедших, удивляясь их радостным лицам. Мариэлла открыла глаза.

- А у нас для вас сюрприз!
- ???

И тут Миша, как фокусник, медленно достал из ... (так и хочется сказать «из широких штанин»...) из кармана пальто знакомую до боли коробочку из-под рахат-лукума, перевязанную шелковой ленточкой. Мама Лена ахнула, а потом бросилась Мише на шею. Окружающие, сидящие на двух рядах до и на трёх рядах после Мариэллы и её мамы, смотрели на это с удивлением и любопытством. Мила объяснила ситуацию, все радовались за Лену и еще радовались, что кому-то удалось надуть таможенников. И в это время было объявлено, что самолет пересек границу Союза Советских Социалистических Республик. Одна радость наложилась на другую. Весь самолет ликовал.

Вот так подружились эти две семьи. Детям было весело друг с другом. Пожилые тоже чувствовали взаимную симпатию. А Мила с Мишей поддерживали Мариэллу, везде были вместе – и в Вене, и потом в Италии.

Из Рима вместе поехали в Ладисполи искать квартиру. Оказалось, что в центре найти жильё очень трудно. Снять квартиру помогали агенты, но они предлагали квартиры с количеством спален по числу семейных пар. У Мариэллы официально считались три семьи, вот агенты искали для неё квартиру из трёх спален. Так же обстояло дело у Миши с Милой.

А все иммигранты, как вы понимаете, вынуждены были экономить. Решили искать сами. В один из дней, приехав на электричке из Рима, пошли не в центр Ладисполи, а в противоположную сторону, за железнодорожное полотно. Там стояли одно- и двухэтажные частные дома. Заходили в каждый.

- Si affitta un appartamento? (Вы сдаете квартиру?)

У Мариэллы был русско-итальянский разговорник, припасенный еще Владиком – они основательно готовились к поездке...

Сняли вместе одноэтажный дом, без хозяина, с большой кухней и четырьмя спальнями.

#==#==#

Местечко дивное под Римом – Ладисполи. Тому назад полжизни. По сю пору зримо. Палаццо, персиковый сад, причал, яхт-клуб для богатеев... И мы – бродячие евреи.

(Елена Литинская)

#==#==#

В центре городка, на главной улице, по которой шёл единственный автобус, соединяющий Ладисполи с Римом, был знаменитый фонтан. К нему через день в полдень приезжал представитель СОХНУТа, оглашал списки, кому надлежало приехать в Рим для интервью или за получением пакета документов, кому разрешён въезд в США или в другую страну и так далее. Кроме ожидания представителя, около фонтана в любое время всё равно толпились люди, делились опытом и слухами, обменивались информацией и ненужными вещами, шла мелкая торговля, и завязывались знакомства.

Мила с Мишей познакомились с земляками — с большой интернациональной семьёй из Баку [Их история описана в романе-трилогии «И даровал Всевышний Человеку свободу воли»]. Азербайджанец Теймур с еврейской женой Эдитой, его брат с женой армянкой, их дети и старенькая русская женщина — вторая жена его дедушки... Теймур не мог оставить старенькую Татьяну Матвеевну, которая его вырастила, ведь у неё никого не было на всем белом свете. Ей было за девяносто... Её взяли с собой, но... не довезли... Похоронили её в Ладисполи на лазурном берегу, под голубым небом Италии.

Во время посещения СОХНУТа Мише и Мариэлле предложили временную работу, так как они свободно владели английским. Миша начал работать — вводил информацию в базу данных. Мариэлла не согласилась ежедневно уезжать в Рим, оставлять семью, поэтому от подработки в СОХНУТе отказалась. Но устроилась в обувной магазин в центре Ладисполи около фонтана. При обилии русскоязычной публики хозяин был рад принять на работу на полдня русскоговорящую работницу.

Она приветливо приглашала в магазин пожилых людей, стесняющихся что-то спросить лишний раз. Подбирала для них мягкую и широкую обувь. И самое главное, она уговорила хозяина не закрывать магазин днем на два-три часа на обеденный традиционный отдых – сиесту, ведь наши соотечественники все время гуляют.

А еще она нашла в подсобке гитару и в первый раз после болезни Владика дотронулась до струн. В магазине как раз никого не было. Мариэлла подвинула стул поближе к открытой двери, откуда веяло свежим морским ветерком, взяла несколько аккордов и запела. Она пела любимые грустные романсы (впрочем, все или почти все романсы грустные, что-то не припомню веселых романсов...) и плакала. Все эти месяцы она плакала мало, слезы, появляясь, как будто застывали прямо в глазах, а сейчас они лились, не останавливаясь и омывая душу. На улице перед магазином собралась небольшая толпа, но зайти никто не решался. Очнувшись, Мариэлла ушла в подсобку умыться.

Хозяин был весьма рад – доходы росли. Он был бы не прочь пофлиртовать с такой очаровательной русской, но, зная её ситуацию и видя её строгое поведение, не приставал. А только восхищался этой непостижимой, удивительной женщиной, взвалившей на себя заботы о родителях умершего мужа. После работы её приходили встречать мама Сима с детьми и даже иногда Александр Григорьевич и Елизавета Владимировна, которые никуда выходить не хотели. Мальчики, по указанию Мариэллы, тянули их пройтись. Часто и Мила с девочками и мамой присоединялись к ним. И весь этот «почётный эскорт», по выражению Мариэллы, вежливо раскланивался с хозяином магазина, который, сверкая лучезарной улыбкой, что-то мурлыкал поитальянски, дамы осыпали его самого и его магазин комплиментами. Не понимая друг друга, они, тем не менее, расходились очень довольные диалогом.

«Всё на свете имеет конец!» — сказал когда-то мудрый Данко. Вот и «римским каникулам» пришел конец. На прощанье хозяин магазина продал всей компании обувь с большой скидкой и без всякой надежды, на всякий случай, спросил Мариэллу — может, она все-таки захочет остаться? Обещал позаботиться о всей семье... Мариэлла постаралась максимально любезно смягчить свой отказ. Она сказала, что благодаря знакомству с ним, будет теперь с необыкновенной любовью вспоминать Италию и итальянцев, что навсегда сохранит в сердце его доброту и заботу и так далее, и тому подобное.

_____14____14____14____14____14___

По прибытии в Нью-Йорк их всех отвезли в третьесортную гостиницу – Отель Сен-Джордж. Там было очень грязно, тараканы, серое постельное бельё... Наутро Мариэлла позвонила друзьям, которые уже ждали их и немедленно примчались. Первым делом надо было снять квартиры. Поехали в Бруклин вместе с Мишей и Милой.

Задача стояла нелегкая – квартиры должны были быть или в одном доме, или в соседних домах – старики должны быть рядом. И недалеко от школы. И поблизости от автобусов и метро. Всего несколько дней поисков, и они нашли то, что нужно. Друзья задавали лендлордам непонятный вопрос: «Вы принимаете "секшен эйт"?» Надо сказать, что снять квартиру в Бруклине в 1988 году и получить восьмую программу было несравнимо легче, чем сейчас (section 8 - программа федерального правительства по оказанию помощи семьям с низким доходом, инвалидам и пожилым людям в приобретении жилья или для оплаты аренды).

В одном квартале от школы в шестиэтажном доме Миша с Милочкой сняли квартиру с двумя спальнями. Тоже недалеко от школы, в соседнем доме были сняты квартиры для Мариэллы с мамой и мальчиками и для Елизаветы Владимировны и Александра Григорьевича. Милочкину маму Лену и Мишину маму Любовь Семеновну поселили временно вместе. Брат Гена из Израиля собирался забрать маму сразу из Вены, но благоразумный Миша уговорил его не торопиться, пусть теща сначала получит грин-карту (документ законного постоянного жителя страны), а там видно будет.

Время шло и помогало вживаться в новую жизнь. И не только время. Ещё надо сказать спасибо благотворительной организации NYANA («New York Association for

New Americans»). Наши люди называют эту организацию «НАЯНОЙ», склоняя по падежам. Милочка, по совету ведущей из НАЯНЫ, пошла в колледж на курсы социальных работников. В Баку она преподавала французский, который знала прекрасно, но здесь он не был нужен. Английский в ВУЗе был у неё вторым языком, так что пришлось изрядно позаниматься. Диплом и хорошие оценки почти по всем предметам (кроме истории КПСС) были эвалюированы и засчитаны в колледже.

Так как Мариэлла прекрасно владела английским, она устроилась преподавать английский в одну из профессиональных школ по подготовке скороспелых программистов. В то время школы эти, как грибы, вырастали в Нью-Йорке. Кроме этого, она заканчивала курсы страхового агента. Приходила домой поздно. Сима отводила по утрам мальчиков в школу, хотя до школы был всего один квартал, и они могли ходить туда сами, но ей было приятно провожать и встречать их. Все хозяйственные заботы она делила с Елизаветой Владимировной. Александр Григорьевич занимался с мальчиками математикой.

Изредка они ходили в театр, когда приезжали русские артисты.

Обстоятельный Миша пошел учиться в школу программистов, в которой преподавала Мариэлла. Хоть и английский у него был на достаточно хорошем уровне, да и программирование не было для него чем-то новым, непонятным, но он хотел глубже вникнуть в некоторые американские термины, операционные системы, разобраться, как надо вести себя на интервью и так далее. Через полгода он уже работал в солидной компании.

Мишина мама Любовь Семеновна была дама весьма самостоятельная и вполне независимая, другими словами — самодостаточная. Она записалась в центр для пожилых, ходила туда в бассейн, на курсы английского языка и в клуб литераторов. Она сама ни стихов, ни рассказов не писала, просто, как она объясняла близким, хотелось быть в интеллигентной среде.

Маму Лену Гена все-таки забрал в Израиль. Она, наконец, увидела после долгой разлуки детей и внуков.

Прошел год с хвостиком. Всё постепенно утряслось. Утром Миша уходил на работу рано, потом Мила с девочками выходили вместе, она провожала их до школы и бежала на занятия, а через несколько месяцев уже на работу. После школы их встречала соседка, приводила домой и была с ними до прихода родителей. Девочки сами разогревали еду, ели, готовили уроки, но были под присмотром – Милочке так было спокойнее. Соседка – бодрая старушка с классическим именем Марья Ивановна тоже заслуживает более подробного знакомства.

Когда закончилась война, Марья Ивановна — тогда в родном селе все звали её Машенькой — осталась совсем одна. Впрочем, на селе в пятнадцать лет — вполне взрослый человек. Работала дояркой и при этом отлично училась в школе. Директор школы попробовал заикнуться председателю колхоза, что хорошо бы Машеньку послать в город учиться в институте, но тот сказал, что у него каждая пара рук на счету. В те годы трудно было осуждать его за это. Много ночей провела Машенька в слезах, прощаясь с мечтой учиться. Делать нечего... надо смириться с судьбой. Но она поклялась себе, что у неё будет сын, который будет учиться в университете, как Помоносов!

Время шло, после войны найти достойного мужа было непросто. Она искала человека умного и непьющего. Когда ей исполнилось двадцать пять лет, она решилась – подкараулила механика, который шел после работы усталый, но еще трезвый, и затащила его на сеновал. Прошло несколько месяцев и беременность стала заметной. На все вопросы Маша отвечала, что ребенок от Святого Духа. Как-

то механик тоже спросил ее, может, он является отцом? Получив короткое и резкое «Нет», он облегченно вздохнул.

Педагоги и родители делятся на тех, кто считает ум ребенка чистым листом, на котором воспитатель пишет мудрые истины, или воском, из которого воспитатель лепит личность. Другие полагают, что генетический код, заложенный в человеке, определяет черты характера — как будто внутри комочка пластилина находится твердый шарик, который невозможно изменить: только внешний мягкий слой поддаётся некоторой обработке. Маша относилась к первым, и поэтому старалась как можно раньше и как можно больше дать своему сыну. Одним словом, имея хорошую наследственность, развитие и постоянную работу для ума, сын Маши окончил школу с золотой медалью и поступил в ЛГУ. Стал прекрасным инженером-электронщиком. Встретил Эллу, влюбился. Но на пути к счастливой семейной жизни грудью встали её родители. Они не хотели русского зятя и простую русскую бабу в качестве свекрови. Молодые приехали к Марии, которая сказала, что будет любить ту, которую любит её сын, что национальность для неё не играет никакой роли, и что она будет делать для них все что в её силах.

Молодые жили в Ленинграде, родились два сына. Родители Эллы примирились с ситуацией, тем более что зять оказался весьма достойный, а свекровь, ко всеобщему удивлению, неглупой и даже начитанной. Мария приезжала к молодым в Ленинград надолго, когда внуки были маленькие, помогала растить, но насовсем переселиться не соглашалась. Элла сказала как-то своим родителям, что столько любви, добра и заботы, сколько она получает от свекрови, не поддаются измерению. Это звучало как укоризна...

Потом наступили сложные времена, диссиденты, брожение умов, самиздат, стремление к демократии, свободе и так далее... В начале 1980 года к Марии приехал сын и сказал, что мы все уезжаем, так что, мама, собирайся, ты едешь с нами. Так Марья Ивановна, к осуждению и зависти всего села, оказалась в Америке, в городе Бруклин штата Нью-Йорка.

Через несколько лет сын нашел престижную работу в Нью-Джерси, купил там большой дом и переехал туда с семьей. Для Марии в доме была оборудована отдельная комната с отдельной кухней, но она не торопилась переезжать. Здесь, в Бруклине подружки, знакомые, соседи — все говорят по-русски. А что она будет там делать одна в большом доме, пока сын с женой на работе? Раз в неделю сын с семьей приезжали, брали Марию походить по магазинам за покупками на всю неделю, ездили на прогулку в парк или куда-нибудь еще. Внуки разъехались по колледжам, но не забывали, звонили раз в неделю: старший по вторникам, младший — по четвергам. Ах, как это было приятно... Мария не знала, что сын установил такую программу у детей на телефоне, которая напоминала про звонок бабуле.

И вот эта милая добрая Марья Ивановна заботилась о девочках Ниночке и Фирочке после школы и до прихода родителей. Она называла себя православной, но её религиозность была не совсем традиционной. Она очень редко ходила в церковь, считала, что общаться с Богом нужно без посредников, и редко молилась выученными в детстве молитвами, разговаривала со Всевышним просто и доверительно, своими словами. В её рассказах Бог представал мудрым, милым и очень добродушным старичком. Марья Ивановна даже позволяла себе спорить с ним, выговаривать за какие-то, по её мнению, ошибки или просчеты. А рассказывала она разные истории и притчи очень часто. Миша был не очень доволен, что она «забивает детям мозги», но Мила считала, что ничего страшного нет, девочки уже большие, сами во всем разберутся.

В один из дней поздней осени, когда янтарь и рубин соревнуются за место на палитре, Марья Ивановна с девочками собрали разноцветные листья.

Переложили их бумагой, прогладили утюгом и покрыли бесцветным лаком для ногтей. А потом приклеили их на картон и поместили в рамочку под стекло.

Так красиво! Девочки прыгали от восторга.

Спрятали у Марьи Ивановны, чтобы подарить маме на день рождения.

Пока гладили, лакировали, клеили, Марья Ивановна обращала их внимание на многообразие растительного мира.

– Сколько на свете разных деревьев, кустарников. У каждого растения свои листочки, друг от друга отличаются. Когда Боженька создавал растения, он посадил ангелочков и велел им вырезать разные фигуры для листиков. Вот они сидят, вырезают... кто простые овальные, кто фигурные с зубчиками. Некоторые ангелочки сложили листик пополам, вырезали, а потом развернули, и получилась симметричная фигура. А вот дубовые листочки несимметричные.

Сколько они повырезали – все в дело пошло. А то иначе как бы Создатель справился с такой работой один?

Девочки Марью Ивановну очень полюбили.

Через несколько лет они перешли в другую школу, стали совершенно самостоятельными, ходили в школу сами, но часто забегали к соседке, пока сын Марьи Ивановны не переехал в Силиконовую долину и не забрал маму с собой.

Потом девочки поступили в колледж, рано, как и сама Мила, вышли замуж за двух неразлучных друзей. В сорок три года Мила стала молодой бабушкой. Потом зятья нашли хорошую работу и увезли свои семьи. Старшая дочка теперь жила в штате Иллинойс, младшая – в Миссури.

В выходные дни Мила с Мишей проводили много времени в разговорах по телефону: Израиль, Иллинойс, Миссури, Баку, Марье Ивановне в Калифорнию...

Два-три раза в году дочки привозили внуков на «побывку», а сами вчетвером уезжали куда-нибудь в отпуск.

У Мариэллы тоже жизнь катилась по заведенному стандарту. Она стала весьма успешным страховым агентом, не навязывала людям те страховки, за которые платили ей большие комиссионные, а предлагала те, которые подходили клиентам. Люди были довольны и рекомендовали её своим родным, друзьям и знакомым.

Собрав некоторую сумму на первый взнос, она купила квартиру во Флориде. По секрету могу сказать, что квартира тогда стоила всего \$20 000.

В пригороде города Вест Палм Бич есть такие кооперативные комплексы для людей от пятидесяти пяти лет и старше. Недорогие квартиры, маленькая месячная оплата, прекрасные условия, чудесный климат, добрые соседи, безопасность, тишина. Что еще нужно в преклонном возрасте? Мариэлла думала о будущем. Ребята уехали учиться в колледж. Кто знает, куда забросит их судьба. Неплохо иметь свое жилье. Деловая Мариэлла оформила квартиру не на себя и планировала потом,

когда ей исполнится пятьдесят пять, переоформить уже на своё имя. А пока сдавала её на три зимних месяца желающим уехать от снежных и промозглых северных зим.

Эти жилищные комплексы сейчас достаточно популярны среди бруклинских интеллигентов, а тогда Мариэлла была первой русскоязычной владелицей квартиры. И еще надо отметить, что в том же комплексе недалеко от Мариэллы жил художник Соломон Тобисел — один из героев моего предыдущего романа-трилогии «И даровал Всевышний Человеку свободу воли».

Прошло десять лет.

Строгая статистика преподносит сухие факты, которые мы принимаем или не принимаем близко к сердцу в зависимости от того, входим ли мы лично или наши близкие скромной простой единицей в процент этой статистической сводки. Прочли в газете, что где-то были ранены незнакомые нам люди. «Жалко», — говорим мы и завтра уже не помним о них. А если это знакомые нам люди или родные?

Статистика говорит нам, что первые три-четыре года после приезда – самые критические для супружеских пар. Женщины легче овладевают языком, скорее адаптируются в новой обстановке, быстрее устраиваются на работу. Потом заводят себе, чаще всего на работе, нового друга.

А если семья крепкая, дружная? А если прожили в новой стране уже восемь лет? Выдержали все трудности, адаптировались, вырастили детей, справили две свадьбы? Дожили до внуков. Какие случайности могут разрушить семью?

Кризис среднего возраста... Мише скоро полтинник — это критический возраст, возраст подведения итогов. Он глава семьи, социальные амбиции удовлетворены, он вывез семью, успешен, не водил такси, как некоторые его знакомые на первых порах. На работе его уважают. Дочери прекрасно устроены. Материально он обеспечил и себя, и их продуманным вложением капитала, даже многие сотрудники-американцы советуются с ним по финансовым вопросам. Он — герой, победитель, которому подсознательно, на уровне подкорки, требуются поощрительные возгласы, аплодисменты, восхищенные взгляды.

Жена, которая прошла с ним весь этот жизненный путь, относится к его успехам как к чему-то вполне естественному. Она, конечно, гордится им, но как-то привычно, по-домашнему. А кто-то другой смотрит на него глазами, полными восхищения и восторга.

В соседнем кафетерии появилась новая официантка, говорящая по-русски. Как она обрадовалась, когда Миша заговорил с ней на родном языке! Теперь он каждый день в перерыв обедал в этом кафе за её столиком. А потом стал заходить и после работы. Они просто болтали. Но эта болтовня стала ему необходимой. Миле говорил, что задерживается на работе, Мила верила. И дело не в том, что он испорчен или развратен. Совсем наоборот, Миша влюбился и очень страдал.

Наташа – так звали официантку – была из поселка «Памяти 13 Борцов» Красноярского края.

- Как, как? удивленно переспросил Миша.
- Памяти 13 Борцов, повторила Наташа, улыбаясь. Потом она рассказала историю посёлка Знаменский при известном Коноваловском стекольном заводе, об уникальной церкви в поселке, о бельгийском специалисте Иосифе Лифебро, который реконструировал завод.

#==#==#

Интересно, что после окончания контракта Лифебро с женой вернулся в Бельгию, но потом опять решил ехать в Сибирь. Жена отказалась, он уехал один, женился на сибирячке и прожил в Знаменском поселке вплоть до смерти в 1939 г.

На стеклозаводе работали военнопленные Первой мировой войны. В 1917 году рабочие завода добились равных с собой прав для венгерских, австрийских и немецких пленных.

В 1920 году посёлок Знаменский был переименован в посёлок Памяти 13 Борцов в честь расстрелянных во время Гражданской войны рабочих завода. В годы репрессий это были места, куда ссылали кулаков, поляков, белорусов, украинцев.

#==#==#

Как рассказала Наташа, все национальности в посёлке перемешались, и никогда не было никакого антагонизма. И простодушно добавила, что вот евреи у них не водились, и она никогда их даже в глаза не видела. Хотела у Жени спросить в Екатеринбурге, какие они, но постеснялась.

– У какой Жени? – спросил Миша.

Но Наташа махнула рукой и не ответила, благоразумно решив не объяснять, что не «у какой» а «у какого»...

Миша очень страдал и мучился. Задерживался якобы на работе, приходил поздно, не обедая, сразу ложился спать. Хмуро, не глядя на Милу, объяснял, что через год при смене тысячелетия, все компьютерные программы могут «полететь», и случится всемирная катастрофа. Мила всему верила и подсознательно гордилась, что её Миша найдет правильное решение и всемирная катастрофа не состоится.

Миша был человеком честным и правдивым, такая ситуация не могла продолжаться долго. Да еще Наташа сказала, что прошло полгода, как она в Америке, продлит визу еще на полгода, а потом уедет домой, так как не хочет быть нелегалкой. Подружки советуют найти фиктивный брак, но это стоит \$25000 или больше, и компания, которая этим занимается, вызывает неприязнь и недоверие.

Несколько крутых парней придумали выгодный бизнес под весьма откровенным названием «фиктивный брак».

Они находили спившихся, опустившихся, убогих американцев. Отмыв и приодев женихов, они отводили «молодоженов» в мэрию, регистрировали брак, молодой жене оформляли номер социального страхования, открывали для супругов в банке совместный счет, фотографировали «счастливую» пару на фоне моря на Брайтоне, в ресторане, где все вместе кутили за счет «невесты». Затем её устраивали работать официально по обслуживанию стариков. Этот первоначальный этап стоил \$10000-15000.

«Молодожену» периодически выдавали по \$100-150 и бдительно следили за ним.

Один раз слишком бравый американец взял у них за «законный» брак \$2000 и сбежал. Опыт накапливался. Пару готовили перед прохождением интервью. Это тоже стоило «жене» немало. Если «молодожен» артачился, его могли немного поколотить, но это было опасно — он мог расколоться, что брак-то фиктивный. Был и другой вариант: ребята сами могли поколотить «жену», повести её к эмиграционному адвокату, засудить «мужа» будто бы за насилие в семье, и тогда она законно получала вожделенное гражданство.

Подружки повели Наташу к этим крутым парням, те ознакомили её с условиями. Хорошенько подумав, она отказалась. Вид у ребят уж очень бандитский, да и денег таких не собрать... Наташа простодушно рассказывала обо всем Мише. Посторонний человек мог бы подумать, что Наташа специально ставила Мишу перед выбором, мол сделай что-нибудь, иначе мне придется уехать. На самом деле у Наташи не было такого коварного плана. Просто она прониклась к нему доверием, еще приятны были его ухаживания и ласки, да что говорить – он ей очень нравился, с ним было так хорошо! Даже в самых смелых своих мечтах она не надеялась на законный брак с ним... Она знала, что у Миши есть жена, две дочки, и даже внуки.

Заглядывая вперед на шесть-восемь месяцев, она с грустью видела себя в своем родном поселке «Памяти 13 Борцов». Или – еще вариант – купить в центре Красноярска скромную квартиру и жить простой скучной жизнью, украшая её только американскими воспоминаниями и, может быть, редкими письмами от Миши...

Она не была коварной змеёй-разлучницей. Как только у них в поселке ни называли женщину, уведшую мужчину из семьи: врагиня, зложелательница, супротивница, супостатка, враждебница, но хуже всего – ривалька...

Разве она виновата, что она и Миша полюбили друг друга? Она никогда не говорила ему — разведись с женой и женись на мне. Никогда... Он сам решил... И с другой стороны, разве она не имеет права на свой кусочек счастья. И, если так сложилась судьба, разве можно отказываться от такой удачи?..

В этот день Миша твердо решил объясниться с Милой. Во-первых, он совершенно не умел врать. Вынужденный обман, выдумки о задержках на работе угнетали его больше всего. Во-вторых, ему не хотелось мучить Милу, он решил, что порвать сразу будет хоть и больнее, но она сумеет оценить его честность. В-третьих, он влюбился, влюбился всерьёз и глубоко. Как он будет жить без Наташи?.. А для этого – и это уже, в-четвертых,— надо было оформить законный брак и, зарегистрировавшись, оставить любимую здесь.

Он пришел домой на удивление рано. Милочка налила ему тарелку ароматно пахнувшего его любимого грибного супа. Он сидел хмурый и едва ковырялся в тарелке. Мила почувствовала беду кожей, она стояла у окна кухни и, не отрываясь, смотрела на Мишу. Он отодвинул тарелку, и тихо сказал:

– Я ухожу.

Мила сразу все поняла. К чему вопросы – зачем? почему? с кем? к кому?

Есть такое выражение «сердце готово выскочить из груди», но никто не уточняет, как это происходит. Сердце Милочки стучало так громко, что его стук, наверное, перекрывал тиканье ходиков на кухне. Оно, сердце, поднималось все выше, собираясь выскочить из груди через горло. Мила удерживала сердце в ямочке между ключицами, держась за шею. Она не могла говорить, чтобы оно не вырвалось наружу.

Как пережить такую обиду, такое предательство от самого близкого человека?..

Как будто жестоко избили и выкинули на площадь на потеху публике. Обида, горе и позор... «Что я скажу Гене, как объясню всё?» – подумала Мила. Почему она в первую очередь подумала о старшем брате? Не о дочках, не о маме...

«Не плакать, не плакать», – как заклинание, стучало в голове. Мила помнила, как

бабушка учила молодых девушек никогда не плакать перед мужем и не жаловаться на здоровье. Хочется поплакать – найди себе уголок, где тебя никто не видит, и реви, сколько влезет. Болит что-то – иди потихоньку к врачу и лечись. Мужчинам не нужны плаксы и скулящие дохлятины. Так говорила её умная бабуля. И с детства это усвоив, она никогда не плакала перед Мишей.

Повремени, певец разлук, Не разлучай ...

Мила вышла из кухни и направилась в спальню. Достала из кладовки два чемодана и начала дрожащими руками складывать в них майки, трусы, рубашки.

Уже в дверях Миша сказал:

Тебе остается квартира и все совместные счета. Я беру только машину.
 Потом тихо добавил, – прости, если можешь.

И Мила осталась одна. Слёз не было, было так плохо, что она подумала, надо бы выпить что-нибудь, может, валерьянку? Но сил встать с дивана, на который она упала после ухода Миши, не было.

Звонила Мариэлла раз, второй. Потом Мила услышала её крик на автоответчике: «Милка, ты что, забыла, мы же идем сегодня в еврейский центр, там будут поэты выступать. Начало в 7 вечера, а уже без четверти». Через несколько минут Мариэлла, почуяв неладное, уже колотила в дверь: «Милочка, открой, это я, что случилось?»

«Я это уже проходила, – грустно думала Мариэлла, слушая Милу, – и ведь ничем не поможешь».

#==#==#

Повремени, певец разлук, Не разлучай уста с устами, Не разнимай сплетенье рук, Мы скоро разойдемся сами.

(Давид Самойлов)

#==#==#

И хотя верная подруга действительно ничем не может помочь, все равно, хорошо, что она просто есть рядом. Мариэлла потащила Милу на кухню пить чай. Налила ей, да и себе тоже, в чай рюмочку коньяка, начала рассказывать совсем свежую историю из своего «архива страхового агента». Хоть история эта не веселая, можно даже сказать, грустная, Мариэлла, не вспомнив ничего интересней, начала рассказывать, чтобы не молчать.

Два с небольшим года назад пришел к ней симпатичный пожилой человек и начал выяснять все детали страховки для стариков без проверки анализов и состояния здоровья. Он намекнул, что не вполне здоров, поведал, что в стране они недавно и, конечно, еще не вполне встали на ноги. Поэтому его беспокоит, что, если с ним чтото случится (а случится все равно рано или поздно), эти расходы лягут тяжким бременем на его любимую преданную дочку — мать-одиночку с двумя детьми. Мариэлла подсказала, что платить страховые взносы за него должна дочка, чтобы у органов социального страхования не было к нему никаких претензий. Жили они все вместе, и бюджет был общий. И они оформили страховку на \$10 000. Если застрахованный человек уйдет из жизни в течение первого года, дочка получит только \$1 000, в течение второго года — \$2 500. А после двух лет наследники получают полную сумму в \$10 000.

Дочка этого старика, её звали Алла, приносила ежемесячный взнос и, если было время, делилась с Мариэллой своими новостями, передавала привет от папы. Через полгода она рассказала, что отец смертельно болен, врачи дают ему максимум шесть-восемь месяцев. Он, видимо, знал об этом, поэтому торопился оформить страховку. Прошло три месяца и ещё три, дочка продолжала приходить. Прошёл

год – сумма, которую должна получить дочка, возросла. Врачи разводили руками – с таким диагнозом, в такой стадии болезни столько не живут...

Короче говоря, прошел еще один год. Пришла Алла в черном платке, принесла свидетельство о смерти и рассказала о последних днях отца. Последние две недели он уже совсем не мог есть, только пил несколько ложечек воды за весь день. Сознание было ясным, только казалось немного странным — каждый день он спрашивал, какое сегодня число. Иногда вспоминал Мариэллу, как она была внимательна и любезна, когда оформляла страховку. Алла даже шутила: наверное ты, папа, влюбился в неё. Однажды, получив ответ на стандартный вопрос «Какое сегодня число», он засмеялся. Алла даже подумала, что страшная болезнь уже начала разрушать мозг.

«Доченька, пойди к Мариэлле, скажи ей, что прошло ровно два года. (Вот почему он каждый день спрашивал сегодняшнюю дату!) Теперь ты получишь всю сумму полностью. Для надежности надо еще продержаться немного».

Через неделю он облегченно вздохнул и закрыл глаза.

Мила слушала, но было непонятно, вникает она в рассказ, или мысли её витают где-то далеко.

Мариэлла позвонила маме, что останется у Милы на ночь.

- Что-то случилось?
- Да, мамочка, не переживай, все живы-здоровы, завтра все расскажу.

Этот разговор тоже имел некоторые последствия.

Скучно коротать длинный вечер одной, и Сима зашла к сватам Елизавете Владимировне и Александру Григорьевичу с только что приготовленными подсоленными творожными палочками (рецепт нашла в каком-то журнале). Сказала, что Мариэлла ночует у Милы. Те переглянулись.

Через день Александр Григорьевич позвал Мариэллу.

– Дорогая Мариэллочка, ты знаешь, как мы любим тебя. И хотим тебе сказать, что ты еще молодая, красивая. И если ты захочешь устроить свою жизнь, не думай, что мы будем возражать или будем недовольны. Жизнь – есть жизнь...

Мариэлла смотрела на них удивлено раскрыв глаза, с чего вдруг такой разговор.

– А-а.. Я поняла, это вы по поводу, что я дома не ночевала...

Пришлось рассказать им эту неожиданную, странную, нелепую, печальную новость. Елизавета Владимировна и Александр Григорьевич очень расстроились: они тоже любили и уважали эту семейную пару...

– Ну, а насчет личной жизни я вам честно скажу. Я сама не искала никого и искать, ходить в разные брачные агентства не буду. Если судьба захочет и столкнет меня с достойным человеком, я не буду возражать. И первым делом, разумеется, расскажу вам.

Как жить, что делать? Психологи утверждают, что из каждой ситуации есть, по крайней мере, два выхода. А еще те же психологи считают, если человек говорит, что нет выхода, это только означает, что выход из создавшейся ситуации есть, просто он ему не нравится.

#==#==#

Эта женщина в окне, в платье розового цвета, Утверждает, что в разлуке невозможно жить без слез, Потому что перед ней две дороги — та и эта. Та прекрасна, но напрасна, эта, видимо, всерьез. Хоть разбейся, хоть умри, не найти верней ответа. И куда бы наши страсти нас с тобой ни завели, Неизменно впереди две дороги — та и эта, Без которых невозможно, как без неба и земли. (Булат Окуджава)

– Два выхода, две дороги?.. Какие два выхода? Болтуны все эти психологи и психиатры. Какие у тебя могут быть выходы? – Жестко сказала подруге Мариэлла. – У тебя есть только один единственный выход – жить дальше.

Она говорила с Милой излишне сурово, пресекая даже самое малейшее намерение похныкать и поскулить.

Мишина мама Любовь Семеновна жила в одном доме с Мариэллой, недалеко от Милы. Конечно, вся эта ситуация была ей неприятна, но она нашла в себе силы прийти к Миле и поговорить с ней:

– Милочка, дорогая, что бы ни случилось, я надеюсь, что мы с тобой врагами не станем. Я тебя очень уважаю, ты мама моих внуков и правнуков. Давай сохраним цивилизованные отношения.

Память, память... Неисповедима сущность твоя... Разве удивительное строение мозга и архива памяти в нем не доказательство существования Создателя? Кто, как не Высший Разум, мог спланировать, сконструировать и создать ЭТО?..

Раньше память сравнивали с большим складом, где по полочкам аккуратно разложены все факты, события, вся информация, которую наш мозг собирает в течение жизни. Если надо найти что-то важное в этом складе, например, бином Ньютона из курса средней школы, наша мысль быстро-быстро (со скоростью света, а может, и быстрее) бежит по этому складу в нужный ряд в раздел математики и услужливо подает нам коробочку с содержимым «бином Ньютона». А может и не найти его... Такое тоже бывает.

Потом стали сравнивать с библиотечной картотекой, найти легче — есть индексация. А сейчас память можно сравнить с базой данных, в которой информация собрана в файлы: файл под названием «детство», другой файл — «школьные годы», и так до сегодняшнего дня. Доступ к этой базе данных происходит по ключевому слову. Например, по слову «море» память услужливо подбирает все воспоминания, связанные с морем, последовательно из всех файлов. Вот я на Бакинском бульваре, куда мама приводила меня, больную коклюшем, дышать морским воздухом. Няни и бабушки прогуливали детишек по длинной деревянной эстакаде, ведущей в море.

#==#==#

Немного истории: В 1884 году напротив Девичьей башни были построены так называемые Александровские купальни. Со временем они постепенно разрушались. Бакинская городская управа неоднократно обсуждала вопрос о создании приморского бульвара и морских купален и, наконец, направила группу молодых архитекторов на известные европейские курорты.

В 1914 году в связи с сооружением купальни газета «Каспий» писала: «Новые бакинские купальни представляют собой замечательно красивое сооружение на воде. Такой красивой и обширной постройки на воде не имеется нигде в Европе, если не считать Ниццы».

Это было удивительное сооружение на деревянных сваях, соединённое с бульваром длинной эстакадой. Легкий и изящный многоярусный дворец с бассейнами разной глубины, соляриями, изолированными купальнями-«номерами» по периметру.

Шли годы, море, ветер, отсутствие средств, отсутствие заботливого и бережливого хозяина постепенно разрушали купальню. Ни номеров, ни бассейнов больше не было, да и купаться в бухте было невозможн,о из-за грязи и нефтяных радужных пятен, пригоняемых ветром с Нефтяных Камней.

Незадолго до смерти Сталина эстакаду и остатки купален сломали (никакого отношения к смерти Сталина это событие не имело – просто временная точка отсчёта).

#==#==#

Потом, из другого файла, выплывает Черное море, куда многие ездили отдыхать. Красивое море, но, по сравнению с Каспием, очень холодное. Потом Средиземное море в Ладисполи, Мертвое море в Израиле, и вот теперь — «русский» пляж на Манхэттен бич.

Воспоминания становятся все ярче, интереснее, обрастают подробностями, их хочется сохранить, зафиксировать, рассказать внукам (но им не всегда интересно). А иногда хочется что-то навсегда забыть...

Что же Милочка? Примерно через полгода после описываемых событий в памяти всплыло то, что, по всей логике, должно было вспомниться тогда, сразу после ухода Миши. Но у памяти своя логика.

Много лет назад, после ВУЗа, Милочку по большому блату устроили на работу в городскую школу. Молодая учительница французского языка была в добрых отношениях с другими молодыми учителями, а Галина Николаевна — преподаватель начальных классов — даже стала Милочку опекать. Ей было лет сорок пять, и молодым она казалась уже довольно пожилой.

Школа остывала от грандиозного скандала, который разразился в конце прошлого учебного года, но даже сейчас, после длинного лета, все были возбуждены, и школа гудела. Милочке все подробно рассказали. История была одна, но отношение к ней у рассказчиков было разное.

Школой руководил замечательный директор. Его все любили: ученики – за интересное преподавание истории, учителя – за веселость, остроумие, справедливость и другие достоинства. Жена его работала в той же школе, преподавала литературу. Их дочка как раз в этом году окончила школу, поступила в ВУЗ и вышла замуж. Их сын семиклассник в свое время не захотел учиться в школе, где преподают родители, и после четвертого класса настоял на переводе в другую школу.

Жена директора не обладала ни одним из достоинств мужа, была холодно равнодушной ко всем и ко всему. Но если бы только равнодушной... Однажды её ученик написал выпускное сочинение в стихах. Она вызвала мамашу и строгим голосом выдала: « Не знаю, не знаю, как на это желание выделиться посмотрит РОНО...».

Вспоминаете фильм «Доживём до понедельника», который, правда, появился намного позже? Не буду раскрывать персональные данные, могу только сказать, что этот ученик в 1982 году закончил Литературный институт им. Горького в Москве и стал известным писателем (об этом мне рассказала его мама, которая была моей хорошей знакомой).

Единственной сильной эмоцией, которая владела женой директора, была ревность.

Директор весело шутил со всеми учительницами, все понимали, что это легкий флирт, но на его жену во время этих шуток было страшно смотреть — она кипела внутри, вот-вот взорвется и изредка срывалась на скандалы. После нескольких таких случаев дверь в кабинет директора никогда не закрывалась, все могли видеть, с кем он там разговаривает. Ходили легкие слухи, что нет дыма без огня, но считалось, что этот огонек (если и был) никогда не возгорался в школе. Ну, это понятно: под оком ревнивой жены, да еще под сводами всевидящей школы не могла вспыхнуть никакая, даже самая слабенькая, лучина. Можете себе представить, каким громом прокатилось по школе известие (жена-таки выследила!) о тайной, длившейся уже несколько лет связи директора с молодой биологиней и её беременности. Биологиня была не такая уж писаная красавица, но у неё были большие красивые глаза и мягкая улыбка. Именно такой старшеклассники представляли себе княгиню Болконскую. Наташей Ростовой общепризнанно была Лариса из 10-го А, ну, а Болконским каждый «сам себя воображал».

Что творилось в школе! Вся школа знала в подробностях, как жена борется за своего мужа, какие меры предпринимает. Сын объявил голодовку до тех пор, пока папочка не вернется домой. Скандал вылился за пределы школы и добрался до партийного собрания в Районный отдел народного образования и даже выше. Директор каялся, просил прощения, обещал, что такое больше не повторится, что он не бросит семью, что никогда не будет видеться с биологиней и ребенком.

Старые педагоги безоговорочно осуждали директора и были на стороне его жены. Учителя средних лет считали, что не надо было выносить сор из избы, а решить все тихо между собой. Ну а молодые все единодушно жалели биологиню, осуждали жену за вынесение этого дела на партсобрание и директора за то, что отрекся от биологини. Милочка в разговоры не встревала, потому что была новенькая, но в душе презирала и директора, и его жену за лицемерно-склеенную семью.

Опекавшая Милу Галина Николаевна держалась в стороне от этих дискуссий, только объяснила, что директор покаялся и этим выторговал для биологини перевод в другую школу без всяких административных мер, что тоже немало. И еще она посоветовала Милочке держаться подальше от обиженный жены директора, ничего ей не рассказывать о себе, особенно, о своей беременности, т. к. та имеет «плохой глаз».

- А как Вы узнали? смущаясь, спросила Милочка.
- Я вижу, спокойно ответила Галина Николаевна, и больше они к этому не возвращались.

Милочка запомнила слова о дурном глазе и избегала жену директора (уже бывшего – его перевели в другую школу и понизили в должности до завуча). Но та решила, что Мила презирает её и однажды, когда они оказались в учительской вдвоем, со злостью спросила:

- Что, осуждаешь меня?
- Что Вы, совсем нет. Какое право я имею кого-то осуждать или одобрять?
- Врешь, вижу, все вижу все вы, молодые максималисты, меня осуждаете. Скажи, что ты сделаешь, когда твой муж уйдет к другой? Отпустишь его к молодой любовнице без борьбы, да?

Эти слова тогда страшно ударили Милу. Ведь она могла сказать: « Если бы ты оказалась на моем месте»... или «Если, предположим, от тебя уйдет муж».... Но эта жестокая женщина не знала, что такое деликатность, тактичность, презирала, как она это называла, «телячьи нежности». И хотя Милочка тогда была уверена в своем Мише, но слова о потенциально возможной измене больно кольнули сердце.

– Да, – тихо, но твердо сказала Мила. – Если бы это случилось со мной, мне было бы очень больно, но гораздо больнее спать с человеком и слышать, как он во сне

говорит её имя. Лучше пусть спит с другой и вспоминает меня.

Жена сначала побледнела, потом покраснела, по-видимому, замечание о произносимом во сне имени попало в точку. Милочке стало её жалко, она тихо сказала: «Извините», – и быстро вышла из учительской.

В положенный срок Милочка родила дочку, сидела с ней дома, а через год вышла на работу уже в другую школу.

Много башмаков сносилось, много календарей изорвалось... Милочка и думать забыла о тех далеких событиях. А сейчас вот вспомнила. Вспомнила так живо и ясно, так четко услышала этот голос: «Скажи, что ты сделаешь, когда твой муж уйдет к другой? Отпустишь его к молодой любовнице без борьбы, да?» Даже почувствовала запах «Красной Москвы», которым была пропитана учительская. Миле стало опять так же больно, как тогда. Слова, произнесенные двадцать пять лет назад, сгустком энергии, пронзив Время и Пространство, влетели в израненную душу Милы, но, как ни странно, принесли облегчение: «Лучше пусть спит с другой и вспоминает меня».

А вспоминает ли? Наверное, вспоминает. Ведь были и любовь, и нежность, и забота в трудные дни. Любовь может умереть, остыть, усохнуть, испариться, но память-то остаётся.

Когда Миша сам относил свои рубашки к китаянке в прачечную-чистку недалеко от дома, память подкидывала Мише воспоминание о том, как Мила гладила его рубашки. Его молодая жена не умела так аккуратно гладить.

Каждый вечер, бывало, закончив «кухонные» дела, Мила подсаживалась к сидящему перед телевизором Мише с четырьмя яблоками на большой тарелке. Она чистила яблоки и кормила «витаминами» Мишу и себя. Миша обнимал её за плечи, они обсуждали то, что происходило на экране, вместе смеялись, вместе негодовали... А теперь приходится Мише, превозмогая лень, иногда чистить яблоки самому. Теперь Миша обедал в столовой в свой перерыв. Дома по вечерам молодая жена, которая не любила готовить, иногда заказывала пиццу. И новая жена никогда не читала ему стихи... Вспоминал, конечно, при всем этом Милу и тоже переживал изза всей этой ситуации, переживал из-за той боли, что причинил ей. Но о сделанном не жалел – новая любовь была сильнее...

Время, как известно, лечит. Рана покрывается засохшей корочкой. Вид этой засыхающей раны ужасен, хотя болит немного меньше, если её не задевать. Страшно зацепить рану каким-нибудь замечанием или мыслью, новостью или воспоминанием, и тогда она начинает кровоточить снова...

Американцы говорят: «Если судьба подсунула тебе лимон, постарайся сделать из него лимонад». Действительно, думала Мила, надо использовать свою свободу – можно поехать с Мариэллой в Европу, например, или в круиз на Бермуды. Подруги внимательно разглядывали и анализировали рекламу агентств путешествий, планировали совместный отпуск.

Мариэлла вытаскивала подругу на концерты и спектакли. Однажды они пришли на концерт в театр «Миллениум», что на Брайтоне, и увидели там Мишу с новой женой.

Миша сидел, одной рукой обняв Наташу за плечи, другой нежно держал её руку. Никогда Миша не обнимал Милу на публике. Воспитание и привычки и в Средней Азии, и в Азербайджане категорически не одобряли проявления нежности публично. Это считалось, особенно в те годы, просто непристойным. Шли годы, менялись нравы и их оценки, но по привычке Миша и Мила стеснялись проявлять свои чувства на людях. А тут он при полном зале народа обнимает новую молодую жену.

Но это еще не всё... Они смеялись. Глядя друг на друга, весело смеялись... Смех так сближает людей... Франсуаза Саган описала это разрывающее душу состояние ревности и обиды, когда ты видишь, как твой любимый человек смеётся вместе с

кем-то, а не с тобой, и ты видишь, как он при этом счастлив.

Это было ужасно. Засыхающая рана начала опять саднить... Они ушли с концерта, не дожидаясь конца.

Дома Мариэлла начала:

- Мила, послушай меня внимательно. Тебе нужно поговорить с профессионалом. Я нашла для тебя очень симпатичного психолога.
- Психолога? Ты считаешь, что я уже окончательно свихнулась? А может, ключевое слово «симпатичного»? Ты что, решила меня сосватать?
- Не перебивай. Вообще-то не мешало бы тебя сосватать, но сейчас я говорю о другом. Симпатичный он как человек, очень приятный в общении. Как мужчина немного молод для тебя, лет эдак на двадцать младше. Если бы он был хотя бы на несколько лет моложе тебя, я бы с удовольствием поговорила на эту тему.
- Так зачем он мне нужен? Чем этот молокосос может мне помочь? Что он знает о жизни?

Но Мариэлла не успокоилась. Подругу надо было вытащить из депрессии, как из болота, чем раньше, тем легче это сделать: часто Мила сидела, грустно задумавшись, а о чем она думает, и сама бы не смогла описать. Ничего не хотела, ничем не интересовалась – классическое депрессивное состояние.

Энергичная Мариэлла не могла бездействовать. Через несколько дней она строго сказала:

- Так, Мила, приготовься, в воскресенье придет Женя.
- Какая Женя?
- Не какая, а какой. Женя психолог. Я тебе говорила о нем. Я уже с ним договорилась.
- Господи, Мариэлка, ну отстань, пожалуйста, не мучай меня. Я ничего не хочу, только бы ты оставила меня в покое. Мы же договорились, через несколько месяцев поедем на неделю в твою Флориду. Я поговорила с начальницей, она не возражает. Осенью после праздников дети идут в школу, никто в это время отпуск не просит. Она уже записала меня на конец сентября. Вот поплаваю в вашем бассейне... Как было хорошо...

Несколько лет назад Мариэлла уехала в свою квартирку во Флориде и взяла с собой Милу, которой больше всего понравилось плескаться в огромном бассейне. У неё остались прекрасные воспоминания об этой поездке.

- Поехать, само собой, поедем, а с Женей придется встретиться я уже договорилась. \$75 за визит, приготовь заранее в конверте, – строго, как с маленькой, говорила Мариэлла с подругой.
- А что он будет делать? заныла Мила. Положит на диван и потребует, чтобы я выворачивала душу? Я не умею себя выворачивать наизнанку, как американцы. Тем более перед посторонним человеком.
- Да, я знаю, неожиданно согласилась Мариэлла, ты права. Наши люди с советской ментальностью, с въевшимся в душу, в сердце, в печенку страхом доносов никогда не смогут быть откровенными с чужим человеком. Даже врачам и священникам доверия нет...
 - А зачем тогда он придет?
- Надо! Я так сказала, твердо, тоном, не допускающим ни малейшего сопротивления, сказала подруга, приготовь вкусный обед, как ты можешь, по-бакински. Простой обед, не банкет. Просто посидите, поговорите, можешь сама задавать вопросы о его жизни. Он придет в шесть. Если станет очень утомительно, зайди в спальню и тихонько позвони мне, но ничего не говори, просто позвони и положи трубку. Тогда я приду тебя выручать, но не раньше восьми.

Мариэлла решила дать подруге шанс на запасной выход. Мила тяжело вздохнула.

История психолога Жени.

В пригороде Красноярска жила баба Нюра с двумя дочерьми.

Еще до революции маленькую Нюрочку отдали в городскую дворянскую семью работать нянькой. А было ей шесть или семь лет. Семья была интеллигентная, образованная. Отец — врач, мать — пианистка. К Нюрочке отношение было очень добрым и ласковым, она отвечала тем же, любила свою новую семью. Нюра старательно ухаживала за маленькой Элеонорой, а уложив детку спать, садилась за дверью гостиной слушать частые домашние концерты. Вечерами, перед сном, она молилась за каждого члена семьи и за своих родных, оставшихся в деревне.

Родители Элеоноры в церковь не ходили, не молились, в Бога не верили. Но сказали, что она может молиться сколько угодно, но учить подрастающую Элеонору не надо, так как мы атеисты. Постепенно зародили в ней искру сомнения. Молилась она по привычке. Как-то свалилась вечером, очень уставшая за день, не помолившись, как обычно, перед сном. И ничего не случилось. Так прошло несколько дней.

Постепенно Нюра стала относиться к религии более равнодушно, она считала, что Бог, несомненно, есть, но Он просто не обращает внимания на людишек, на их мучения и страдания. Занят, наверное...

К хозяйке часто приходила дальняя родственница, которая гадала на картах. И абсолютно всё, предсказанное этими волшебными картами, случалось.

Эта бездетная и одинокая женщина полюбила Нюрочку и не возражала, когда способная девочка стояла рядом и смотрела на расклад карт при гадании. Чтобы уметь гадать на картах, необходимо не только знать правила расклада, но и иметь к этому делу способности, талант, чутье. Потом Нюра, осмелев, задавала вопросы, и к двенадцати годам многое сама умела.

Потом наступили смутные времена. Родители Элеоноры собрались эмигрировать, спросили у Нюрочки, хочет ли она уехать с ними. Нюра по-взрослому разложила карты, потом твердо сказала: «Нет». Её отвезли на телеге, набитой городским добром, обратно в деревню к родне: все из дома все равно не увезти, так пусть останется хорошему человеку.

Много лет Нюру и её семью спасали эти вещи от голода. А когда начали рушить церкви, Нюра вернулась к Богу, возможно, из чувства противоречия.

#==#==#

Делился мир на до и после. На голь и стыд, на гнев и страх. Земля лежала в шрамах возле крестов при павших куполах. (Борис Борукаев)

#==#==#

Истово молилась за дворянскую семью, жившую теперь в далекой Франции, за своих родных, каялась за былое отступничество. Однако при этом от карт отказаться не смогла. Вот ведь грех какой! Выросла, вышла замуж, родила двух дочерей – Надежду и через десять лет еще Раечку. Овдовела.

В начале 70-х приехал как-то в посёлок электрик из города, вызванный председателем сельсовета по какой-то поселковой надобности. После работы председатель предложил ему остаться у себя в доме – поесть, переночевать, а на завтра подхалтурить, если будет у народа какая потребность в его специальности.

Электрик Федор Михайлович перед обедом, раздетый до пояса, стоял над корытом и мылся, в то время как председателева жена поливала его водой из кувшина.

И тут она заметила на руке, пониже плеча, весьма глубокую царапину, даже рану, которая уже нагнаивалась. Она позвала мужа, и семейный совет решил отвести

Федора Михайловича к бабе Нюре на излечение. Больной сначала смущался, но всё-таки пошел, потому как чувствовал, что боль у него усиливалась с каждым днем. У бабы Нюры он положил глаз на Наденьку, которая, по всей видимости, не стала возражать против его глаза. Федор Михайлович задержался в посёлке как можно дольше, починил всем всё, о чём его просили. Ходил со всеми в клуб, в кино и на танцы. Потом пошушукался с Надей и уехал.

Через две недели приехал нарядный, с подарками, попросил председателя быть его сватом, и пошли они на виду всего села к бабе Нюре. Во все время разговора баба Нюра сидела сердитая и молчала. Председатель не выдержал:

- Баба Нюра, скажи, чем ты недовольна? Посмотри, парень положительный, хоть из детдома, а всего сам добился, специальность есть, руки золотые, работящий, квартира своя в городе. Да и Надюша твоя, вижу, не против. Скажи, в чем твои сомнения?
- Руки золотые, работящий это я вижу. Вот он по домам ходит, где подработает, там ему стопку и нальют. Так и спиться недолго. А второе сомнение моё не крещеный он. Как дети пойдут, тоже без креста будут.
- Пить я не буду. А креститься... Кто ж меня в детдоме бы крестил? А я не против, хоть сейчас к батюшке пойдем. У вас в селе есть, кто может обряд исполнить?
- Так, я этого не слышал, заторопился председатель, я пошел, дел у меня много.
 Баба Нюра сказала, что ответ даст завтра. Когда гости ушли, она засела за карты.
 Надя с Раечкой, прижавшись друг к дружке, лежали на печке и боялись подать голос строга была матушка. Гадала она долго, и на дочку, и на Федора, а потом снова на дочку, и всё по новой. Чем-то она была недовольна.

Наутро Надя рискнула спросить:

- Матушка, а что карты-то сказали?
- А ты как сама-то, хочешь за него?
- Хочу, потупилась Надя.
- Ну ладно, так тому и быть, баба Нюра торжественно перекрестила дочку, жестом велела дочкам выйти и встала на колени перед иконами.

#==#==#

В деревне Бог живет не по углам, как думают насмешники, а всюду. Он освящает кровлю и посуду и честно двери делит пополам. В деревне Он — в избытке. В чугуне Он варит по субботам чечевицу, приплясывает сонно на огне, подмигивает мне как очевидцу.

Он изгороди ставит. Выдает девицу за лесничего. И в шутку устраивает вечный недолет объездчику, стреляющему в утку. Возможность же все это наблюдать, к осеннему прислушиваясь свисту, — единственная, в общем, благодать, доступная в деревне атеисту.

(Иосиф Бродский)

#==#==#

А карты не обещали Надежде долгого счастья с Федором Михайловичем, но и не предсказывали счастья без него.

Надюша переехала в город. Жили они хорошо, дружно. Родился Женечка. Федор Михайлович не пил. Ну там по праздникам рюмочку, так это не в счёт. Много внимания уделял сыну, занимался с ним, конструкторы разные покупал, к спорту приобщил. Через восемь лет родилась дочка Верочка. Но вторые роды не пошли Наде на пользу, а может, сглазил кто. Она болела, муж снял её с работы, отправил к маме. Но баба Нюра была бессильна. Жене было одиннадцать лет, а Верочке – три, когда они осиротели. Баба Нюра оставила внуков у себя. Общее горе сблизило их всех: и тещу с зятем, и детей. Верочка не отходила от Жени ни на шаг, даже ходила с ним в школу. Все жалели Верочку и будто не замечали её присутствия под партой, тем

более, что сидела она там тихо, как мышка. Отец приезжал несколько раз в месяц, привозил деньги, продукты.

Прошло еще три года. Федор Михайлович рассказал бабе Нюре, что познакомился с женщиной, которая будет добра к его детям, и хочет забрать их. Да и Жене нужно пойти в городскую хорошую школу, ему уже четырнадцать, надо о будущем думать. А летом они будут здесь гостить.

Баба Нюра Верочку пока не отдала, а Жене сказала:

– Поезжай, посмотри, как и что. В крайнем случае, у тебя всегда есть место, куда приехать и к кому – и я пока жива, и Райка, тётка твоя любимая, тебя согреет. А там, в городе, приглядись, но понапрасну не придирайся. Мачеха мачехе рознь. Если отцу с ней хорошо – не ревнуй. Ты через годков пять улетишь вольным соколом, а отец постареет, ему забота нужна. Так что суди по справедливости, не придирайся.

Мачеха привезла Верочке роскошную куклу...

Вечером Федор с детьми и Раей собрались в кино, а Мачеха не пошла, осталась с бабой Нюрой. Там, в кино, все бабы села будут смотреть на неё, судачить, сравнивать с покойной Наденькой. А дома, как она понимала, старушка хочет побеседовать с ней наедине. Баба Нюра оценила: скромная, умная...

- Почему своих детей нет?
- Не держит матка... Несколько раз выкидыши были...
- Куклу зачем такую дорогущую купила? Даже подумать не могу, сколько она стоит. Баловать девочку будешь, добром для неё не кончится. Вырастишь белоручку. Капризам детским не потакай.
 - Ho
- Понимаю, тебе трудно строгость показывать. Так ты Женьку привлеки, ежели надо замечание сделать. Верочка его слушается.

Еще через несколько лет Женя поступил в Красноярский Государственный педагогический институт – старейший ВУЗ Красноярского края – на факультет «Физическая культура». Он занимался гимнастикой, теннисом. Любил работать с детьми, ему суждено было стать учителем физкультуры в школе, хорошим тренером. И еще его очень интересовала спортивная психология. Спортивный настрой, спортивный азарт, как они влияют на результат?

Как-то руководитель спросил Женю:

– Подработать хочешь – риторический вопрос. Кто из студентов не хочет – в детском доме для детей-инвалидов есть ставка на три часа в день три раза в неделю. Единственный плюс: график гибкий, но платят мало, смотреть на больных детей сил нет – душа болит. Никто долго не выдерживает.

А Женя застрял там надолго. Он рьяно взялся за дело. Разделил деток на группы по их физическим данным. Кто должен был бегать, кто прыгать. Кто не мог ходить, начали ползать. И все в обязательном порядке перебирали мелкие бусинки, пуговки, камушки и считали их. Общеизвестно, что мелкая моторика пальчиков развивает умственные способности ребёнка. А поднятие посильных тяжестей (гантелей) тоже должно развивать детей каким-то образом. И обязательно много читать.

#==#==#

Адмирал Коллинвуд, соратник Адмирала Нельсона, герой Трафальгарского сражения писал письма своей семье почти ежедневно. Жене он, между прочим, писал о воспитании детей: «Умоляю тебя, возлюбленная Сара, чтобы они всегда были чем-нибудь заняты. Пусть они себе читают, но не легкомысленное что-нибудь, а историю, так как мы это обыкновенно делали каждый вечер. Что за благословенные вечера это были! Человеческий ум развивается, когда его поддерживают в постоянной деятельности; он делается глупым и ленивым, когда ему дают дре-

мать... О, как расширился бы умственный горизонт наших детей, если бы они могли усвоить столько познаний в математике и астрономии, чтобы получить понятие о красоте и чудесах творения! Мне хочется, чтобы дети мои вникли в глубокие тайны творческого дела, чтобы потом самим составить мнение о природе того Существа, которое может быть создателем такого мира. Раз они приобретут такие познания, здешняя жизнь не будет в состоянии тревожить их души или их ум».

#==#==#

Женя стал посещать лекции по специальному дефектологическому образованию в своём родном ВУЗе. В 1993 году ВУЗ был реорганизован в Красноярский Государственный педагогический университет. После окончания университета Женя работал в двух школах и продолжал бесплатно заниматься с детдомовскими детишками (из-за урезания бюджета ставку преподавателя физкультуры в детском доме сократили). Но работа там дала ему огромный материал для диссертации.

Потом началось какое-то непонятное брожение. Вроде демократия, но во главу угла на пьедестал идеологии влезли деньги. Они стали пропуском, открывающим все двери, богом простых людей и мечтой молодёжи. Все стало разваливаться. Даже его университет не избежал странных преобразований. Его Альма Матер, в конце концов, превратился в ФГБОУ (Федеральное Государственное Бюджетное Образовательное Учреждение)...

Одну школу, в которой работал Женя, купил (да, да, купил школу – не удивляйтесь) некий олигарх с намерением сделать платную гимназию. Женя ему не понравился и был уволен.

Отец тоже потерял работу, бизнесом зарабатывать не мог. Мачеха получала мизерную зарплату, и то не очень регулярно. Верочка еще училась в школе. Выживали только благодаря огороду бабы Нюры.

Женю в детстве крестили, но он был атеистом, никак не мог понять, почему Великий и Всемогущий, которому так искренне молится его бабушка и другие верующие, так жесток к своим чадам. Разве отец может быть злым к своим детям?.. С бабушкой он на эту тему не говорил, не хотел расстраивать её своим скептицизмом. А она давно бросила попытки обратить Женино внимание на могущество Божье.

Бабушка внимательно читала присылаемые из Москвы её давней подругой тонкие журнальчики с религиозными и назидательными притчами. И как-то показала ему одну коротенькую заметку в своем журнале:

Посмотри, тебе будет интересно.

В заметке говорилось, что на Аляске в одном православном приходе батюшка организовал интернат для детей с ограниченными умственными или физическими возможностями. Там он и его педагоги обучают детей разным навыкам, которые должны им помочь обходиться без помощи взрослых в будущей жизни: самим одеваться, готовить еду, рисовать, печатать на компьютере, шить, вязать и так далее.

Эта информация была как удар в сердце, в прямом смысле, он почувствовал сильное сердцебиение. Вот где он хотел бы работать! Этим детям нужны еще и занятия физкультурой, усиленные занятия и с мелкой моторикой, и с наращиванием мускулов. И тогда Женя решил уехать в Америку, добраться до Аляски и предложить свои знания и методы, свою почти готовую диссертацию этому священнику, делающему святое и благородное дело.

Среди молодежи бродили слухи и разные истории об уехавших в Америку смельчаках. Истории были как об успехах и удачах, так и грустные, с печальными завершениями. В основном, наиболее популярная версия: ребята устраивались в бригаду строителей, жили по нескольку человек в одной комнате, тяжело работали, но оставались деньги, чтобы послать домой. Кто-то, удачно женившись на американке,

получал заветное гражданство, но это было крайне редко из-за языкового барьера. Кто-то умудрялся получить рабочую или студенческую визу. Большинство же оставались нелегалами, не задумываясь о будущем – что будет, то будет.

Когда Женя однажды – это было у бабушки – объявил о своих планах всей семье, сначала все онемели. Первым опомнился отец:

– Как это в Америку? О чем ты говоришь? Там такая эксплуатация! Ты там будешь хуже раба на плантации!

Его знания об Америке ограничивались «Хижиной дяди Тома» и советской пропагандой. При этом он вопросительно посмотрел на жену в ожидании помощи. Она молчала. Верочка-умница тоже молчала, правда, это ей далось нелегко: у неё загорелись глаза, но она благоразумно решила вечером перед сном улучить минутку, чтобы пошушукаться с братом на эту такую волнующую тему. Все ждали бабушкиного слова.

 Плохо будет, так есть, слава Богу, куда вернуться, – спокойно сказала она, перебирая свою заветную колоду карт. – Припозднились мы сегодня, спать пора.

Родители ушли за занавеску, Рая с Верочкой залезли на печку и решили не спать, а подглядывать за бабой и Женей, который спать не собирался. Он сидел у стола и ждал, что ему скажет бабушка после совещания со своей удивительной колодой, которая еще ни разу в жизни не ошибалась.

- Когда я была маленькая, мне моя бабушка это ж сколько лет ей было? рассказывала, что её родная сестра, а может, двоюродная, сейчас уж точно никто не скажет, живет на Аляске. Звали её Вера это я хорошо запомнила, так и мою маму звали. А фамилию-то она и не называла, не знала её мужнину фамилию. Говорила, что до революции даже письма приходили.
 - А что карты твои сказали?
 - Не скажу тебе. Ты ж не веруешь. Зачем спрашиваешь? Живи, как знаешь.

Если бы карты показали неблагоприятный исход, бабушка постаралась бы удержать его от поездки.

– Значит, их прогноз был положительным, – решил Женя, и был прав.

Долго он тянуть не стал, поехал в Екатеринбург, в Генеральное консульство США. В поезде познакомился с девушкой, которая тоже хотела в Америку и ехала тоже в консульство. Но мечтала только о Нью-Йорке – столице Мира!

Если на страницах книги появляются парень и девушка, то читатель тут же предполагает какую-то завязку романтических отношений. В данном случае никакой искры между ними не проскочило. Просто спокойные дружеские отношения. Женя был несколько ниже Наташи ростом, и еще она ходила на высоченных каблуках, что создавало для Жени некоторую неловкость. Она мечтала выйти замуж за американца и остаться в Америке. Женя думал только о своей работе и диссертации, долгосрочных планов не строил.

Но знакомство было, тем не менее, дружеским. Они искренне «болели» друг за друга, когда проходили интервью. Наташа ехала на свадьбу подруги, что было правдой. А то, что у неё в поселке остается жених – это она приврала, чтобы скрыть своё заветное желание остаться в Америке и убедить консула в своем намерении вернуться домой. Она получила визу.

Женя показал заметку из бабушкиного журнала, показал свою диссертацию и сказал, что хочет поработать в этом интернате для сбора материалов для своей еще не законченной работы. Он сумел произвести хорошее впечатление на консула и также получил желаемую печать.

Насчет хорошего впечатления на консула, тут надо немного прояснить. Женя вообще производил хорошее впечатление на людей, умел убеждать, пристально глядя в глаза. Он использовал это в работе с больными детьми, особенно в случае,

если какой-то ребенок становился рассерженным, агрессивным. Женя пристально смотрел ему в глаза и тихо говорил какие-то добрые слова. Даже одна нянечка сказала ему: «Евгений Федорович, вы что, гипнотизируете их?» Тогда он задумался о свойствах своей психики, но исследовать эту область не стал, отложил на потом.

И вот, слякотной осенью 1998 года Женя и Наташа прилетели в Нью-Йорк. Наташу встречали подруга и её жених. Она спросила друзей, может, они что-то порекомендуют Жене?

- Был бы ты посолидней, тот почесал затылок, тут у нас в Квинсе, я знаю, в один ресторан вышибалу ищут.
- Это мне подходит. Я же институт физкультуры кончал, приёмы знаю и методы знаю, чтобы успокоить, и до драки дело не дойдёт. Гарантирую. Женя как-то вдруг сразу понял, что на американской земле следует себя хвалить и уверенно утверждать, мол, я всё могу...

Прошло полгода.

Женя работает по вечерам вышибалой в русском ресторане, драк, действительно, нет. Женя умудряется, пристально глядя в глаза буянам, утихомирить их, помирить слишком разошедшихся спорщиков.

Кроме этого, днем два раза в неделю он ведет кружок гимнастики в каком-то общественном центре. А недавно некий «богатенький Буратино» пригласил его для персональных занятий. В бейсменте роскошного особняка на Манхэттен-бич у него множество различных снарядов, но они не заменят персонального тренера. Самому хозяину и его сынишке нужно нарастить мышцы, дочери нужна грация и осанка, а жене, конечно, похудеть. Женя разработал для каждого специальные упражнения, занимается с ними раз в две недели, оставляет задания. За эти несколько часов получает хорошую сумму, которую отправляет родным. Но ему никак не удается найти адрес интерната, описанного в журнале. Может, в этой заметке выдавалось желаемое за действительное?... Но Женя не терял надежды, продолжал писать...

А Наташа живет в Бруклине. Женя иногда видится с ней после занятий на Манхэттен бич.

Возвращаемся к грустной Миле, которая кашеварит у плиты, ругает себя за податливость напору Мариэллы и неумение сказать «нет». И в совершенной растерянности — как надо себя вести, что говорить, а чего не надо говорить, как к нему обращаться?

В шесть часов раздался звонок. Перед ней стоял молодой человек и мило улыбался.

- Здравствуйте, вы Мила, а я Женя.
- Здравствуйте, Женя. Проходите. Всё оказалось не так страшно, как она ожидала. Напряженность куда-то улетучилась. «У него доброе лицо», подумала Мила.
- Вы знаете, Мила, вы очень похожи на мою любимую тётю Раечку мамину сестру. Она старше меня только на 10 лет, я её очень люблю. Женя тараторил, не останавливаясь, снимая неловкость и напряжение первых минут. Вы думаете, я совсем пацан? Это я так молодо выгляжу, мне уже тридцать не за горами.
- А мне пятьдесят не за горами, улыбнулась Мила. И в это время она увидела свое отражение в зеркале, увидела улыбку на своем лице, удивилась и подумала, как давно она не видела себя улыбающейся.

Мила пригласила его на кухню, подала соте из баклажан – любимое бакинское блюдо, рис, подкрашенный шафраном, куски запеченной курицы, огурцы, помидоры. Простой обед.

Они болтали, будто были давно знакомы. Женя рассказал о себе, о своей работе. Спросил совета, отпускать ли ему бороду, чтобы выглядеть немного солиднее.

Мила тоже рассказала о нескольких интересных случаях на работе, о забавных выражениях своих внуков и о том, что она собирается поехать на неделю во Флориду со своей подругой Мариэллой. В это время она вспомнила, что можно позвонить ей, и подруга примчится. Но было почему-то лень выходить из-за стола, да и надобности в этом она не чувствовала. И в кухне было так уютно...

Наконец, Мила решила, что ужин пора заканчивать и протянула Жене конверт.

- Вот ваш гонорар.
- Я его еще не отработал, улыбнулся Женя, положил конверт на стол. Давайте я покажу Вам несколько упражнений для шеи и плеч, которые хорошо поднимают тонус и снимают напряжение.

После упражнений Женя умоляюще посмотрел на Милу.

– Милочка, у меня к вам совершенно безумная, даже наглая просьба. Даже не знаю, как начать...

«Может, он в туалет хочет?» – подумала Мила, но ничего не сказала, а молча и вопросительно ждала.

– Сейчас мне надо ехать домой в Квинс, район Флашинг – это три часа в дороге, еще если повезёт в метро. Доберусь за полночь. А завтра в пять утра встать, чтобы в восемь быть на Манхэттен бич. Я вам рассказывал о моей подработке в качестве персонального тренера. Если бы вы позволили мне переночевать у вас на диване в гостиной, вы бы сэкономили мне шесть часов времени и избавили от поездки в ночном метро. Обещаю, что проблем у вас не будет, – проникновенно, глядя в глаза, просил Женя.

Как Мила могла сказать «нет»? Если бы её ребенку надо было ехать ночью в ньюйоркском метро, разве душа была бы спокойна?

- Нет проблем, сказала она на американский манер, я пойду постелю.
- А я пока посуду помою.
- Нет, не надо, я всё сделаю сама, включайте лучше телевизор, посмотрим, что в мире делается.

Женю интересовали спортивные новости — у него давно не было возможности спокойно посмотреть телевизор. А лето вообще богато спортивными событиями. Кубок Америки по футболу, финал Кубка Испании по футболу, чемпионат Азии по дзюдо, а Европы — по баскетболу, чемпионат России по боксу, 20-й Кубок Европы по лёгкой атлетике в Париже и так далее.

В мире было неспокойно. Между Индией и Пакистаном не утихала война, которую мировое сообщество скромно и лицемерно называло «пограничный вооружённый конфликт». В Югославии творилось что-то непонятное. Война НАТО против Югославии. Сводный батальон ВДВ ВС России совершил марш-бросок на Приштину. Это что же, Россия будет воевать с НАТО?.. Убийство двух специальных корреспондентов немецкого журнала Stern — Габриэля Грюнера и Фолькера Кремера и их переводчика Сенола Алита, совершенное через два дня после официального завершения Косовской войны.

После таких печальных новостей лёгкая, пустая болтовня была неуместна, и Мила пожелала Жене спокойной ночи.

- Я с вечера долго не могу уснуть, иногда засыпаю только под утро. Мне завтра на работу к десяти. Если я ещё буду спать, а вы встанете утром раньше меня, не стесняйтесь, пожалуйста, возьмите сами в холодильнике хлеб, сыр, колбасу. На столе я оставила чай и кофе. И захлопните за собой дверь.
 - Вы заснете без проблем, Мила, уверяю вас, мягко улыбнулся Женя.

У Милы была квартира с двумя спальнями: одна — их с Мишей, другая — девочек. Потом Миша переоборудовал детскую спальню в кабинет: там стоял письменный стол с компьютером, стеллажи с книгами и раскладной удобный диван.

Когда она спала с Мишей в master-bedroom, проснувшись утром, но еще не открывая глаз, откидывала правую руку и проверяла, встал ли уже Миша на работу. Если его рядом не было, значит, и ей пора. А теперь это привычное откидывание руки на холодную подушку рядом доставляло душевную боль. Так что теперь она спала на диване во второй спальне-кабинете. Закрыв дверь, она поставила перед ней табуретку. Если вдруг Женя попытается тихонько войти, будет стук, шум. Мила застыдилась своих мыслей и своих подозрений, но табуретку всё же не убрала.

Она легла, закрыла глаза и сразу же заснула. Проснулась от тихого, деликатного стука в дверь. За окном было совсем светло. Ночь пролетела, как одно мгновение. Как чудесно она выспалась! Стук прозвучал настойчивей. Она догадалась, что стучит Женя, и стучится он в другую спальню, в так называемую *master-bedroom*. Мила живо вскочила, надела халат, тихо-тихо убрала с дороги табурет и вышла в коридор. Перед соседней дверью стоял Женя с подносом, на котором были чашка и тарелка с бутербродами.

- Я рискнул похозяйничать, как вы мне разрешили. Не знаю, что вы предпочитаете, поэтому положил всего понемножку.
- Спасибо, голубчик. Идёмте на кухню. Не знаю ничего более нелепого, чем завтрак в постели. Утром надо встать, пойти, пардон, в туалет, умыться, почистить зубы, потом лечь опять в постель и ждать, чтобы кто-то принёс тебе завтрак... Потом надо вытряхивать простыню от крошек или стирать её из-за пятен от пролитого кофе.

Женя очень искренне поблагодарил Милу, быстро собрался и убежал – ему надо было на тренировку к половине девятого.

Мила спокойно шла на работу и по дороге, улыбаясь, думала, что Мариэлла, наверное, с нетерпением ждет её рассказа. И действительно, подруга прибежала к ней после работы. Настроение у Милы было заметно лучше — это было видно. Она подробно начала рассказывать, как они ели, болтали на кухне, смотрели телевизор. Потом Мила решила пошутить — жеманно потупив глазки, сказала:

- А потом он остался у меня ночевать.
- A-a?!...

Долго хранить секрет и поддерживать шутку Мила не смогла, сразу раскололась.

- Ну ты даёшь, подруга, изумилась Мариэлла, так сразу оставить на ночь у себя дома постороннего человека?!
 - Ты считаешь, что было бы правильней выгнать его в ночь из дома?

Ответа у Мариэллы на этот вопрос не было.

- А что это за конверт?
- В уголке стола среди нескольких счетов за коммунальные услуги лежал нарядный голубой конверт. Мила сразу узнала его.
 - Это Женин гонорар, он оставил конверт...
- В общем-то правильно, он же ночевал здесь, поэтому посчитал, что так будет справедливо. Не бери в голову, оставил, значит оставил.

Мишина новая жена Наташа три раза в неделю ходила на курсы английского языка по утрам и три раза в неделю с трёх до шести на работу *home attendant* к старой учительнице-американке, чтобы скорее окунуться в языковую среду.

Как-то Миша заметил, что его тапочки лежат не так, как он их оставил уходя. И книги его на журнальном столике сложены аккуратной стопочкой. Книги были технические, и Наташа никогда их не трогала. Миша был очень наблюдательным, многое невольно подмечал. Не то чтобы он стал подозревать Наташу в чем-то недостойном, но закравшееся недоумение мешало спокойствию души. Теперь каждый день, уходя на работу, он подгибал край покрывала в спальне, а после работы видел, что никаких изменений нет. Но, тем не менее, продолжал это делать. Покрывало в

спальне никогда не менялось, но присутствие постороннего человека он чувствовал. И заметил, что эти изменения происходят с регулярностью раз в две недели по понедельникам, когда у Наташи нет утренних занятий. Дотошный Миша понимал, пока он не выяснит, в чем дело, не успокоится.

В очередной понедельник он сказал, что ему надо на работу к двенадцати и в начале двенадцатого ушел. Вышел из дому, зашел за угол, сел на скамеечку так, чтобы видеть свой подъезд. Через некоторое время в подъезд лёгкой, пружинистой походкой вошел невысокий паренек со спортивной сумкой через плечо и коробкой пиццы. Что делать? Зайти неожиданно, как в анекдоте «неожиданно из командировки приехал муж» — слишком банально. Окно кухни как раз было над подъездом, и Миша сквозь прозрачную занавеску видел, как Наташа с парнем сидят за столом и болтают. Он подумал, что, если подойдет к подъезду, то даже можно услышать, о чем они говорят, но с места не сдвинулся. Пока он сидел и обдумывал эту странную ситуацию, время пролетело неожиданно быстро. И в начале третьего они оба вышли из дома и разошлись в разные стороны, помахав друг другу на прощание. Даже без обычного стандартного американского поцелуя в щёчку. Парень — в сторону метро, Наташа — на работу к своей бабульке. Вечером после работы Миша спросил:

– А кто у тебя сегодня был в гостях?

Увидев немой вопрос в глазах жены, пояснил:

- Пиццей пахнет.
- A, это Женька, мой знакомый. Она рассказала историю их знакомства, чем он занимается и почему бывает в Бруклине раз в две недели.
 - Ты что, ревнуешь меня? кокетливо спросила Наташа.
 - Нет, я тебе верю, но было бы лучше, если бы ты сама мне об этом рассказала...
- Ревнуешь, ревнуешь, я чувствую. Наташа стала обнимать, ластиться к мужу. Знаешь, я читала, что жёнам не нравится, если их безосновательно и несправедливо ревнуют. Но хуже всего, обидней всего, когда совсем не ревнуют. Я раньше не понимала, а сейчас поняла, и мне приятно...

Миша чувствовал, что Наташа его любит, что это искреннее и настоящее чувство и что измены ожидать не стоит, хотя бы в ближайшем будущем. Инцидент был почти забыт, но, как в анекдоте, «ложечки нашлись, но осадок остался».

Прошло ещё два месяца. Женя приходил к Миле два раза в месяц, приносил разные деликатесы из ресторана, где он работал, болтал, не переставая. Оставался ночевать, утром убегал на свою подработку. Возможно, он действовал на неё как-то расслабляюще, может, внушал что-то, а может, время оказывало свое заживляющее действие, но Мариэлла радостно отмечала положительные сдвиги в душевном состоянии Милы.

Большое событие произошло в начале сентября. Женя нашёл, наконец, тот самый интернат, ради которого приехал, списался с батюшкой, получил приглашение (а, значит, в перспективе — рабочую визу). Директор ресторана попросил его не увольняться до конца месяца.

Приближался праздник Рош-Ха-Шана — еврейский Новый год, в преддверии которого полагается просить прощения у всех вокруг, кого мог вольно или невольно чемто обидеть.

В последний день творения, изрядно утомившись, Господь создал Адама и... «поместил его в саду Эдемском, чтобы возделывал его и хранил его. И заповедал Господь Бог человеку, сказав: от всякого дерева сада ты можешь есть. А от дерева познания добра и зла, — не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь».

Потом Господь создал Адаму в подружки Еву. Сначала они бегали и прыгали по райскому саду, как дети (они вообще-то и были детьми), любовались бабочками, цветами, птичками и зверюшками, лакомились плодами. И тут какой-то дьяволенок закинул идею в хорошенькую Евину головку попробовать незнакомый фрукт.

- Нельзя, тихо сказала Ева. Она еще ни с кем, кроме Адама, не разговаривала, нам Бог-Отец не велел.
- С чего это вдруг? Все растения в Раю для вас. Все плоды для вас. Такие спелые и красивые! И висят низко. Вот это древо познания, поешь фрукт станешь умной. А это древо жизни станешь бессмертной...

Ах, как хочется быть умной... Евочка ничего не сказала, но гад этот – соблазнитель поганый – почувствовал слабинку и продолжил с хитростью:

- А что, это сам Бог-Отец лично сказал тебе о том, что нельзя?
- Нет, но я знаю, сказала Ева и задумалась.

Все дело в том, что Всевышний, создав Адама, ознакомил его со всеми растениями райского сада и наказал ему не есть эти особые плоды. И только потом создал Еву из Адамова ребра. Она, будучи плоть от плоти Адама, будучи частью его сущности, знала все, что знал он. Ева появилась на свет, уже зная о запрете.

– А что, это Сам Бог-Отец лично сказал тебе о том, что нельзя?

Люцифер издалека наблюдал за этим «поединком» и сардонически подхихикивал: «Дал Ты, уважаемый Всевышний, этим деткам способность действовать по своему разумению, вот теперь сам увидишь, к чему это приведет».

Как известно, они нарушили запрет, совершили грех. Собрались праведные архангелы и стали судить (вроде суда присяжных) грешную парочку за этакое безобразие. А маленькие ангелочки сидели как зрители, испуганные, тесно прижавшись друг к другу, молча жалея в душе Адама и Еву. Вина налицо – огрызок рядом валяется. Признать виновными, наказать сурово, вплоть до смертной казни – так велит Божье установление. Но Высший Судья не хочет так жестоко наказывать Свои творенья – этих двух смешных человечков. Про смерть Он сказал, чтобы напугать, для пущей строгости, а тут вот как вышло... Он толькотолько их создал, не наигрался еще. Чувствует некоторое смущение – ведь мог бы и Сам догадаться повесить эти плоды на высоченной секвойе, чтобы дети не достали! Как мама кладет только что испеченный пирог повыше,на шкаф, чтобы её любимые чада не соблазнились откусить кусочек до торжественной минуты. Хотел отдохнуть немного от трудов праведных, а потом уж призвать деток и объяснить им, что такое хорошо и что такое плохо, что знание даст им, а что отнимет, какую ответственность... и так далее. Словом, провести разъяснительную беседу, преподнести отеческий урок и уж после этого, если они сами захотят, позволить им легально и безнаказанно есть эти удивительные плоды.

Ступени каждой в области познанья Ответствует такая же ступень Самоотказа; Воля вещества Должна уравновеситься любовью.

.... Но люди неразумны... (Максимилиан Волошин)

А они, эти шалопаи, поторопились, никакого терпения, послушались мерзавца (прости Сам Себя, Господи, за слово ругательное).

С другой стороны, ведь Он Сам даровал им свободу воли. Простить бы надо...

— Подойди-ка сюда, Адамчик, что ты там натворил? Признаешь себя виновным? — Так по-отечески добрым голосом начал разговор Бог-Отец в надежде, что это неразумное дитя покается, попросит прощения, и тогда можно будет поми-

ловать Адама и сохранить лицо перед судом присяжных. А этот глупец отпирается:

– Да я что? Я ничего! Это все она, греховодница, – и на Еву показывает. (Дословно в Торе сказано: «Жена, которую Ты дал мне, она дала мне от дерева, и я ел».)

Не повинился, не раскаялся, мало того, еще и претензии предъявляет, мол, это Ты мне такую жену сосватал. Ну, что ему, дураку, стоило на колени стать пред Господом, мол, прости, Господи, виноват, больше никогда не буду, вот ейбогу не буду — разве не лучше бы так, а? И все! Ведь у Отца сердце отходчивое, миловал бы его Господь. Негоже вину на другого (другую) перекладывать. Умей отвечать, если ты мужчина.

- Подойди-ка сюда, Евочка, по родительскому праву, но также по-хорошему зовет Бог-Отец теперь ее, что ты там натворила? Признаешь себя виноватой?
- Да я что? Я ничего! Это он виноват, и на мерзавца-сатаненка коварного показывает. Тоже с себя вину снять хочет. Ну скажите, нельзя было ей уткнуться в теплые коленки Отца-Батюшки, поплакать, покаяться? Глядишь, и получила бы прощение.

Опечалился тут Всевышний, но решил, что так просто это оставить нельзя. Негодяя-соблазнителя в змею превратить — никто не будет его любить! Парочка эта пусть на земле поживет, в поте лица свой хлеб добывать будет. Тогда они поймут, что надо больше на себя надеяться и, главное, свою вину на других не перекладывать. Не грешить! А если уж случилось чего, пусть научатся раскаиваться — так-то оно благороднее будет!

С тех пор пять тысяч с лишним годков прошло. В первый день месяца тишрей в Рош Ха-Шану евреи вспоминают, как прошедший год прожили, согрешили или нет, просят прощенья друг у друга, если кого обидели, и у Всемогущего Отца. Молятся...

На небесах в это время взвешивают грехи и добрые поступки, подсчитывают дебит-кредит, потом записывают приговор, но еще не окончательный. Есть 10 дней для искреннего раскаяния, тогда приговор может быть смягчён.

А уж на Йом-Кипур окончательное решение записывается в Книгу Жизни, скрепляется печатью и обжалованию не подлежит!

Очень важно попросить прощения у тех, кого обидел, и так же важно простить тех, кто просит прощения у тебя.

Миша не ходил в синагогу — он считал, что это неестественно. Это показуха, не зная молитв, правил, языка, приходить в синагогу только по праздникам. Он обычно приносил на работу торт и громко объявлял: «Если я кого-то обидел, простите меня, пожалуйста, возможно, я сделал это нечаянно, случайно, без злого умысла...» На работе его уважали, с удовольствием съедали торт и в шутку предлагали ему отмечать этот удивительный праздник еженедельно.

Компания, в которой работал Миша, переезжала в город Шарлотт Северной Каролины. У него был выбор: остаться в Нью-Йорке и искать новое место работы или уехать в Шарлотт, оставаясь на своей же должности.

Все эти годы Миша работал в одной и той же компании. Только одна мысль, что надо будет ходить на интервью, что какая-то девчонка из отдела кадров будет свысока задавать ему глупые вопросы, вызывала неприятное ощущение под ложечкой, хотя он никогда никому бы в этом не признался. Миша решил ехать.

Проблем при этом было немало. Во-первых, уговорить маму переехать к нему в Шарлотт через несколько месяцев, когда он устроится там основательно.

Во-вторых, поговорить с Милой, поблагодарить за то, что она иногда заходила и помогала его маме, за легкость развода — она спокойно подписала, не глядя, все бумаги у адвоката. Тот был удивлён и спросил Милу: «Почему вы подписываете документы, даже не читая?» «Я знаю, что Михаил никогда не поступит со мной подло».

В-третьих, ещё раз попросить прощения. А традиции предписывают, что если в Рош-Ха-Шану человек искренне просит прощения, то его надо простить. Мила простит его... Ему нужны были эти слова, пусть даже сказанные формально. Миша не был суеверным, всегда смеялся над всякими «бабскими» штучками, но теперь это прощение было для него важным. Наташа сказала, что ждёт ребенка...

Он купил коробку любимых Милочкиных конфет, маленькую бутылку шоколадного ликера и вечером, сказав Наташе, что идет к маме, пошел к Миле. Миша был честен, тем более с самим собой. По дороге он размышлял о том, что сказал жене полуправду. Сначала он собирался зайти к маме, а потом к Миле. Значит, чтобы не огорчать дорогого человека, у супругов могут быть друг от друга маленькие секреты. Значит, нечего обижаться на Наташу, понятно, почему она не рассказала о Жене.

У мамы он просидел довольно долго. Сбегал в соседний магазин, работающий круглые сутки, накупил всё по списку. Мама начала варить довгу — любимый Мишин суп из кислого молока, популярный в Баку. Не отпустила его, пока суп не был готов, накормила и дала еще баночку с собой.

Поэтому к дому Милы он направился довольно поздно. «Но, с другой стороны – подумал он, – это и к лучшему – позднее время сократит разговор». Миша был склонен к самоанализу – естественно, он чувствовал определённый дискомфорт от предстоящей встречи с бывшей женой, который он всё-таки подавил усилием воли.

После развода Миша, конечно же, отдал все ключи Миле, но один лишний ключ от подъезда случайно остался у него. Подойдя к дому, он сначала посмотрел на окна на третьем этаже своей (уже не своей) квартиры. На кухне горел свет.

«Может, надо было бы сначала позвонить, а не являться, как снег на голову», – подумал Миша, когда уже вошёл в подъезд. И не успела дверь закрыться, как вслед за ним вбежал знакомый паренёк с той же большой спортивной сумкой через плечо.

Открыл дверь лифта, пропустил вперед Мишу, любезно улыбаясь, вошел следом и нажал кнопку третьего этажа. Миша напрягся. «Если вдруг неожиданно спросить его: «А что Вы, Женя, делаете в моем доме?» Он, конечно, удивится: «Откуда вы знаете, как меня зовут?» Или, может, ответит: «Не ваше дело». Или в более культурной форме: «А почему, дяденька, это вас интересует?».

Лифт остановился. Женя вышел первый, придержал дверь для Миши, быстрой, веселой походкой прошел мимо нескольких квартир и завернул за угол в тот закуток, где была дверь их с Милой квартиры. Сомнений не было. Он шел в гости к Миле! Миша стоял за углом в растерянности и недоумении. Прозвучал звонок, знакомый колокольчик, открылась дверь, веселый голос: «Здравствуйте, Милочка!» и еще один голос, неожиданно больно ударивший в сердце: «Добрый вечер, Женечка, проходите».

Миша стоял в недоумении — что происходит? Каким образом этот странный молодой человек имеет отношение к двум женщинам в его жизни? Эти совпадения вроде сценария индийских душещипательных фильмов или сюжета для веселого водевиля. Обманутый муж, две жены — бывшая и нынешняя, и герой-любовник, обслуживающий обеих женщин. Хотя логика говорит, что он не любовник. Наташе он поверил, да и сам видел, как они сидели и болтали на кухне, как они расстались, просто помахав друг другу, как никогда уголок загнутого покрывала не менялся.

А Мила? В каких они отношениях? Почему молодой человек приходит к ней так запросто и так поздно? Неужели его скромная, стеснительная Мила могла запасть на молодого (лет двадцать разницы) парня? Ну, во-первых, она уже не его. А во-вто-

рых, чем она хуже, скажем, Пугачевой? А в-третьих, действительно, грубо говоря, почему, дяденька, это вас интересует?

Печальный, грустный, озадаченный Миша вышел из дома и теперь стоял под окнами своей бывшей квартиры и смотрел на светящиеся окна. Сначала свет горел на кухне, потом в гостиной, в ванной, в спальне (Мила заходила туда взять постельное бельё), в кабинете и, наконец, потух.

Женя остался у Милы!...

Обычно спокойный, обстоятельный, рассудительный Миша был в шоке...

Через несколько дней он все-таки решил выполнить задуманное – попросить прощения. Он позвонил Миле. Они нормально поговорили, голос у Милы был спокойный. Миша рассказал ей о том, что, видимо, переедет в Шарлотт, поблагодарил за доброе отношение к маме и за то, что она не настроила дочерей против него – недавно он говорил с ними по телефону. В конце разговора он, как бы невзначай, спросил:

- У тебя кто-то есть? и внутренне напрягся, ожидая ответ.
- Пока нет, сказала Мила, улыбнувшись, и Миша услышал эту улыбку в её интонации.
 - А что тогда у тебя делал Женя? так хотел спросить Миша, но удержался.

И вот теперь, наконец, вернёмся к началу нашего повествования в уютную Милочкину кухню, где собрались Мила, Мариэлла и соседка Раечка. [История её жизни описана в романе "Всё, что случайно, – это судьба".] Женщины за кухонным столом говорят шёпотом, чтобы не разбудить спящего в гостиной Женю. Рядом с диваном стоит его чемодан. Завтра рано-рано утром он улетит на Аляску.

Свежий, ароматный чай, шоколадный тортик и этот полушёпот создавали естественное желание поделиться заветным. Больше всех откровенничала Раечка.

Более скрытная Мариэлла обещала рассказать свои новости позже (ага, значит, есть о чем... – обрадовались подруги). А Миле рассказывать было нечего, но она была великолепным, внимательным, вникающим и всё понимающим слушателем. На следующий день улетал не только Женя. Мила тоже улетала, но позже, после обеда, во Флориду. Улетала одна. У Мариэллы был большой проект, обещавший хорошие комиссионные, от которого она не могла отказаться, и она уговорила Милу лететь одной. Тем более неделя отпуска уже была запланирована. В пятницу на работу Мила пойдёт с небольшим чемоданчиком, после перерыва поедет в аэропорт. Через три часа во Флориде встретит её дядюшка Сэм.

Расходиться не хотелось, но пришлось. Завтра рабочий день, да и Милочке надо хорошо выспаться. Мариэлла давала последние указания:

– Слушай меня внимательно. Не сиди там сычом все время перед телевизором, общайся с людьми, там всегда сидят старички группками около бассейна, около теннисного корта, в библиотеке. Общайся с ними, не стесняйся. Они тоже рады любому новому лицу. Постарайся с кем-нибудь пококетничать. Это я тебе говорю совсем не для каких-то матримониальных намерений, а просто для тренировки. Да, для тренировки или обновления навыков кокетства, — предвосхитила она сопротивление Милы, которого, впрочем, и не было. – Со всеми проблемами обращайся к дядюшке Сэму. Я с ним обо всём договорилась по телефону.

Подруги пожелали Милочке счастливого пути и тихо вышли, чмокнув на прощанье.

Женя, оказывается, не спал, встал и вышел к ней на кухню.

- Милочка, знаете, я решил уехать сейчас.
- Самолет только в шесть утра, вы можете выехать в три. В это время, без трафика, кар-сервис довезёт вас минут за двадцать. Идите еще поспите.

– Если я встану посреди ночи, я перебью вам весь сон, а вам тоже надо выспаться. Погуляю по аэропорту, мне же всё интересно. Давайте поговорим на прощанье. Я хочу Вам что-то рассказать. У меня есть кое-какие экстрасенсорные способности. Я иногда предвижу будущее. Не всегда, не тогда, когда очень этого хочу, а вдруг неожиданно я представляю себе, что случится завтра, через неделю, через месяц, – и все случается так, как я предвидел. И еще есть данные или талант – не знаю, как сказать – к внушению. При хорошем учителе я бы смог стать гипнотизером, может, когда-нибудь этим займусь.

-Я все это к чему вам рассказываю. Есть определенная этика: нельзя работать с человеком, если он этого не хочет или не знает. Проверять ауру, диагностику, внушать что-то можно только с согласия человека. Я виноват перед вами. Помните тот самый первый день, когда я к вам пришел. Вы были такая, такая... Не могу даже сказать. У вас аура была заплаканная, сердце было в печали... Я ощущал вашу боль, и я вас успокоил, без всякого предупреждения, разрешения. Простите меня, пожалуйста.

Милочка вспомнила, как хорошо она выспалась в тот день, какое лёгкое было пробуждение. И еще она вспомнила про табуретку перед дверью... Эти воспоминания вызвали улыбку.

- Что вы, Женечка, я вам очень благодарна. Вы мне действительно очень помогли. Желаю вам успехов, которые вы заслужили. Не забывайте мне писать. Вот я вам бутерброды на дорогу приготовила.
- Я вам еще что-то хочу сказать... Я вижу, что у вас всё будет хорошо. Не могу понять четко, всё впереди довольно смутно, но вижу, что поездка будет интересной. Никаких романтических связей в поездке не будет. Главное, ничего не бойтесь, поступайте импульсивно, как в детстве. Что-то хочется смело вперёд, не раздумывайте о последствиях. Ничего плохого не случится, во всяком случае, в этой поездке точно. А писать я буду обязательно.

Пропускаем три четверти суток. Женя еще летит, а Мила уже выходит из аэропорта Вест Палм Бич. Около багажного отделения её встречает милый старичок с трогательной картонкой, на которой шариковой ручкой написано "МNЛА", везёт её в свой Village, болтает всю дорогу и не перестает сокрушаться, что Мариэлла не смогла приехать. По дороге заехали в супермаркет, чтобы Мила купила себе какие-то продукты.

Квартира Мариэллы во Флориде была на втором этаже двухэтажного дома. Четыре квартиры на первом этаже и столько же на втором.

Постоянно в этом доме жили три соседа. Остальные пять квартир оживали только в зимний сезон. На первом этаже жил милый старичок Самуил Варшавский. Мариэлла называла его «дядюшка Сэм», а ему слышалось «дедушка Сэм», чему он был весьма рад. И еще, по определению Мариэллы, он был «старостой» этого дома. По-американски она называла его менеджером. Ключи от всех пустующих квартир

хранились у него. Раз в несколько дней он совершал обход, летом включал кондиционер на два-три часа (в жарком влажном климате это необходимо для предотвращения плесени). Если кто-то сдавал квартиру, дядюшка Сэм встречал в аэропорту, снабжал ключами, решал все проблемы, в конце срока их пребывания проверял, все ли в порядке, забирал ключи и отвозил гостей обратно. По договоренности, гости оставляли \$40 на уборку. Сэм приглашал двух мексиканок, которые за эту сумму убирали квартиру и относили белье в прачечную. Прейскурант у него был невысок. За все эти услуги и наблюдение за квартирой он брал с владельца всего \$100 в год. Пенсия у дядюшки Сэма была достаточная, и эти \$500 за год не делали погоды, но он ощущал, что ещё кому-то нужен.

Когда-то их было четыре счастливые молодые семейные пары, сумевшие убежать из предвоенной Польши. Дружили всю жизнь. Теперь остались он и три вдовы, старенькие польские еврейки — он называл их по-польски «moje dziewczyny» (мои девочки) или по-русски «мои подружки».

По понедельникам одна из «подружек» готовила обед на всех на два дня, в среду – другая, в пятницу – третья, а по воскресеньям Сэм приглашал «девочек» в ресторан. Они тщательно готовились, наряжались – это было для них замечательным развлечением. Иногда он говорил:

Я получил вчера гонорар. Сегодня едем в Сити-Плейс (центр Вест Пальм Бич).
 Будем кутить, девочки, не смотрите на цены...

Наконец, Мила, побросав вещи, быстро переоделась и через десять минут уже спускалась в огромный голубой совершенно пустой бассейн.

Пятница, шесть часов вечера, еще светло, но после четырёх местные жители считают, что становится прохладно, поэтому ни пловцов, ни, тем более, загорающих нет. В шезлонге около джакузи сидит кто-то, лицо его закрывает толстая книга.

Читает? Ну и пусть себе читает, он никому не помешает. Ноги крепкие, мускулистые, футболка — рукав до локтя, облегающие шорты до колена из плотной джинсовой ткани камуфляжной расцветки. Хорошие шорты, не то что летом зачастили к ним в офис пожилые люди в трусах (такое определение им дала Мила). Ну и что, что на улице жарко, надо иной раз посмотреть на себя в зеркало перед выходом из дому. Старческие, худые, венозные ноги выглядывают из ситцевых мятых трусов, изображающих шорты... Милу особенно возмущало, когда так одевались её соотечественники, а по большей части это именно они и были...

Так, забудем обо всём, расслабимся. Вода — это такое блаженство! Мила вошла в воду по плечи. Она не умела плавать. Кого-то этот факт может удивить — как это не уметь плавать, если родом ты из приморского города? В Баку городского пляжа не было, так как волны приносили в Бакинскую бухту пятна нефти с промыслов, и вода была очень грязной. Ближайший пляж был на расстоянии получаса езды от площади

Азнефть. А от Милочкиного дома, наверно, больше часа. Папа ездил иногда с мальчиками, но Милу бабушка не отпускала от себя. Поездки на пляж всей семьёй были редким событием. А в бассейн братья ходили тоже без Милы. Ох, и строги же были в Баку нравы...

Мила вспомнила некоторые упражнения в воде, попрыгала, высоко поднимая коленки, делала «велосипед» и разные повороты. Потом легла спиной на воду и, держась за бортик двумя руками и затылком, полностью расслабилась и закрыла глаза. Иногда она открывала их, смотрела на ярко-синее небо с редкими облачками, чувствовала удивительное умиротворение и снова закрывала глаза. Слова молитвы шли из сердца:

Господи, Великий и Всемогущий, прости мне все прегрешения, вольные и невольные, в прошлых жизнях и в нынешней! Господи, Великий и Всемогущий, прости моим детям все прегрешения, вольные и невольные, в прошлых жизнях и в нынешней! Господи, Великий и Всемогущий, не наказывай нас сурово! Господи, Великий и Всемогущий, благодарю тебя за всё, что Ты даёшь мне в этой жизни!

- Мадам, вы заснули?

Мила открыла глаза. Над ней возвышались те самые крепкие мускулистые ноги и облегающие шорты до колена из плотной джинсовой ткани. Она вопросительно посмотрела на мужчину.

- Уже поздно, скоро бассейн закроют, а вы здесь одна и плавать не умеете.
- Почему вы решили, что я не умею плавать?

Разговор шел на английском.

- Вы не зах**о**дите глубоко и всё время держитесь за борт. Скоро бассейн должны закрыть, пора домой, а я не могу уйти и оставить вас здесь одну, да ещё спящую. Кстати, меня зовут Дэвид.
- Хорошо, я уже выхожу, усмехнулась Мила. Действительно, начало темнеть.
 А я Мила.

Она спокойно вышла, завернулась в полотенце, взяла свою сумку и, махнув рукой незнакомцу, как бы прощаясь, направилась в душевую. Там она, не торопясь, помыла голову, надраила мочалкой тело, как будто смыливая с себя какую-то печаль или грусть, и наконец, вышла в предбанник. Посмотрела на себя в зеркало, увидела симпатичную женщину с чалмой из полотенца на голове, в лёгком халатике и, представьте себе, с улыбкой на лице.

На улице её ждал Дэвид.

– Я решил Вас проводить, если не возражаете.

Мила улыбнулась, вспомнив слова Мариэллы о навыках кокетства и слова Жени: «Никаких романтических связей в поездке не будет. Главное, ничего не бойтесь». Улыбка означала: «Не возражаю».

- Я здесь почти два дня и еще ни с кем не разговаривал.
- Почему?
- Первый день я просто отсыпался, второй день осваивался, вот он и подошел к концу, неожиданно Дэвид перешел на русский.
 - Вы так хорошо говорите по-русски...
 - Я знаю несколько языков и подумал, что вам так будет легче.

Теперь самое время присмотреться к Дэвиду. Одна его бабушка — с маминой стороны — была польской еврейкой, получившей хорошее домашнее образование. От неё у Дэвида польский, русский, украинский, идиш. Дедушка был из немецких евреев, говорил с внуком по-немецки и немного познакомил его с ивритом.

Другая бабушка оставила ему в наследство хорошее знание испанского (второго государственного языка в Америке) и неплохое знакомство с редким нынче языком –

ладино – языком испанских евреев. О её муже – втором дедушке – было известно очень мало. Он был откуда-то из южной Европы, очень шустрый и авантюрного склада мужчина с необыкновенно импозантной внешностью. Поэтому испанская бабушка в него и влюбилась. Так гласила семейная легенда. О его национальной принадлежности никто из семьи ничего не рассказывал – может, не знали, может, скрывали. Как-то старый дядя со стороны этой бабушки сказал по секрету Дэвиду, что тот дедушка был цыганом. На Дэвида эта новость не произвела большого впечатления, тем более, этому дяде в семье не особенно доверяли – он был фантазер.

А какая, собственно, разница? Если Дэвиду было все равно, то нам и подавно, и мы перестанем копаться в его родословной. В дополнение к остальным языкам, в школе Дэвид изучал французский, а в университете – арабский и совершенствовал свой иврит. Он любил изучать языки, и они ему легко давались.

- Спасибо. По-русски мне действительно легче. В институте я изучала французский, дома бабушка говорила на идиш, во дворе немного нахватала азербайджанский, здесь бытовой английский и на работе необходимые профессиональные термины, и в итоге нет глубоких знаний ни в каких языках, кроме русского.
 - А вы здесь в гостях?
- Да. У моей подруги здесь квартира. Мы собирались поехать вместе, но не получилось, и я приехала одна на неделю.
- Я тоже на неделю. У моего коллеги здесь вилла. Он выставил её на продажу, но пока предложил мне отдохнуть. В любой момент может прийти агент с потенциальным покупателем. Обещал предварительно позвонить.

Помолчали.

- Что вы собираетесь делать завтра?
- В это время где-то рядом прозвучал звоночек. Мила вертела головой, стараясь понять, откуда идет звук.
 - Это у вас в сумке телефон звонит, подсказал Дэвид, пряча улыбку.

Пока Мила рылась в сумке, звук прекратился.

– Я только несколько дней назад приобрела этот телефон, – объяснила Мила, – раньше он мне не был нужен. Дома – домашний, на работе – рабочий, достаточно было. Я ещё полностью его не освоила. Помогите, пожалуйста, как узнать, кто мне звонил?

Дэвид показал, как работает определитель номера. Звонок был от Мариэллы.

- Привет, дорогая. Ну, как ты там? Почему не звонишь? тараторила подруга. Тебе звонила твоя знакомая Аня, которая в банке работает. Разыскивала тебя. Я ей не дала номер твоего мобильного, сказала, что ты отдыхаешь, и, если дело терпит, попросила не беспокоить тебя хотя бы неделю. Она рассказала, что к ней из Баку приехала на полгода знакомая женщина, между прочим, очень хороший врач, ищет временную работу ухаживать за больными или детьми, деньги очень нужны. Вот она обзванивает всех знакомых, может, кто-то знает, кому нужна помощница с проживанием. А еще звонила твоя дочка Лена.
- Что случилось? всполошилась Мила: почему она её разыскивает? Мила еще не успела оповестить дочек о новом мобильнике, она собиралась это сделать из Флориды.
- Да не волнуйся, у них всё в порядке. Она сказала, что дядя Гена из Израиля хочет приехать к тебе на Хануку. Ты что сейчас делаешь?
- Иду домой после бассейна, голос у Милы как-то потух, улыбка на лице растворилась. Подруги попрощались.

Пока они говорили, Дэвид деликатно отошел в сторону, но звук был достаточно громкий, вероятно, он всё слышал.

- Плохие новости?

– Да нет, ничего особенного. Просто лишний раз убеждаюсь, что никогда не надо врать.

И вдруг неожиданно для себя самой она рассказала.

- У меня мама и два старших брата живут в Израиле. В начале года меня бросил муж, ушел к другой, к молодой.
 - У Дэвида округлились глаза.
- Сейчас он скажет что-нибудь банальное, вроде «ах, как можно бросить такую милую жену», – подумала Мила. Но Дэвид промолчал.
- Я не хотела расстраивать маму и братьев, продолжала Мила, и ничего им не рассказывала. По телефону говорила, что у нас всё хорошо. Брат Гена все время спрашивал про Мишу. Я врала, что Миша на работе, ведь он программист и занимается серьёзной проблемой переводом программ на новое тысячелетие. Я ещё никому не успела дать номер моего мобильного телефона, собиралась сегодня вечером всех обзвонить. Вот брат, не застав меня дома, и позвонил старшей дочке... Он очень меня любит, всегда обо мне заботится... Видно, почувствовал тревогу за меня и решил сам приехать.

Они уже подходили к дому. Дэвид о чем-то говорил, но Мила плохо слушала, она думала, как это странно, что она разговорилась с совершенно посторонним человеком. И ещё подумала, вдруг Дэвид станет напрашиваться зайти «на чашечку кофе»?

- Спасибо, что проводили.
- А что вы собираетесь делать завтра?
- Завтра я иду в синагогу. Здесь очень красивая синагога. Я была с подругой в прошлый наш приезд. Потом опять в бассейн. Всего доброго. *Have a nice evening*.

Перед сном Мила сделала несколько звонков, и, устав за этот длинный, хлопотный день, уснула без сновидений.

А пока Мила спит, я расскажу вам, как я, Анна Немеровская – автор этого повествования, с ней познакомилась.

Наша семья приехала из Баку в Нью-Йорк в сентябре 1988 года, через два месяца после приезда Милы. В Баку мы не были знакомы. Что немудрено: в городе более миллиона жителей, жили в разных районах, ходили в разные школы, в разные годы (я на три года старше Милы).

Здесь тоже судьба не торопилась нас столкнуть. Я работала в банке в районе, в котором с каждым годом становилось всё больше и больше русскоязычных клиентов. Они, особенно старички, приходили такие потерянные, печальные, вырванные из привычной среды, с трудом принимающие новый быт и образ жизни. Приходилось объяснять, как удобно пользоваться карточками, чеками и другими преимуществами нового мира. Приходилось и утешать, и заниматься психотерапией, и уговаривать, что всё не так уж и плохо, что надо радоваться за детей и внуков, как им будет хорошо на новой родине.

Раз в месяц приходила одна милая супружеская пара. Она быстро освоила простые банковские премудрости. В начале месяца, после получения пособия, она выписывала чеки за квартиру, коммунальные услуги, а в середине месяца, проверив, что всё аккуратно оплачено, приходила и снимала часть оставшейся суммы наличными. Как-то по секрету рассказала, что муж её был знаменитым учёным, доктором наук. Очень скромный, не хвастается, как многие бывшие главные инженеры, профессора, работники обкомов и др. — нынешние жители Брайтона.

И вдруг всё в одночасье сломалось. Жена его утром не проснулась... Пришел с дочкой, принес все документы. Смотреть на него было больно. Я приняла все необходимые документы, сделала копии, отфаксовала в соответствующие социальные службы и обещала, что буду помогать ему решать все банковские проблемы, если

будет нужно. Дочка была такая же внимательная и заботливая, как мать. Она сказала, что будет выписывать за папу все необходимые чеки, а он один раз в месяц зайдет в банк и снимет сумму пособия наличными.

Прошёл месяц. Подходит к моему столу этот старичок, бледный, совершенно растерянный: ему в окошке не выдали деньги, сказали, что какая-то ошибка и надо идти в Social Security Administration.

Куда идти, он не знает, дочка не может больше отпрашиваться с работы, чтобы пойти с ним.

– Что делать? Что делать? Лучше бы я ушёл в мир иной, чем моя Цилечка...

Бегу к кассиру за окошко, к супервайзеру – в чем дело?

Оказалось, в Social Security Administration перепутали, ввели в компьютер социальный номер мужа вместо жены и получилось, что для органов соцстрахования умер муж и пособие ему больше не положено. Супервайзер посоветовал: позвони туда сама, объясни ситуацию, спроси, как надо исправить ошибку, какие документы представить.

Звоню. Слышу приятный милый голос. Мила, это она была на другом конце провода, сразу распознав мой акцент, перешла на русский. Объясняю, что произошло, взываю к её милосердию.

 Конечно, конечно, не беспокойтесь и клиента вашего тоже успокойте. Сейчас всё исправим. В конце концов, это же наша вина, а не его.

Продиктовала мне список необходимых документов, которые я тут же ей и отправила по факсу. И вдруг слышу, как там у неё в офисе кто-то спрашивает:

- Мила, идёшь на брейк?
- Да, сейчас, вот только это дело закончу.
- А ты принесла на ланч эти твои вкусные... ну, как ты их называешь... синенькие по-нашему.
- Демьянки. Да принесла. Возьми сама у меня в сумке и иди на брейк. Я потом приду, когда всё закончу.

Я всё это слышу и радостно восклицаю:

- Милочка, вы из Баку!
- Да, а как вы догадались?
- Дорогая моя, а где кроме Баку баклажаны называют демьянками?

Мила исправила ошибку, вернула моего клиента в мир живых, посоветовала открыть новый счет, что я немедленно сделала. Оформила ему *Direct deposit*. Сказала, что всё войдёт в главный компьютер завтра, и больше у моего милого клиента проблем не будет.

Бюрократизм – страшное явление, но он пасует перед чиновниками, которые и профессиональны, и человечны. Когда он пришел на следующее утро, я сама подошла с ним к окошку и, удостоверившись, что он получил деньги без проблем, позвонила Миле и поблагодарила её. С тех пор мы стали перезваниваться. Легко нашли общий язык, профессиональные вопросы, какие-то мелкие проблемы – всё решалось быстро.

И вот однажды моя сотрудница пригласила меня на свадьбу дочери. Свадьба оказалась на удивление весёлая, с шутками, выступлениями молодёжи, пародиями – ну, чистый КВН. Затем было дано задание гостям: от каждого стола надо было придумать общий тост, за самый лучший тост стол получит приз. Гости невесты сидели с одной стороны танцевальной площадки, гости жениха – с другой. Столы вызывали по номерам. И вот от одного стола со стороны жениха вышла молодая женщина, которая озвучила стих совместного сочинения. Я, узнав знакомый голос, бросилась к ней.

- Вы Мила?

Так наше знакомство перешло из заочно-телефонного в очное.

«Свадьба пела и плясала», а мы, найдя уголок потише, с удовольствием болтали друг с другом. Иногда Мила останавливалась в середине фразы и внимательно наблюдала за мамами молодожёнов. Потом она объяснила, что её мудрая бабушка говорила, как можно ещё на свадьбе судить о прочности будущего брака. Надо внимательно проследить, насколько тёща и свекровь подружились. Вот она и приглядывается.

Мы продолжали поддерживать телефонные, в основном, профессиональные связи, изредка сталкивались на спектаклях или выставках. Делились новостями и, пользуясь оказиями, передавали подружкам в Баку письма, фотографии, скромные сувениры, а то и денежки.

Утром Мила поздно встала, медленно позавтракала. В воздухе было разлито блаженное умиротворение, поэтому все движения обычно быстрой Милочки были замедленными. Наконец, часов в десять она вышла из дому. Дядюшки Сэма, обычно сидевшего в шезлонге на солнышке перед дверью, на своём обычном посту не было. «Наверно, уже в синагоге», – подумала Мила.

На углу на скамейке около автобусной остановки сидел Дэвид. Увидев Милу, он с улыбкой пошёл ей на встречу.

- Доброе утро!
- Доброе утро! Я ждал вас, потому что не знаю, где синагога.

Мила улыбнулась на эту наивную хитрость, но ничего не сказала.

В синагоге читали очередную недельную главу Торы. Рабай называл нужную страницу, громко читал, а все читали это же шёпотом или про себя. Когда открывали Парохет, все вставали. (Парохет – завеса, закрывающая снаружи дверцы кивота – шкафа, в котором хранятся свитки Торы.)

Служба закончилась, Мила нашла по оглавлению поминальную молитву, прочла её шепотом и пошла за всеми в другой зал, где были приготовлены маленькие стаканчики с виноградным соком и маленькие печеньица. Женщины с улыбками подходили к Миле (мужчины – к Дэвиду), спрашивали, откуда приехали, в гости или они новые домовладельцы и обязательный вопрос: «Как вам здесь нравится?» Ответ был предсказуем «очень-очень нравится!» и вполне искренен.

Там к Миле прицепилась русскоговорящая дама – уж очень, видно, соскучилась по новому собеседнику, но Дэвид сумел деликатно увести Милу.

– А куда мы сейчас пойдем?

Мила внимательно посмотрела на Дэвида — как правильно отреагировать на его «мы» ? Пропустить мимо? Сделать замечание? А если сделать, — сурово или помягче? Но чуткий Дэвид понял, что употребил неверное местоимение и виновато посмотрел на Милу.

Мила опять вспомнила наказ Мариэллы пококетничать и Женино предсказание, при этом подумав, что эту неделю она, по-видимому, часто будет это вспоминать...

Так как Мила молчала, Дэвид решился на следующий шаг:

- Мила, я умираю от голода. Давайте сходим куда-нибудь на ланч... Пожалуйста...
- Я обратила внимание, что дядюшки Сэма в синагоге не было. И утром я его не видела. Я думаю, надо постучаться.

Вопрос о ланче повис в воздухе как не первоочередной. Подошли к дому. Дядюшка Сэм уже сидел в своём шезлонге, закутанный в одеяло, несмотря на жару.

- Дядюшка Сэм, что случилось? Что с вами?
- Я простудился, darling.

Он говорил, мешая английские слова с польскими и идиш, а также немногими оставшимися в памяти русскими, считая, что Милочке так будет приятней.

- Ostatniej nocy zabrałem moje dziewczyny do restauracji. Вчера вечером я повёл своих подружек в ресторан кутить (Мила привезла ему чек от Мариэллы его гонорар). Там было очень холодно, air-conditioner дул прямо на меня, и я, конечно, простудился. Кашель сидит прямо здесь, он постучал по впалой груди. Ах, если бы кто-нибудь мог поставить мне банки, как это делали майн маме ун бабеню, мои мама и бабушка. Недавно мы с подружками вспоминали о банках. Одна из них сказала, что помнит, как надо их ставить, но, во-первых, это было пятьдесят лет назад, она могла что-то и подзабыть, а во-вторых, их у нас нет.
 - Так я вам поставлю банки с удовольствием.
 - Как?! Вы можете? А где их взять?
- Я знаю, что у Мариэллы есть банки. Когда в прошлый раз мы приезжали, я помню, она привезла комплект банок, который ей достался от свекрови. У них с мамой были свои, а эти, лишние, она привезла сюда. Сейчас я принесу, а вы идите в дом и готовьтесь.

Мила побежала наверх. Дэвид помог дядюшке Сэму, закутанному в одеяло, вылезти из глубокого низкого шезлонга. Старик шёл, одной рукой придерживая одеяло, другой держа Дэвида под руку, и воодушевлённо рассказывал, какое это блаженство – банки! Дэвид был заинтригован – какое такое блаженство будет Мила делать дядюшке?

Ну вот, старичок лежит в кровати на животе, рядом приготовлены несколько маек для переодевания, на табурете лежат банки, вазелин, флакончик со спиртом, спички и старая вилка с намотанной ватой.

– Дэвид, вы будете мне помогать. Ваша задача быстро подавать мне банки, вот так, под левую руку, чтобы мне было удобно брать их, не глядя – так будет быстрее. Всё должно быть быстро.

Вата была намочена в спирте, зажжена, Мила быстро вкладывала маленький факел в банку, переворачивала и вдавливала в спину, обходя область сердца и позвоночник. Дэвид как-то растерялся и не помогал. Мила не стала его укорять, сама быстро хватала банки с табуретки. Всё это время дядюшка Сэм стонал от восторга, млел, благословлял Милу, её золотые руки, доброе сердце, желал ей всяческого благополучия... Затем Мила укрыла блаженствующего старичка, подоткнула одеяло со всех сторон.

- Засекаем время пятнадцать минут.
- О,пожалуйста, Милочка, пусть будет двадцать минут, взмолился дядюшка Сэм.
 Пока она ставила банки, Мила чувствовала, что Дэвид был в каком-то напряжении. Настроение, может, и не испортилось, но изменилось точно. Мила не могла понять причины...

Через двадцать минут она сняла банки, растёрла спину. Дядюшка улёгся поудобнее и решил немного поспать, а то всю ночь кашель не давал ему выспаться.

- Вы идите, дверь не закрывайте, скоро придут мои подружки.

Милочка оставила на табуретке чай с лимоном и мёдом и строго предупредила:

– Если вспотеете, обязательно переоденьтесь в сухое. В мокром лежать нельзя, а то лечение не поможет.

Они вышли и молча шли по дороге. Мила ждала, что Дэвид объяснит своё испорченное настроение. В конце концов, она не выдержала:

- В чём дело, Дэвид? Что не так?
- Я... я просто в шоке. Что вы делали? Вы, русские, все-таки удивительные люди. У вас другая логика, другое отношение к человеку...
 - Пожалуйста, Дэвид, объясните. Я не понимаю, о чем вы говорите.
- Вот в этом всё и дело, что вы даже не понимаете, что вы чуть было не натворили!
 - **-**???
 - Скажите, у вас есть *license*, чтобы проводить эту процедуру?
- Нет. Но мы делали это всю жизнь. Я ставила банки всем членам семьи и своим маленьким детям мы так привыкли, растерянно пыталась оправдаться Мила. Ведь согласитесь, иногда народные традиционные методы помогают не хуже, а порой и лучше, чем медикаменты. Банки ставят и китайцы, и японцы, и многие другие народы...
- И все же вы, русские, поразительные люди. Вы бросаетесь что-то делать, даже в самом благородном смысле, даже от всего сердца помогать людям, не думая о последствиях. А если ему станет плохо? А если завтра приедет к Сэму его дочка, увидит эти страшные пятна и подаст на вас в суд? Ведь если у вас нет на это полномочий, разрешения, вы же не имеете права прикасаться к человеку!

Мила растерянно молчала. Может, Дэвид прав?..

За коротким ланчем разговор шёл вяло. Мила подумала, что Дэвид знает о ней намного больше, чем она о нем. Хотя зачем ей знать подробности его личной жизни? Через неделю они расстанутся навсегда. Но в разговоре всё-таки выяснилось, что он финансист, вдовец, есть взрослый сын Натан – студент, и отец, который живёт в аналогичном этому community.

Вскоре они вернулись, на цыпочках заглянули к дядюшке Сэму – тот сладко спал.

- Мила, не сердитесь на меня, пожалуйста. Я говорил с вами непростительно сурово из-за того, что сильно понервничал за вас. Я просто испугался, как бы вы не попали в неприятную историю.
- Я не сержусь, я всё поняла. У нас в таких случаях шутили: если меня посадят за это в тюрьму, будете носить мне передачи.

Конец субботы и утро воскресенья Мила делила между бассейном и заботой о дядюшке Сэме, который чувствовал себя великолепно, но всё равно умолял поставить ему банки ещё раз.

«На чашечку кофе» Дэвид не напрашивался.В воскресенье они обедали в ресторане. За десертом у Дэвида зазвонил телефон,он посмотрел на определитель номера.

Сын звонит.

Мила решила дать возможность Дэвиду спокойно поговорить. Вышла в туалет, не торопясь подкрасила губы, знала за собой это свойство — съедать за едой всю помаду. Когда она вернулась, по лицу Дэвида увидела, что разговор был очень тяжёлый.

- Что-то случилось?
- Да, я не рассказал вам, что сын болеет...

Прошло некоторое время в молчании, и Дэвид коротко рассказал о себе.

Родители его были врачи. Была ещё старшая сестра, с которой они были очень дружны, она рано ушла из жизни.

После окончания колледжа Дэвид женился на любимой девушке. К великому сожалению, у неё было больное сердце, из-за чего врачи запретили ей рожать, боялись, оно не выдержит: роды — штука тяжёлая. А делать кесарево сечение тоже очень рискованно, опять же из-за сердца — тут вся опасность в наркозе. Как Дэвид ни уговаривал её усыновить одного-двух детей, она упорно стояла на своём: «У моей мамы тоже больное сердце, но ведь она родила меня и жива до сих пор, и я рожу...»

Однако...

Вот и остался Дэвид вдовцом в двадцать восемь лет с новорожденным здоровым (слава Богу!) сыночком. Нашли ему хорошую кормилицу. Годы пролетели. Умницасын заканчивает колледж. И вдруг некоторое время назад он на несколько секунд потерял сознание. Хорошо, что в этот момент за рулём был не он. И эти приступы стали повторяться примерно раз в месяц. Конечно, Дэвид поднял на ноги самых знаменитых врачей — есть и связи, и деньги. Но пока никто не может сказать ничего определённого. Взяли в колледже академический отпуск и положили его в одну из самых рекомендуемых клиник на обследование. А самого Дэвида уговорили поехать отдохнуть на неделю.

Сын пошел учиться по папиным стопам – на экономиста, но теперь стал сам изучать медицину, пытается разобраться хоть немного в своей проблеме.

– Сейчас он позвонил и просит: «Папа, забери меня отсюда, обследование проходит очень медленно, за неделю сделали только два теста. Диагноза точного нет, но уже назначили гормоны и снотворное. Я ем, сплю, тупею и толстею. Здесь нет даже тренажёров. Я здесь деградирую. У меня такое впечатление, что мозги жиром заплывут, что наступит апатия или депрессия. Забери меня, пожалуйста». Вот, видимо, закончился мой отдых... Я, конечно, заберу его домой. А что потом? Как уйти на работу, а его оставить дома одного? С нами жил Джон – его молочный брат, самый верный друг, и мне он как сын. Но примерно полгода назад он познакомился с чудесной девочкой, съехал от нас и живёт с ней неподалеку. Они часто забегают к нам. Оба заканчивают колледж, учатся и работают – я не могу нагружать их моими проблемами... Значит, надо искать бебиситтера... Смешно звучит: «бебиситтер» для парня двадцати двух лет, да?

Как это ужасно, когда болеет близкий человек, самый близкий, и ты ничем не можешь ему помочь... Утешать Дэвида было бессмысленно, но по лицу Милы было видно, как она сострадает.

- Мила, простите, я опять возвращаюсь к той процедуре со стариком Сэмом и к моим непозволительным замечаниям. Вы тогда сказали, что иногда народные методы помогают не хуже, а порой и лучше, чем медикаменты. Сейчас я, как вы понимаете, на все согласен. Я не знаю, что делать, помогите мне, если можете...
- Банки, конечно, тут не помогут, и даже противопоказаны. Я думаю, надо найти знающих китайских травников и специалистов по иглоукалыванию. У вас есть знакомые китайцы? Спросите у них, может, они смогут что-то посоветовать. А я пока позвоню моей подруге. Она не доктор, но много знает, когда-то она вытащила мужа из онкологии.

Мила позвонила Мариэлле, кому же ещё?

– Мариэлка, привет! Я здесь познакомилась с одним человеком, только слушай внимательно и не перебивай, у меня телефон включён на громкую связь. – Сразу пресекая игривые вопросы подруги, она повторила рассказ Дэвида. – Ты же подписана в некоторых травных компаниях. Подумай, пожалуйста, может, у них есть что-то подходящее. Или можно связаться со специалистом из этой компании? А может, ты знаешь каких-то китайских травников или иглоукалывателей? Подумай,

Мариэллочка, очень надо помочь человеку.

– Есть, конечно, травы для мозговой деятельности, но без чёткого диагноза лечить невозможно. Китайцы делают пульсовую диагностику и только после этого составляют травный сбор... Послушай, у меня идея, позвони своей Ане, которая ищет работу для приехавшей недавно знакомой. Она сказала, что эта Ревекка очень хороший врач.

Официант несколько раз предлагал еще десерт, но Дэвид расплатился по счету и попросил не беспокоить их. Видимо, он оставил официанту такие чаевые, что тот проходил мимо их стола на цыпочках, чуть дыша.

Мила позвонила мне, обрисовала ситуацию.

– Подожди, не рассказывай дальше. Я позову к телефону Ривочку, и ты начнёшь с самого начала со всеми мельчайшими подробностями.

Для меня она была Ривочка, для остальных — Ревекка Ивановна. Я тоже включила телефон на громкую связь. Представила мою гостью на американский манер — мадам Ревекка. [История жизни Ревекки Ивановны до её приезда в Америку подробно описана в романе «Время течет по венам».]

Ревекка слушала внимательно, задавала уточняющие вопросы. Она спрашивала, были ли у Натана травмы головы, тяжёлые инфекционные заболевания, высокая температура, отравления вообще и грибами в частности, сильное алкогольное опьянение, беспокойный сон, особенно, в полнолуние, и так далее. В заключение она сказала:

- Невозможно ставить диагноз заочно, без обследования и анализов. Кратковременная потеря сознания может быть от разных причин: сильные головные боли, нарушения вестибулярного аппарата, эпилепсия, абсанс, мигрень, опухоль. Точная диагностика половина лечения. Сделали ли ему рентген, электроэнцефалограмму и MRI?
- Я не знаю, но когда буду забирать сына из клиники, всё выясню и заберу копии результатов всех анализов.
 - А почему вы хотите его забрать из клиники?
 - Он жалуется, что его не лечат, а только наблюдают.
- А знаете, это очень важно наблюдать, тщательно и скрупулёзно записывать, когда произошёл приступ, время, место, окружение, еда, что его спровоцировало и так далее все мельчайшие подробности. Скорее всего врачи наблюдают и ждут, чтобы сделать электроэнцефалограмму как раз в момент приступа, тогда и картина будет яснее.
- Вы назвали какое-то заболевание, о котором я раньше не слышал, вот когда вы перечисляли заболевания, после эпилепсии вы сказали еще какое-то...
- Абсанс это кратковременное выключение сознания. Это не безнадёжный диагноз. Он лечится довольно успешно. Есть лекарства, которые производят в Европе, достаточно эффективные и, самое главное, что пить их не надо всю жизнь. Через два года при отсутствии припадков лекарства отменяют и наблюдают ещё пять лет. В любом случае ваш сын должен находиться под присмотром, не стоит рисковать походом в бассейн или на пляж опасно захлебнуться, а при вождении автомобиля попасть в аварию. Кроме того, у него должен быть полноценный сон, никакого алкоголя, пища лёгкая, много салатов, никакого телевизора, кино, т.к. световые вспышки часто вызывают приступ. Я думаю, ваши врачи дадут вам подробные рекомендации. Надеюсь, лечение Вашего сына будет успешным.

Мила и Дэвид в два голоса благодарили мадам Ревекку, нажали на кнопку «отбой» и молча сидели, переваривая услышанное. Настроение чуть улучшилось, появилась надежда.

И вдруг посмотрели друг на друга округлившимися глазами и одновременно откры-

ли рты, чтобы высказать пришедшую в этот момент в их головы одну и ту же мысль. Она ищет работу! Дэвид – «бебиситтера»! Само провидение послало эту женщину!

– Милочка, звоните ей! Я согласен на любые условия! Пусть немедленно приезжает, я её встречу на автовокзале в Вашингтоне и привезу домой. Понимаете, он будет жить дома, это же психологически спокойней, а продолжать обследование и лечение Натан будет ездить с ней. Она-то гораздо больше меня сможет спросить, уточнить, понять – объясниться с врачом. У меня для неё хорошие условия – изолированная однокомнатная студия со всеми удобствами и даже с отдельным входом.

Мила позвонила и радостно сообщила, что нашла для Ревекки Ивановны замечательное место в Вашингтоне. Не надо обслуживать лежачих стариков, не придётся таскать на руках детей. Молодой симпатичный студент Натан, о котором шла речь несколько минут назад.

- Сколько вы просите за неделю?
- Я...не знаю, на другом конце провода неуверенно пролепетала Ревекка Ивановна. Она явно растерялась. Поговорите лучше с Аней. Как она решит, пусть, так и будет.
 - Аннушка, скажите, сколько вы хотите и не стесняйтесь.
- Милочка, дорогая, единственное, что меня смущает это то, что так далеко от меня. Я буду беспокоиться за неё.
- Сколько?! Спросите, сколько она хочет за неделю, шёпотом напирал Дэвид. Как нормальный американец, он понимал, что надо предложить «весомый довод».
- Я посмотрела объявления по газетам, цены колеблются, в зависимости от количества детей и их возраста, от \$300 до \$350 в неделю.
- Я буду платить \$400 за пятидневную неделю и \$500 за полную на случай, если я уеду в командировку. Дэвид перехватил инициативу в разговоре. И полный пансион. И мобильный телефон, безлимитный будет звонить и вам, и своим родным в любую страну.
 - Мы согласны...
- Хорошо, уважаемая Анна, дайте мне несколько дней. Я должен буду уехать из Флориды, забрать сына из клиники, приехать домой, подготовить все к приезду мадам Ревекки. В четверг или в пятницу посадите её в рейсовый автобус я оплачу билет. А в Вашингтоне на автобусной станции я её встречу. Буду держать табличку с её именем.
 - Вы один? А Мила?
 - Ну, как бы... Мила? Мила останется во Флориде, у неё отпуск, она отдыхает.
- Нет, я категорически не отпущу Риву одну так далеко к незнакомым людям. Поймите меня правильно, она в чужой стране. Здесь, в Бруклине, я бы повела её сама к клиенту и посмотрела, где я её оставляю. И в Вашингтон я бы поехала, чтобы отвезти её самой, но сейчас не могу на работе не отпустят. Я думала, что Мила рядом с вами. Если бы она встречала Риву на автовокзале это другое дело. Я знаю Милу, она ответственный и обязательный человек, знает язык, ориентируется в американских условиях и обстоятельствах, ей я могу доверить Риву. Я же за неё в ответе... В общем, подумайте и перезвоните.

Мила и Дэвид молчали. Дэвид не знал, как начать разговор. Мила прекрасно понимала, что он хочет сказать.

- Мила, вы любите отдых на круизном корабле?
- Сейчас холодно, но в мае следующего года мы с Мариэллой думали поплыть на Бермуды, говорят, там очень хорошо, медленно ответила Мила, не понимая, при чём тут круизы.
 - Мила, поедемте сейчас со мной в Вашингтон до конца недели, чтобы встретить

мадам Ревекку... Я понимаю, что этим испорчу вам отдых, но за это я куплю путёвки вам и вашей подруге на Бермуды. И мадам Ревекке, и её заботливой покровительнице Анне. И вы поедете все вместе и чудесно проведёте время. А сейчас поедем со мной, пожалуйста, – он так умоляюще смотрел на Милу.

Она понимала Дэвида – отца, у которого появилась надежда на излечение сына. Она пожалела его сына – молодого человека ставшего вдруг, в одночасье, беспомощным. Незнакомой Ревекке Ивановне, видимо, сильно нужен заработок. И ещё Аннушка может обидеться, если она откажет... И все они зависят от её, Милочки, согласия.

«Если не поеду, останусь... буду скучать в обществе дядюшки Сэма и его подружек? Корить себя за черствость и эгоизм? Так и отпуск не в радость будет...»

«Никаких романтических связей в поездке не будет. Главное, ничего не бойтесь, поступайте импульсивно, как в детстве. Что-то хочется – смело вперёд – не раздумывайте о последствиях. Ничего плохого не случится.» – Хорошо, поеду, – спокойно сказала Мила, – без всякой круизной взятки.

Лицо Дэвида просветлело. Это банальная, затасканная фраза. Но как она верна, как точно обрисовывает момент! Человек слегка поднимает голову, глаза становятся большими, взгляд – красивым, даже при улыбке на лице морщины разглаживаются...

– Спасибо, Милочка. – Он первый раз назвал её Милочкой. – Сегодня – воскресенье, мы собираемся. Завтра – понедельник, утром выезжаем. Забираем Натана. Во вторник – будем дома. В среду и четверг мы с Натаном развлекаем вас, показываем интересные достопримечательности столицы. В пятницу встречаем мадам Ревекку. В субботу все дома, даём ей возможность оглядеться и освоиться. А в воскресенье Стоян отвезёт вас домой. Мой знакомый болгарин Стоян работает в кар-сервисе. Он периодически выполняет мои просьбы. Особенно часто я обращался к нему много лет назад, когда был занят, а надо было отвозить кормилицу с детьми по делам. Потом дети выросли. И Натан, и Джон стали водить машину. А сейчас опять придётся чаще обращаться к Стояну – я не разрешу Натану садиться за руль. Стоян часто ездит в Бруклин навестить свою сестру и её семью, сможет отвозить мадам Ревекку к её подруге.

Мила быстро собралась, убрала квартиру, почистила холодильник, часть продуктов взяла с собой, часть отнесла дядюшке Сэму. Он был очень разочарован её отъездом, но, игриво прищурившись, пожелал удачи. Мила не стала его ни в чём разуверять.

На следующее утро выехали рано. По дороге Дэвид рассказывал о себе более подробно. После школы – престижный университет, затем интересная работа – Дэвида оставили на кафедре. Свадьба. Несколько лет счастливой жизни. Овдовел.

Друг отца дядя Генрих нашёл Дэвиду хорошую кормилицу.

О Дороти особый рассказ.

В одной афроамериканской семье росли сын-хулиган и тихая, скромная девочка Дороти. Отец умер от запоя, сын попал в тюрьму, тогда мама с дочкой облегчённо вздохнули — несколько лет спокойствия. Периодически сын выходил на свободу, устраивал им адскую жизнь, потом опять попадал за решётку. Ко дню его последнего освобождения Дороти окончила школу с хорошими отметками и мечтала о двухгодичном государственном колледже, чтобы получить профессию педагога начальных классов — она очень любила детей. Снова начался дома ад с криком, наркотиками и азартными играми. Как-то проигравшись в пух и прах, он поставил на кон Дороти и проиграл. Её изнасиловали. Дороти забеременела, пыталась покончить с собой. Мать вытащила её из петли, стояла перед ней на коленях, умоляла не оставлять её одну на этом свете. Просила Дороти, мол, потерпи немного, его опять посадят, а

ребёнка вырастим – я помогу тебе. Беременность проходила тяжело, Дороти часто рвало, поэтому картёжные посиделки и попойки были перенесены в другое место. Перед родами брат сказал: «Не беспокойся, я уже нашёл бездетную пару, которые купят у нас этого ребёнка». Как это купят?.. Дороти уже сроднилась с дитём. Он так настойчиво и, ей казалось, ласково толкался внутри. Она даже не помнила лица насильника. Это её, только её ребёнок, она никому его не отдаст...

Когда пришло время рожать, брат привёз её в хорошую дорогую клинику.

– Покупатели оплатили, – объяснил брат, и Дороти поняла, что это на полном серьёзе.

После родов через несколько часов ей дали покормить ребёнка. Как он присосался! Как был доволен! Она не отпускала его из рук, всё смотрела на такого чудного красивого мальчика, её мальчика, и слёзы текли из глаз, орошая подушку, рубашку и ребенка.

Потом слёзы стали течь не молча, а призвали на помощь и звук, и горькие её рыдания услышал проходивший мимо палаты главврач – дядя Генрих, как называл его Дэвид.

Генрих шёл по коридору и сам почти плакал. Только что он не сумел спасти молодую женщину. Конечно, такое случается иногда. Говорят, что у каждого врача есть своё маленькое кладбище... Люди умирают... Но хуже всего, что это была невестка его друга, жена Дэвида, которого он знал и любил с детства. Ей врачи не разрешали рожать, но она упёрлась, как... как... Дядя Генрих не успел придумать нужное слово определяющее степень упрямства, как услышал горькие рыдания.

«В чём дело? Неужели ещё одна смерть в стенах его любимой больницы?»

Когда Дороти ему всё рассказала, он решил, что сама Судьба подсказывает, как помочь осиротевшей семье вырастить маленького Натана.

- Слушай меня, девочка, внимательно. Только что при родах умерла молодая женщина. А малыш жив и здоров. Отцу нужна кормилица. Он заберёт тебя с ребёнком к себе дядя Генрих решал всё сам, даже не поговорив с Дэвидом. Он знал, что Дэвид одобрит его план. Ты будешь работать у него по дому и кормилицей его сына. На всем готовом, он даже будет платить тебе зарплату.
 - Завтра меня придет забирать брат, чтобы отдать ребёнка чужим людям...
- Не волнуйся, мы переведём тебя на другой этаж. А когда придёт брат, я скажу, что тебя уже выписали. Он тебя не найдет.

Так все и произошло. Брат, не обнаружив Дороти с дитём, начал было кричать, «качать права». Вышел строгий главврач – дядя Генрих – и объяснил:

– Дороти выписалась вчера вечером, за ней пришел прилично одетый молодой человек и забрал её. Можете проверить палату. Она совершеннолетняя, и я не обязан был проверять, куда и с кем она уходит. А если вы будете вести себя неподобающим образом, я немедленно вызываю полицию.

Дэвид привёз Дороти с двумя младенцами домой, выделил ей большую спальню, закупил всё, что надо для детей в двойном количестве. Приходящая патронажная медсестра, осмотры у педиатра – всё это проходило мимо сознания Дэвида.

Раз в неделю шофер кар-сервиса Стоян отвозил Дороти в магазин за покупками. Дэвид выдал ей безлимитную кредитную карточку. Но Дороти всё равно, хоть Дэвид и не требовал отчёта, молча клала на кухонный стол все чеки из магазинов. Они почти не разговаривали. Дэвид не заходил к ней в комнату посмотреть на детей. Он обычно спрашивал, всё ли в порядке. При любой, даже самой маленькой проблеме, решал всё быстро и чётко, как обычно бывает у весьма обеспеченных людей, не привыкших задумываться перед выписыванием чека.

Дороти боялась его суровости, она принимала его печаль за угрюмость. Обед был готов, квартира убрана, дети ухожены – о чём им было говорить друг с другом?

Но самое удивительное, немыслимое для Дороти, было его какое-то странное безразличие к родному сыну. На самом деле это было не так. Первый раз, сразу после родов, Дэвид с ужасом разглядывал этот красный писклявый комочек, унёсший жизнь его любимой женщины. Судьба обманула его — это неравноценный обмен! В дальнейшем его отношение к ребёнку было сложным. Было спокойное равнодушие и, в то же время, твёрдое убеждение, что этому ребёнку в память о своей жене он должен дать всё-всё самое лучшее, максимально украсить его жизнь. Изредка, когда Дороти вывозила их в роскошной спаренной коляске погулять и проезжала мимо кабинета Дэвида, он видел детей, но смотрел на них как-то отстраненно, как на картинку.

Дороти была неглупая девочка, она часто думала, как бы сблизить Дэвида с его сыном. Даже она, ненавидящая своего насильника лютой ненавистью, полюбила своего сына. А для Дэвида сын – это ведь самый дорогой человек на свете, это частица его любимой жены... Поговорить с Дэвидом она не решалась, боялась, что не сможет выразить словами свои чувства и мысли.

Как-то в воскресенье – детям было уже месяцев по девять – Дороти вытащила детский манеж в гостиную.

 – Мне надо проветрить спальню и хорошенько её пропылесосить. Пусть пока дети здесь поиграют.

Обычно она это делала днём, когда Дэвид был на работе.

Дэвид наблюдал за ними с интересом. Со стороны, но с интересом. «Какие они забавные... Как ползают, подражают друг другу...» Джон подполз к бортику манежа и пытался встать с колен. Дэвиду захотелось помочь ему, но он не решился и быстро ушёл в кабинет. Дороти, которая подглядывала за ним, поняла, что ей надо делать.

В следующее воскресенье она вышла со спящим Натаном к Дэвиду.

– Никак не могу уложить его в кроватку – сразу просыпается и плачет. Наверно, зубки режутся. Весь день на руках. Еле укачала. Пожалуйста, подержите его пять минут. Джон весь мокрый лежит, я его поменяю, постель перестелю и заберу Натана. Только пять минут.

Дэвид стоял, неловко прижимая к себе ребёнка. Натан открыл глазки, внимательно и серьёзно посмотрел на отца. Знакомился. В девять месяцев дети уже узнают тех, кого часто видят. А этого взрослого большого человека он видит впервые. Натану показалось, что это добрый человек, но почему же тогда он не улыбается? Мордашка Натана скривилась, ему захотелось похныкать, но большой человек быстро сунул соску ему в рот и начал укачивать. Ребёнок заснул, доверчиво прижавшись к груди отца. Нет, не к груди, к сердцу.

С тех пор Дороти немного осмелела, и они начали беседовать друг с другом. Даже странно: девять месяцев под одной крышей – и совершенно незнакомы.

Дороти рассказала о своей мечте – учиться в колледже. Дэвид уверил её, что нет ничего несбыточного. Через год она может поступить учиться заочно. Взять для начала один или два предмета. Потом, когда дети пойдут в детский сад, она сможет больше времени отдавать учёбе. И получит диплом как раз ко времени, когда дети пойдут в подготовительный класс школы. И даже сможет преподавать в этой же школе...

Дэвид нарисовал такую радужную картину её будущего, что Дороти даже расплакалась. Дэвид относился к ней, как к ребёнку. Она была маленькая, худенькая, на десять лет младше его, а выглядела ещё моложе. А Дэвид всегда выглядел старше своих лет, тем более сейчас, когда горе оставило на нем скорбное клеймо. Дороти рассказала, что видится с мамой, когда едет за покупками. Мама счастлива за неё и каждое воскресенье молится в церкви не только за неё с Джоном, но и за господина Дэвида и его сына.

- Почему ты не приглашаешь её? Это некрасиво. Раз ты здесь живёшь, то можешь приглашать своих друзей, тем более маму.
 - У меня нет друзей...

Как она могла объяснить, что хорошие девочки, с которыми она хотела дружить, не хотели с ней общаться из-за её брата-бандита. Сейчас, слава Богу, его засадили надолго.

В это же время Дэвид задумался о том, что его дом уже маловат для них. Дороти будет учиться, у неё появятся друзья, она захочет приглашать их к себе... Он вспомнил, как долгие часы проводил с сестрой в библиотеке потому, что никого не могли пригласить к себе домой не из-за тесноты, по другой причине, но ощущение то же.

Он нашёл большой хороший дом с четырьмя спальнями, кабинетом, гостиной и огромной кухней, стоявший на склоне холма. Поэтому со стороны улицы это был большой высокий одноэтажный дом с бейсментом, а со стороны заднего двора дом был двухэтажным.

На нижнем этаже, кроме подсобных помещений для стирки, отопления и т.д., была однокомнатная студия с кухней, душем и туалетом. Там обосновалась счастливая Дороти.

Из её комнаты был отдельный выход на задний двор, где был старый сад, прекрасный в своей запущенности.

Мальчики росли дружными. Оба обожали Дэвида, были просто счастливы, когда он играл с ними. Возил их на плечах, все вместе они кувыркались на ковре, лепили что-то из пластилина... Он покупал им разные конструкторы, тренажёры. Оплатил частный детский сад, дополнительные кружки. Оба сдали экзамены и поступили в престижную школу. Занимались вместе, поэтому и отметки были одинаковые – самые высокие. С проявлениями расизма Джон не сталкивался – его охраняли и дружба с Натаном, и отличные отметки, достойное поведение, уровень культуры и начитанность. Высокий и красивый – на него даже белые девочки поглядывали.

Дороти получила диплом педагога, устроилась учителем в подготовительный класс. Но в её здоровье произошёл какой-то сбой, она начала сильно поправляться. Сначала Дэвид подумал, что из-за бедного полунищего детства она просто много ест, не может наесться. Сказать об этом, мол, кушай поменьше, а то ты толстеешь на глазах, абсолютно немыслимо. Невысокого роста, она постепенно превращалась в колобок. Пыталась сесть на диету, заниматься на тренажёрах, — ничего не помогало. К врачам обращаться не хотела. К тому времени, как мальчики сдали экзамены в самую лучшую high school Вашингтона, она была уже полной развалиной: диабет, ожирение, давление и ещё масса всяких сопутствующих проблем. Дома ничего делать не могла. Сидела в саду за домом без сил. Мама её приезжала через день, помогала во всём, смотрела за дочкой, за домом, за мальчиками.

Дэвид предлагал госпитализацию, но Дороти не хотела, её мама не особенно настаивала, надеялась на силу молитв. Дороти становилось всё хуже. На high school graduation — торжественное мероприятие по окончании школы — её уже везли на коляске. Когда вернулись домой, Дэвид решительно настоял на своём, и мальчики его поддержали, вызвали скорую, и Дороти отвезли в госпиталь. Дэвид пообещал ей заботиться о Джоне. Лежала она недолго.

Лето куда-то незаметно унеслось. Натан и Джон поступили в престижный Джорджтаунский университет. В сентябре на занятия в колледж Джон шёл уже сиротой.

Джорджтаунский университет

В эти годы Дэвид поменял работу. Ричард, его сосед по прежнему дому, сделал хорошую карьеру — работал в правительственных структурах, часто привлекал Дэвида как консультанта. Предлагал Дэвиду и его студентам по контракту какуюнибудь экономическую задачу для разработки. Оплата была достойная, все были довольны. Ричард давно звал его к себе, но раньше Дэвид не хотел переходить, так как работа была связана с командировками. Теперь дети выросли, и он решился. Тем более, что Ричард, понимая его положение, старался максимально сократить длительность поездок.

– Работа интересная, она мне очень нравится, – продолжал рассказывать Дэвид. – Когда нашему правительству надо принять какое-то решение в отношении другой страны, важно знать её финансовое состояние, экономические связи с другими регионами, её долги, внутреннюю финансовую политику, степень свободы бизнеса, перспективы развития и т.д. Для этого есть специалисты, которые собирают и систематизируют всю эту информацию, и я один из них. Иногда мы работаем в кабинете – собираем информацию по газетам, состоянию stock market или по финансовым отчетам. Иногда едем в ту страну как бы неофициально как журналисты и собираем информацию на низком, социально-бытовом уровне, иногда – как частные бизнесмены, зондируем возможности открыть новый или купить существующий бизнес. Тогда мы можем что-то понять на среднем экономическом уровне. Потом уже едут высокие правительственные чиновники с советниками, и наконец, вся информация обрабатывается и кладётся на стол сенату или президенту. *I am financial adviser* правительства.

Мила слушала Дэвида с большим интересом.

Несколько раз останавливались заправить машину, поесть, размять ноги. Начало темнеть. И тут Дэвид заехал на большую плазу и припарковался у гостиницы. Мила внутренне напряглась: что делать? как себя вести?

Дэвид слегка коснулся её плеча:

– Не волнуйтесь, Милочка, всё будет хорошо. Идемте.

«Неужели по мне видно, что я волнуюсь? Может, он, как Женя, читает мои мысли?» Она послушно вышла из машины и пошла за Дэвидом.

«Никаких романтических связей в поездке не будет...Ничего плохого не случится.» Может, Женя ошибся? А может, он вкладывал во фразу «Ничего плохого не случится» другой смысл? Что, по его мнению, плохое, а что хорошее?

- Два одноместных номера, протянул Дэвид свои водительские права и кредитную карточку.
 - Рядом?

- Не имеет значения.

Когда они расположились, каждый в своём номере, Дэвид позвонил:

- Может, спустимся в ресторан?
- Я думаю, не стоит. Завтра рано вставать, надо хорошо отдохнуть. Тем более, вы весь день были за рулём.
 - Ладно, спокойной ночи. Завтра в 8-8:30 за завтраком?
 - Да, конечно. Спокойной ночи.

Мила легла, но заснуть никак не могла. Хотела позвонить Мариэлле, но не позвонила. Во-первых, уже поздно, а во-вторых, о чём говорить? Мариэлла обязательно спросит, понравился ли ей этот «чувак», начнёт расспрашивать подробности, а что Мила может ответить?..

Мила видит в нём просто хорошего, порядочного человека, спокойного и заботливого отца. Хорошего человека, а не привлекательного мужчину. Как бы это понятней объяснить?.. Долго лежала Мила, пока, наконец, заснула.

И снился ей яркий, красочный сон. Она, Мила, пионерка лет одиннадцати, стоит на трибуне мавзолея. Сзади неё стоят члены правительства, которых Мила не видит, но чувствует за спиной и ощущает их величину и значимость. Внизу проходят демонстранты, кричат приветствия и машут ей, Миле, руками и цветами. Музыка, похожая на звон колокольчиков. Потом пошли пионеры. Ну прямо, как в сказке о Мальчише-Кибальчише: «Пролетают лётчики — привет Мальчишу! Пробегут паровозы — привет Мальчишу! А пройдут пионеры — салют Мальчишу!» И начали пионеры бить в барабаны: «Трам-там-там. Трам-там-там». Так громко и настойчиво, что Миле стало немного тревожно. И тут она услышала своё имя: «Мила, Мила!»

Мгновенно вынырнув из сна, она рывком села на кровати, прижав коленки и одеяло к груди.

Перед кроватью стояли Дэвид и горничная.

- В чём дело? Что случилось?
- *O my God!* Вы так крепко спите... В 8 утра я позвонил в номер, но никто не поднял трубку, я подумал, что вы в душе. Через некоторое время позвонил ещё раз. Потом стучал в дверь, позвал горничную, мы стучали вместе. Я очень испугался и попросил её открыть дверь.
- Простите, я доставила вам столько беспокойств... Мне снились барабаны... Я соберусь быстро и через 10 минут буду внизу.

Интересно, что означает этот удивительный сон? Мила никогда не была тщеславной, не хотела быть на виду, образно говоря, на трибуне... Почему же такое воодушевление она чувствовала во сне? Странно...

Проехали обе Каролины, Южную и Северную, въехали в Вирджинию. Через час пути Дэвид сказал, что хочет заехать навестить отца, который живёт в этом штате, в часе-полутора езды от Вашингтона.

– Это не займёт много времени. Как раз совместим визит к папе, поздний ланч и ранний обед.

Дэвид позвонил отцу. Папа жил в таком же, как у Сэма, кооперативном комплексе для пожилых обеспеченных старичков в прекрасных условиях, при хорошем обслуживании. Дэвид заехал в главные ворота и тут же свернул на боковые улочки, ехал какими-то задами до самого папиного домика. Мила ничего не сказала, но ей показалось, что было бы проще доехать по главной дороге. «Может, он не хочет с кем-то столкнуться?..»

– Мила, минуточку, я сейчас вернусь.

Через несколько минут Дэвид пригласил Милу в дом, познакомил с отцом. Дэвид был очень похож на отца. Сразу видно, каким он станет лет через двадцать пять...

Миле понравился домик, маленький и уютный. Комнаты чистые, светлые. На стене она заметила пятно чуть темнее цвета стены. Наверное, там висела какая-то картина или портрет, который недавно сняли.

Они выехали за пределы комплекса, заглянули в кафе пообедать, Дэвид рассказал папе все новости.

- Папа, ты знаешь, что такое абсанс.
- Помню, проходили в колледже. Это бессудорожная эпилепсия, но подробно я не изучал. И. уже обращаясь к Миле. объяснил:
- Я начал учиться в колледже как раз, когда началась Вторая мировая война. Все мы, студенты, были в подвешенном состоянии. Нас могли в любой момент призвать в армию, но с другой стороны, нужны были доктора, и из нас лепили врачей на скорую руку. Из меня вылепили скороспелого ортопеда и даже хирурга, чему я очень сопротивлялся. Немного поработал по специальности, но после войны пошёл снова учиться и стал гастроэнтерологом, так как считаю желудок и кишечник главные органы, ответственные за общее состояние человека и продолжительность его жизни. Так что насчёт абсанса не могу сказать ничего конкретного, но за последние годы фармакопея заметно продвинулась, и если эта дама говорит, что в Европе есть лекарства, то мы их обязательно достанем. А если хочешь, повернулся он к Дэвиду, то отвезём Натана туда на консультацию.

Есть люди, которые стремятся выделиться и любым способом вызвать к себе интерес. Они часто перебивают говорящего, чтобы слушали только их, причудливо наряжаются, красят волосы в немыслимые цвета или носят прически типа «петушиный гребень» — короче, всё, лишь бы быть в центре. Их энергетика подпитывается вниманием людей. Не важно, как смотрят — одобрительно или осуждающе, сочувственно или нет — лишь бы смотрели, ведь всеобщее внимание — это их наркотик.

Среди них много нудистов. Это самый эксцентричный и действенный метод привлечь к себе внимание – выйти на люди без одежды.

А есть нудисты другого сорта, которых просто стесняет одежда, она им мешает, сковывает. Без одежды они чувствуют свободу на уровне тела, на уровне физиологии. Они понимают, что социум их не одобряет, и не хотят никого шокировать. Пришли домой с работы, заперлись изнутри, разделись и наслаждаются обнаженной свободой. Тело дышит, ничего не стесняет, не давит...

Папа Дэвида был успешным доктором, женился. Жена сначала была смущена его странностью – ходить дома обнаженным, но постепенно привыкла и присоединилась к мужу. Она училась на медсестру, так что как медика её не удивишь обнаженным телом. С рождением детей отложила занятия в колледже на более удобное время.

Окна у них обычно были плотно завешаны. Около двери висели два банных халата. Если кто-то звонил в дверь, то они надевали халат, потом открывали дверь.

Родилась дочка Нэнси, через два года Дэвид. Брат с сестрой нежно любили друг друга. Дэвид слушался сестру во всем, а она делилась с ним как с подружкой. Дети подросли и на семейном совете решили, что Нэнси пойдет в подготовительную группу, Дэвид к частной бэбиситорше, а мама пойдет сдавать отложенные после замужества и рождения детей экзамены на медсестру.

Через год Нэнси пошла в школу, училась лучше всех в классе, вела себя тихо и скромно, в лидеры не стремилась, постепенно обзавелась подружками.

Взрослым читателям, которые сами не учились в американской школе, или у кого не было детей школьного возраста, надо объяснить такое явление как **sleepover** (дословно это слово переводится «переспать», но совсем не в том смысле, как вы подумали). Дружат, к примеру, две девочки, и родители знакомы друг с другом. После школы вместе занимаются то у одной из них, то у другой. Но этого им мало.

Девчонки никак не наговорятся. Одна девочка приглашает подружку к себе на sleepover, то есть переночевать. Та приходит обычно в середине субботы с учебниками, ночной пижамой и зубной щеткой. Девочки занимаются, играют, секретничают в своей комнате. Одним словом, гостья проводит сутки в доме подружки. Мы к такому времяпрепровождению детей, особенно девочек, не привыкли, но здесь, в маленьких городках, где все знают друг друга, это считается обычной и даже педагогически одобренной практикой. Ребенок смотрит, как живет другая семья. Как встречают папу с работы, бегут поднести ему тапочки или равнодушно махнут рукой: «Hi,dad».Они видят, как в другой семье помогают маме накрыть на стол, садятся все вместе обедать или каждый, когда захочет, перехватывает на ходу. После обеда убирают – моют посуду, выносят мусор – по очереди, или за каждым закреплены обязанности. При этом гостья не сидит на диване, а помогает подружке, т.е. если её очередь мыть посуду и выносить мусор, выполняют эти домашние обязанности вдвоем. Потом они уходят в свою комнату, болтают, сплетничают, красят друг другу ногти, засыпают за полночь. Обычно это популярно у тинэджеров десяти-четырнадцати лет.

В воскресенье гостья уходит домой и приглашает подружку к себе на **sleepover**, на следующий **weekend**. Ребенок обращает внимание на поведение членов другой семьи, нравятся ли ему некоторые детали их жизни, установленный семейный ритуал, что бы они хотели перенять для своей семьи сейчас и в будущем.

Нэнси дружила с двумя девочками. Когда её пригласили на **sleepover**, ей пришлось отказаться.

И это было сильной психологической раной для нежной, чувствительной души. Она рыдала, запершись в своей комнате, так как не могла пойти ни к кому на ночь, потому что не могла пригласить никого к себе... Дэвид метался по дому, не знал, как утешить сестру. Мама успокаивала дочку, как могла. Обещала, что уговорит папу быть в день визита подружки одетым или сидеть в своем кабинете и не выходить оттуда. «Нет, он не сможет, забудет о договоре, выйдет из кабинета, задумавшись о чем-то. Если кто-то увидит, меня засмеют, затравят. Я этого не переживу.»

Как раз в этот день за обедом папа с воодушевлением рассказывал, что, наконец, узнал подробности об открытом несколько лет назад во Франции на одном из нудистских пляжей кемпинга натуристов Centre Helio-Marine. Уже записался туда и оплатил задаток. Летом они едут во Францию! Он ожидал радостную реакцию на эту новость, но грустная Нэнси тихо сказала: «Я раздетая ходить не буду». И вышла изза стола.

После школы Дэвид с сестрой шли в библиотеку, занимались там. Домой приходили поздно, никого к себе не приглашали. Через много лет он вспомнил это чувство обделенности, разговаривая с Дороти, которая делилась с ним своими проблемами в школьные годы. Как он понимал ее!

_____38_____38_____

Общеизвестно, что после войн, пандемий и других мировых катаклизмов происходит скачок рождаемости. Мировое сообщество впрыскивает в народонаселение сразу большое количество детей. И через пятнадцать-двадцать пять лет эти «детки» все одновременно вступают в социум мощной силой. Иногда ими умело манипулируют (что имело место в Китае с хунвейбинами). Иногда они сами, поглядывая на сверстников других стран, балдеют от воздуха свободы. Как было в Советском Союзе, когда «оттепель» вытолкнула 60-десятников и 70-десятников в искусство, литературу, бардовскую песню. А здесь, в Америке, молодежь взбунтовалась против мещанства, лицемерия, скучной однообразной рутины жизни. От новых возможностей (выпивка, наркотики, контрацептивы, сексуальная революция, геи, лесбиянки,

трансвеститы) крыша поехала. Это были нигилисты-хиппи, с движением которых связана и популяризация нудизма.

Люди перестали стесняться своей индивидуальности и начали искать себе подобных для общения и поддержки. Создавались общества геев, лесбиянок, трансвеститов. Нудисты не отставали. В Европе их было много, особенно в теплых районах на Средиземноморском побережье.

Общество натуристов объединяло нудистов, вегетарианцев, веганов и всех, ратующих за возврат к природе. Среди натуристов было много работающих и образованных людей, почти не было наркоманов, преступлений, насилия. Обычно в лагерях, где они собирались, существовали строгие правила поведения, волонтеры следили за порядком.

#--#--#

С незапамятных времен на побережье Аквитании (юго-запад Франции) купались в обнаженном виде. В 1936 году во Франции был введен оплачиваемый ежегодный отпуск. Люди начали путешествовать, и предприимчивые братья Кристиан и Альберт Лекок из Арраса придумали объединить натуризм и путешествия. В начале 50-х они взяли в аренду 59 акров сгоревшего леса, построили деревянные бунгало для натуристов-нудистов, создали «Центр отдыха». К услугам отдыхающих были пляж, торговый центр, спортивные площадки, продуктовые магазины, рестораны, дискотека, бассейны, в том числе — термальный, кинотеатр, культурный центр с многоязычной библиотекой (до 16000 томов) — не слабо... Кемп в Менталивет существует и сейчас.

#==#==#

Шли годы, хиппи, не торопясь, взрослели. Кто-то умирал от наркоты, кого-то родителям удавалось вырвать из болота, кому-то самому становилось там скучно.

О натуристах мало писали, да и сейчас пишут редко (о чем писать, если нет никаких криминальных историй). Так мы бы и не знали о лагерях отдыха для натуристов, если бы Диана Арбус не оставила нам свидетельства того странного времени.

Назовите любому американцу пенсионного возраста имя Дианы Арбус, он радостно воскликнет: «Да, да, я знаю ее. Это знаменитая женщина-фотограф».

Родилась Диана Арбус в семье еврейского эмигранта из России — Немеровского. Разбогатев, глава семьи укоротил фамилию до Немеров. Долго под этой фамилией юная Диана не жила, в 1941 году восемнадцатилетняя Диана Немеров против воли родителей вышла замуж за Аллана Арбуса. Оба стали успешными фотографами, и их совместные фотоработы украшали все самые знаменитые газеты и журналы Америки. В 1957 году они прекратили совместную деятельность. Каждый пошел своим путем. Диана снимала инвалидов, геев, нудистов, лесбиянок, транвеститов, людей с заболеванием Дауна, с психическими отклонениями. Снимки Дианы Арбус казались слишком выходящими за рамки общепринятого, но музеи (Музей Гуггенхайма, например) проявляли интерес к её фотографиям. За 11 лет было опубликовано более 250 журнальных и 70 газетных снимков. Иногда Диана работала и над текстами статей. Она получала премии от Американского общества журнальных фотографов.

Летом 1971 года Диана Арбус покончила с собой. О ней можно почитать статью Михаила Лемхина в журнале «Чайка» #6(17) от 26 марта 2004 г. или на сайте «Очевидец» (http://www.ochevidets.ru/blog/553/), или посмотреть фильм «Мех: Воображаемый портрет Дианы Арбус» (2006г)

#==#==#

Я решила рассказать о Диане Арбус совсем не потому, что она моя однофамилица, а потому, что историю молодежных движений 60-х годов в Америке можно

изучать по её снимкам. Несколько раз она была в летних лагерях натуристов. Познакомилась со многими семьями, подружилась с родителями Дэвида. Её фотографии оставляют шокирующее впечатление. Вот стоит немолодая пара нудистов, держатся за руки и спокойно смотрят в объектив, не стесняясь своего старческого тела. Другая пара в своей квартире — она на диване, он напротив, в кресле. А вот пара нудистов с ребенком на траве в лагере. Подросток прикрыт пледом. Видимо, не желает быть нудистом (как Нэнси с Дэвидом). Фотографировала она нудистов много, но не все разрешали публиковать эти снимки. Поэтому фото родителей Дэвида в лагере нет в издаваемых альбомах: эту фотографию Диана подарила им на память.

На одном из её известных снимках «Трансвестит в свой день рождения» поперек кровати, опершись на согнутую руку, полулежит пухленькая «женщина» в кружевной рубашке. Перед ней на этой же кровати лежит торт, возможно, принесенный фотографом — самой Дианой. Женщина на снимке улыбается — день рождения все-таки, но никакой радости не ощущается. Горькое одиночество... Кому она нужна? Кому он нужен? Как эта перемена пола была забавна в молодости... А что сейчас?

«Диана Арбус, как мало кто из её современников, сумела запечатлеть боль и ужас человеческого существования». (Михаил Лемхин)

Теперь понятно, почему Дэвид оставил Милу в машине перед тем, как пригласить её в дом отца, – он поспешил снять фото в большой рамке и спрятал за диваном. Мила обратила внимание на пятно на стене, но так ничего и не узнала.

А ехал он по боковой улочке, чтобы невзначай не встретить кого-нибудь из живущих в этом же комплексе друзей отца — нудистов. Отец последние годы по-стариковски мерз и редко ходил обнаженный.

#==#==#

Наконец Нэнси выросла и уехала в колледж. Писала Дэвиду подробные письма. Нравы в кампусе были весьма вольные в соответствии с веянием времени. На зимние каникулы Нэнси приехала грустная, старалась это никому не показывать, но от Дэвида не смогла ничего скрыть. В последний день он все-таки добился от неё признания, что у неё появился бойфренд.

- Брось его, он негодяй, сказал Дэвид.
- Почему ты так говоришь? Ты же не знаешь его. Ревнуешь?
- Не ревную, просто вижу, что ты не выглядишь счастливой.

Сестра уехала. Письма от неё становились все грустнее.

К окончанию второго семестра Дэвид поехал навестить сестру, не предупредив, решил явиться сюрпризом, но не успел.

Доверчивая, искренняя, чистая девушка не была готова к сексуальной революции, расцветающей в кампусе ярким пламенем. Она забеременела. Эта новость оставила её парня абсолютно равнодушным: «Надо было раньше думать. Это не мои проблемы. Избавься как-нибудь».

Плакала, не могла заснуть. Потом взяла у подружки из тумбочки снотворные таблетки, решила выпить одну, но, находясь в каком-то сомнамбулическом состоянии, не очень соображая, проглотила все...

Горе это заметно подкосило семью. Дэвид тогда даже постарел, что было удивительно для парня семнадцати-восемнадцати лет, у него появились седина и глубокая морщина между бровями... Мама сильно переживала, не могла простить себе, что не сумела стать подружкой дочке, не было у них душевной близости, откровенных разговоров...

Через год она заболела – онкология. После этого отец переехал в маленький домик нового комплекса. Он был очень сдержан в проявлении своих чувств, но Дэвид понимал, как тот переживает, и жалел отца.

После обеда отвезли папу домой и поехали дальше. До пригорода Вашингтона ехали молча — Дэвид о чем-то, видимо, серьёзно размышлял, Мила не хотела ему мешать

Свернули с главной дороги и заехали в прекрасный парк, в центре которого находилась клиника. Дэвид ушел в офис клиники, а Мила, оставшись одна, позвонила Мариэлле и коротко рассказала, что она уже больше суток, как уехала из Флориды, ключ, как обычно, у дядюшки Сэма, свет выключен, холодильник чист. И едет она с Дэвидом в Вашингтон встречать на автобусной станции Ревекку Ивановну.

- Я просто *speechless*. Милка, я тебя не узнаю. Могла бы дать голову на отсечение, что ты никогда не пойдёшь на подобную авантюру. Что с тобой случилось? А как ты... ну как ты с этим Дэвидом? Мариэлла никак не могла сформулировать вопрос.
- Да никак, не болтай глупости. Всё, больше говорить не могу. Они уже идут. Она быстро пересела на заднее сиденье, чтобы Натан сел впереди рядом с отцом. Натан оказался очень симпатичным молодым человеком, настолько похожим на Дэвида, что сразу стало видно, каким Дэвид был в молодости.

«Какой он, оказывается, красивый», – подумала Мила, сама не сознавая, кого она имеет в виду – сына или папу. И впервые Мила взглянула на Дэвида оценивающим взглядом. Лицо простое, обыкновенное, прямо сказать, ничем не примечательное, а сын просто красавец и в то же время так похож на отца! Удивительная игра генов. Но может, это не гены, а время так меняет человека. Почему так изменчива человеческая плоть, так слаба перед быстротекущим временем? Мила вытащила пудреницу и посмотрела на себя в маленькое зеркальце. Смотреть было не обязательно, она и так помнила своё лицо, видя себя в зеркале по нескольку раз в день.Морщин, вроде, нет, лицо гладкое, несколько веснушек его не портят, но всё равно тридцать лет назад оно было другое – изменились именно черты лица. Вот оно объяснение – время меняет черты лица. Меняются со временем не только люди, меняются даже неодушевлённые предметы. Например, стареет мебель – выгорает цвет, трескается поверхность, появляются царапины. Ничего изменить нельзя, надо просто жить сегодняшним днём. Да... истина не слишком новая, но тем не менее справедливая. «Что же, буду жить сегодняшним днём, – подумала Мила, удобно развалясь на заднем сиденье и поглядывая в окно, – если смогу».

Дом Дэвида был большой, красивый, удобно спланированный. Он провёл «экскурсию», как выразился Натан, показал Миле все комнаты, и гостевую спальню, и нижний этаж, где будет располагаться мадам Ревекка. В одной стороне от гостиной были кабинет Дэвида и главная спальня с большой ванной комнатой. С другой – три небольшие спальни. Одна была гостевая со своим душем и туалетом. Дэвид отнёс чемоданчик Милы в эту комнату:

– Надеюсь, вам здесь будет удобно.

Две другие спальни были смежные, имели одну маленькую ванную комнату. Раньше там жили мальчики, а теперь комната Джона пустовала.

Два дня они, следуя плану Дэвида, ездили по городу, гуляли в парках. Посетили малознакомую туристам галерею, в которой выставлена собранная Артуром М. Сэклером коллекция предметов искусства из китайского нефрита, иранского серебра, сирийской бронзы. Потрясающие индийские скульптуры, персидские манускрипты, японские вазы и другие предметы, созданные народами Азии.

Фотографии из альбома Милочки

Мила не знала, кем был Артур М.Сэклер. Немного стыдно. Но что делать, она не может знать всех знаменитых людей Америки. А. М. Сэклер умер в возрасте семидесяти четырёх лет за год до приезда Милы в Америку. Зато теперь она знает о нём.

#==#==#

Доктор медицины Артур Митчелл Сэклер (1913-1987) — американский психиатр, предприниматель и филантроп. Он начал издание еженедельной медицинской газеты «Medical Tribune». Основал немало медицинских учреждений, которые сейчас, по справедливости, носят его имя. Был также щедрым филантропом. Подаренные им произведения искусства хранятся сейчас во многих музеях в Нью-Йорке, Принстоне, Кембридже (Массачусетс), Пекине, Вашингтоне и Лондоне.

#==#==#

Мила была довольна. Отпуск проходил интересно, с пользой, единственное, чего она лишилась – это бассейна, но зато получила интересные прогулки по столице.

Наступила пятница. После завтрака поехали встречать Ревекку Ивановну. Поехали рано: найти паркинг около Капитолия не так просто. *Union Station* – внушительное сооружение – и железнодорожный, и автовокзал. Громадный, наверное, более помпезный, чем *Grand Central terminal* в Нью Йорке на 42-й, с огромными залами, фонтаном, кинотеатром, большим фешенебельным рестораном и многочисленными кафешками всех кухонь мира.

Об этой станции Дэвид рассказывал Миле, а рассказчик он был отменный.

#==#==#

Станция Вашингтон Юнион была открыта в 1907-1908гг. Этот один из первых крупных железнодорожных терминалов в стране создал архитектор Даниэль Бернем.

Время и тогда уже экономили, поэтому такой большой вокзал в столице потребовался, чтобы бизнесмены могли встретиться друг с другом для заключения сделок прямо на вокзале, в кабинете хорошего ресторана — всё обговорить, подписать нужные бумаги, вместе пообедать, и вечером того же дня уехать.

Во время своего расцвета в начале 1940-х годов Union Station обслуживала до 42 000 пассажиров ежедневно! После 1945 года условия стали быстро меняться — перевозки людей и грузов на автомобилях стали дешевле, а на самолетах — быстрее, доходы железнодорожных компаний падали. Здание ветшало.

В 1964 году округ Колумбия объявил здание исторической достопримечательностью, а в 1969 году оно было включено в Национальный реестр исторических мест. Колумбус Плаза перед вокзалом была указана в этом реестре только в 1980 году.

Самая большая беда случилась в 1981 году, когда от сильнейшего ливня обвалилась часть потолка в главном зале ожидания. Большую часть здания пришлось закрыть...

#==#==#

– Только к 1988 году строительные компании – специально постарались к твоему приезду, – с улыбкой закончил Дэвид, – завершили реставрацию, и станция возобновила работу.

Наконец подъехал автобус. Натан держал табличку с именем. Мила попросила его пока убрать табличку.

– Постараюсь сама узнать её.

Выходящие из автобуса люди сразу направлялись к своему багажу. И вот вышла женщина, которая ещё на ступеньках внимательно оглядела стоящих в стороне людей, увидела двух мужчин и женщину — в таком составе её и должны встречать — улыбнулась Миле и приветственно помахала рукой.

Мила тоже сразу признала в Ревекке бакинку. Как и почему? Трудно объяснить, по каким признакам мы иногда узнаём земляков...

Ревекка была невысокого роста, средней комплекции, подвижная и коммуникабельная. Дэвид вручил ей мобильный телефон. Она тут же позвонила мне. Рассказала, что доехала хорошо, встретили, мол, не волнуйся. Мила тоже коротко поговорила со мной.

По дороге Ревекка рассказывала о себе, задавала вопросы, перескакивала с одной темы на другую. Поинтересовалась, есть ли у них кошка или собака.

– Нет? Надо обязательно приобрести. Маленькую кошечку, котёнка-девочку и собаку чау-чау или щенка лабрадора, тоже девочку. Совсем маленьких – они будут расти вместе и подружатся. И ни в коем случае не кастрированных. А есть ли у вас конюшни, где дают напрокат покататься на лошадях?

- Найдём, *по problem*. А зачем?
- Определенные животные(кошки, некоторые породы собак, дельфины и лошади) обладают не изученными ещё способностями лечить людей, но практический опыт накоплен большой.
- Подождите, я что-то не совсем понял, вы рекомендуете посадить Натана на лошадь? А если в этот момент случится приступ, и он свалится на землю?..
- В случае необходимости всадника иногда даже привязывают к лошади. Но я же не собираюсь завтра ехать на ипподром. Я просто пока спросила. Да и я всё время буду рядом.
 - А вы тоже залезете на лошадь? чуть улыбнулся Дэвид.
- Да, если будет нужно, залезу, спокойно ответила Ревекка, я занималась конным спортом в юности. Были хорошие результаты по выездке, но мой тренер попытался заняться со мной конкуром и троеборьем. Мама испугалась и запретила. Понимаете, мой папа был военным, он очень хотел сына, но родилась я. Пришлось принять действительность такой, какая есть. Но воспитывал меня папа как мальчика, то есть не плакать! не скулить! не ныть! Первым делом научил меня плавать и ездить на велосипеде. Следующим воспитательным моментом был ипподром. Он сам очень любил лошадей... Потом он научил меня водить машину.
- Вы водите машину? Какая удача.
 Эта новость весьма обрадовала Дэвида.
 Натан будет сидеть рядом, указывать направление и будет в безопасности.
- Не представляю себе, не выдержала Мила, в Баку отпускать девочку на ипподром, где одни мужики...
- Во-первых, руководителем секции был папин хороший приятель, во-вторых, в секцию ходили ещё две девочки, а в-третьих, меня всегда сопровождал мой друг и верный рыцарь. Последние слова Ревекка сказала так печально, что Мила поняла этой темы касаться не следует.

Недели мчались за неделями. Ревекка Ивановна ездила с Натаном к высококвалифицированным специалистам, и после того, как абсолютно уверенно все нейрохирурги и нейроспециалисты отвергли диагноз *опухоль мозга*, она попросила Дэвида собрать консилиум.

Несколько знаменитых профессоров (один из них был также специалистом по гомеопатии), и сам Дэвид, и его папа (не нейроспециалист, но все-таки доктор), и мадам Ревекка, рассмотрев все тесты и обсудив все возможные варианты лечения, решили обратиться к гомеопатии, которая здесь, в Америке, да и во всём мире тоже, находится на положении бедной Золушки.

#==#==#

Отношение к гомеопатии в некоторые периоды улучшалось, но официальная медицина была очень строга к ней, несмотря на верных поклонников.

К концу XIX века, благодаря активной деятельности гомеопата Уильяма Берике, каждый город США с населением больше 50 000 человек обязательно имел гомеопатическую больницу. В 1890 году действовали 93 медицинских образовательных школы, 14 из них были чисто гомеопатические и 8 — общей специализации. К 1900 году действовали уже 121 медицинское образовательное учреждение, из них 22 были чисто гомеопатическими школами и 10 — совместными. В 1900 году было более 100 гомеопатических больниц, более 60 гомеопатических сиротских приютов и домов престарелых и более 1000 гомеопатических аптек.

В настоящее время интерес к гомеопатии сильно упал.

#==#==#

В центре Вашингтона стоит красивый памятник отцу гомеопатии.

Христиан Фридрих Самуэль Ганеман (1755 -1843)

В доме постоянно звучала музыка Моцарта. А музыка эта (особенно соната К 448) непонятным мистическим образом облегчает состояние больных при ряде серьезных заболеваний, среди которых есть и эпилепсия. Звуки сонат Моцарта способны уменьшить количество эпилептических припадков.

Постепенно, благодаря лечению, приступы у Натана становились реже, слабее и, что очень важно, он уже предчувствовал наступление приступа за несколько секунд и мог быстро сориентироваться — найти стул или безопасный уголок, чтобы не грохнуться с размаху на месте. Тогда он восстановился в колледже, куда возила его Ревекка — его личный шофёр. А сама она тем временем шла в библиотеку, где и ждала его до конца занятий.

Иногда по вечерам Джон со своей девушкой забирали Натана погулять на берег Потомака.

Виделись Мила с Дэвидом почти каждый выходной. Чаще всего Дэвид приезжал в Нью-Йорк, они прекрасно проводили время: музеи, Центральный парк, Бродвейские шоу, опера... Вечером привозил Милу домой, нежно целовал руку, но «на чашечку кофе» по-прежнему не напрашивался. Может, ждал приглашения?

Мила чувствовала, что нравится Дэвиду.

Изредка по пятницам после работы Мила садилась в междугородный рейсовый автобус, а Дэвид встречал её в Вашингтоне на Union Station, ставшей такой знакомой. Она уже обжила «свою» гостевую спальню. Привозила Ривочке русские газеты.

Иногда Дэвид приглашал обеих дам в театр или на какой-нибудь концерт, тогда Натана опекали Джон и его подруга. Но чаще всего они все вместе чаёвничали на кухне. Ревекка рассказывала о себе, о том, как папа растил её, приучал к технике, спорту.

Она занималась конным спортом, фехтованием, большим теннисом.

- В чемпионы я не стремилась, просто махала и рапирой, и ракеткой для собственного удовольствия, поэтому меня тренеры критиковали как не перспективную. Я обиделась и ушла из всех секций, кроме шахмат.
- Как, вы еще и в шахматы играете? Как же мне повезло! воскликнул молчавший до сих пор Натан. У нас в колледже в библиотеке работает мистер Гленн прекрасный шахматист. Я часто играл с ним раньше.

Натан начал играть с Ревеккой и убедился, что победить её не так просто... Через некоторое время он познакомил её с мистером Гленном, который заведовал

библиотекой в колледже и с которым она с удовольствием сражалась в шахматы, пока Натан был на занятиях.

Мила и Мариэлла были близкими подругами, но привыкли не лезть в душу слишком назойливо. На каждое движение души нужно время, эмоции должны созреть прежде чем выплеснуться подруге в жилетку.

Мариэлла искренне беспокоилась за подругу, как за младшую сестрёнку — наивную, доверчивую, избалованную — ведь раньше жизнь никогда не хлестала её так больно по сердцу. Да и ситуация слишком нестандартная — дружба между мужчиной и женщиной, между американцем и «русской», между высокопоставленным чиновником и простым социальным работником — попросту клерком, между очень богатым человеком и весьма скромной женщиной... Поэтому Мариэлла позволила себе осторожно спросить Милу о развитии её отношений с Дэвидом — не захочет, так не расскажет. Мила как раз ничего не скрывала просто потому, что скрывать было нечего. Отношения были самые тёплые и внимательные, полные заботы со стороны Дэвида и такие же платонические.

- Ничего не пойму, кто из вас более пассивный, безынициативный? Неужели ты не можешь спровоцировать его на какой-то поступок? В конце концов, сколько можно тянуть? А может, он слишком... старый?..
- Не переживай за меня. Во-первых, мне и так хорошо, поверь, я говорю искренне. Он так красиво ухаживает и ничего не просит взамен. Так хорошо мне никогда не было, мне больше ничего не надо, пусть всё идёт своим чередом, как должно быть, так и будет. Мне нужно больше времени...

Мила боялась слишком близких отношений. Любые теплые отношения с мужчиной: дружеские, душевные, родственные, единство взглядов, образа мыслей и т.д. – были понятны. Но физическая близость с кем-то другим кроме Миши... Нет, до этого она еще просто не созрела...

– Мне нужно больше времени... Я понимаю, я несовременная, но мне и так хорошо в моей старомодности.

Мариэлла решила об этом больше не говорить, только очень внимательно приглядывалась к Миле после её встреч с Дэвидом, надеясь заметить какие-то изменения. Но как-то она не выдержала, опять вернулась к этому вопросу:

- Милочка, прости, что я опять возвращаюсь к этой теме, но мне кажется, я знаю, почему Дэвид так тянет и почему он так осторожен.
- Пожалуйста, я тебя очень прошу, не дави на меня. Меня всё устраивает, во всяком случае, пока. Я не тороплюсь
- Я тебя ни в коем случае не тороплю, просто обдумываю ситуацию. Ты всё-таки выслушай мои соображения.
 - Hy.
- Дэвид не простой финансист, банкир или преподаватель в колледже. Он работает на правительство. У всех работников его ранга есть уровень секретности. «Допуск», как у нас говорили. И все работники, имеющие «допуск», находятся как бы под колпаком. Их тщательно проверяют, возможно, отслеживают их связи, знакомых, друзей и girlfriends. Теперь посмотри на всю ситуацию с точки зрения «первого отдела», говоря по-русски. Они, вероятно, уже давно следят за тобой. Поехал усталый Дэвид во Флориду, тут через день приезжает симпатичная разведённая дамочка, охмуряет его. Мата Хари... Для конспирации не влезает сразу в его дом, а хитро подсовывает свою землячку, тоже совершенно кстати оказавшуюся под рукой.
- А зачем я всё это, по их мнению, делаю? Я же ничего не смыслю в экономике, спросила растерявшаяся Мила.
- Трудно сказать, я же всё-таки не «первый отдел». Может, чтобы определить интересы Америки. Например, некоторые страны пытаются внедрить своё экономи-

ческое влияние в какой-то регион в Африке. Кто какой страной интересуется? Вот ты узнала, что Дэвид едет в командировку, скажем, в Конго и доложила это в КГБ. Вот и вся информация, после которой определенные службы в России смогут предположить, что у США есть интересы в Конго.

Мила сидела ошарашенная.

- За эти два месяца он был в двух коротких командировках, я даже не спросила, куда он летал. Он не сказал, а я не спросила.
- Молодец, умница. Милочка, да не переживай ты так. Я это всё говорю в качестве предположения. Просто мне очень странно. По американским понятиям, он слишком долго не предпринимает никаких шагов для сближения. Я просто перебираю разные причины. Может так, а может нет...

Стремительно приближался конец тысячелетия.

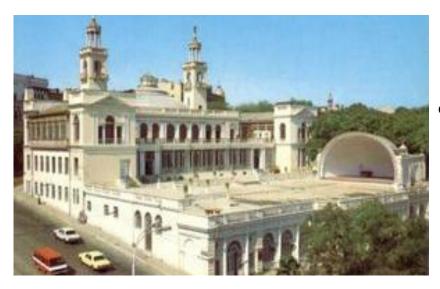
В пятницу после работы Дэвид заехал за Милочкой. Они уложили в багажник две сумки и «ну, с Богом» поехали. Обычно во время этих поездок Милочка рассказывала о том, как провела неделю, Дэвид тоже рассказывал о разных новостях, но, в основном, не о себе. В этот раз у Милочки на коленях лежала книга.

– Дэвид, голубчик, извини, пожалуйста, я хочу дочитать эту книгу, мне осталось всего несколько страниц.

Дэвид понимающе улыбнулся, и они ехали молча. Иногда Дэвид, скосив глаза, поглядывал на Милу и на книгу. Сначала была проза, потом он увидел стихи. Через полчаса Милочка, мягко улыбаясь, захлопнула книгу. Помолчали. Наконец, Дэвид не выдержал:

- Вижу, книга очень интересная, ты все еще под её впечатлением.
- Мила молчала.
- Ты любишь стихи? спросил он.
- Да, очень.

Мила очень любила, понимала и ценила поэзию, еще со школы переписывала в тетрадку полюбившиеся стихи, бегала с подружками на все поэтические вечера. В конце 60-х в Баку приехал Евтушенко, молодёжь штурмом брала летнюю сцену филармонии, где он выступал.

Баку. Здание филармонии

Милочке удалось попасть на его концерт. И позже, будучи уже замужем и преподавателем в школе, Милочка ходила со своими старшеклассниками на лекции

о декадентах и символистах и так же переписывала в толстую тетрадку мелким почерком прекрасные стихи (тетрадок собралось пять или шесть).

Миша не то чтобы не любил стихи, просто ему было достаточно, если Мила читала ему иногда тихо и выразительно, с чувством и почему-то с грустью любимые стихи. Одного или двух стихотворений, особенно в Милочкином исполнении, было для него вполне достаточно. Он не возражал против её увлечения и походов на поэтические вечера.

Когда Милочке было грустно или если что-то не ладилось, если воспоминания о бабушке или о рано ушедшем папе, нахлынув, теребили душу, Мила доставала заветные тетради и поздно вечером, когда все ложились спать, оставшись одна на кухне, читала самые печальные стихи; слезы смывали её грусть, и душу обволакивала благодать, как после искренней молитвы.

О, как много чужих стихов накопилось в моей памяти за всю мою долгую жизнь! Как я их любил! Это было похоже на то, что, как бы не имея собственных детей, я лелеял чужих. Чужие стихи во множестве откладывались в моем мозгу, в том его еще мало исследованном отделе, который называется механизмом запоминания... (Валентин Катаев «Трава забвения»)

#==#==#

- А ты любишь стихи?
- Я тоже люблю стихи, но, к сожалению, читаю их только на английском и немецком. Когда я читаю стихи на другом языке, то могу, конечно, понять смысл, но не поэтическую мелодию стиха. Для этого надо знать язык достаточно глубоко. Хочешь, я почитаю тебе сонет Шекспира?

Каждый раз Дэвид раскрывался с новой стороны, – он еще и стихи читает...

– Да, конечно, только, пожалуйста, очень медленно, чтобы я поняла.

Дэвид начал тихо, медленно и с чувством:

Then hate me when thou wilt; if ever, now:

Now, while the world is bent my deeds to cross,

Join with the spite of fortune, make me bow,

And do not drop in for an after-loss:

Милочка изо всех сил вслушивалась в незнакомые строчки и на ходу пыталась переводить. Нет, строки не совсем незнакомые. Мила не успевала, хотя Дэвид читал очень медленно.

Боже мой, какие знакомые строки... Мила не читала сонеты Шекспира в подлиннике, но этот вызывал в памяти что-то невероятно знакомое.

Дэвид кончил читать сонет, молча ждал, что скажет Мила.

If thou wilt leave me, do not leave me last,

If thou wilt leave me, do not leave me last...

«Если ты покинешь меня, не покидай в конце...» И, наконец, Милочка вспомнила этот знаменитый сонет в переводе С.Я. Маршака, который знала наизусть. Это жемчужина перевода, это тот самый случай, когда перевод не уступает и, может быть, (прости, Вильям) даже превосходит подлинник. Какая удача, что Дэвид выбрал именно этот сонет.

Милочка перевела дух и медленно начала:

Уж если ты разлюбишь, — так теперь, Теперь, когда весь мир со мной в раздоре. Будь самой горькой из моих потерь, Но только не последней каплей горя! И если скорбь дано мне превозмочь, Не наноси удара из засады. Пусть бурная не разрешится ночь Дождливым утром — утром без отрады. Оставь меня, но не в последний миг, Когда от мелких бед я ослабею. Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг, Что это горе всех невзгод больнее, Что нет невзгод, а есть одна беда — Твоей любви лишиться навсегда.

Дэвид изумленно и восторженно смотрел на Милу:

- Ты перевела этот сонет сейчас, так сразу?
- Ну, что ты, Мила сияла от удовольствия, это перевод знаменитого поэта и переводчика Маршака. Я читала этот сонет в его переводе. А ты подумал, что я такая умная?

Я расскажу тебе одну историю, посмешу тебя. Как-то раз, когда я только устроилась на работу, еще не со всеми познакомилась и чувствовала себя очень напряженно, прибегает одна девушка из соседней комнаты (большая любительница кроссвордов) прямо ко мне и говорит: «Ты русская, ты должна знать, ты должна мне помочь. Who is Russian ruler?» Я растерялась и ничего не могу сообразить, а она настаивает: «Ну, кто был самый главный в России, кто устанавливал правила, законы? Четыре буквы». Я так неуверенно отвечаю: «Может быть, ЦАРЬ».

 Да, да, – она чуть не подпрыгнула от радости, – слово из четырех букв, две известны. Вот молодец! Спасибо!

Через несколько дней она приходит снова:

- Привет, Мила, может быть, ты знаешь, хотя вряд ли... Последняя буква греческого алфавита. Кажется, у нас в отделе греков нет.
 - Это «омега», скромно говорю я.
 - Как, ты и греческий алфавит знаешь?

Весь отдел посмотрел на меня с уважением. А я ведь помнила только всего-то одну фразу: «от альфы до омеги», то есть «от начала до конца», и больше никаких букв греческого алфавита не знаю.

Ну, а когда она в третий раз пришла и так уверенно спросила без всякого сомнения:

- Мила, скажи, пожалуйста, реку в Англии из четырех букв, я знаю только одну реку в Англии – Темзу, но это не подходит.
 - Avon (Эйвон), после короткой паузы отвечаю.

Представляешь, как повысились мои «акции» в отделе!.. Эта девушка вскоре уволилась, а я была счастлива, потому что мне просто повезло, что три раза подряд я случайно знала ответ. Так и сейчас мне опять повезло, я знала этот сонет. А ты подумал, что я так хорошо знаю Шекспира?

- Ты была в Англии? спросил Дэвид.
- Нет, только, когда летели в Израиль, была пересадка в Хитроу. Отпуск был короткий, и все время мы с мужем провели в Израиле. Ведь у меня там мама и два брата с семьями, я рассказывала тебе о них. А знаешь, откуда я знаю реку Эйвон?
 - Я все хочу о тебе знать.
- Во времена Хрущевской оттепели учителям разрешалось рассказывать о произведениях, не включенных в программу. Потом у нас в городе организовали такие воскресные районные школы – юных математиков, юных литераторов, юных физиков. В нашей школе юных литераторов преподавали разные педагоги. Одна из них была увлечена Шекспиром и много рассказывала о нем. Вот я и запомнила, что он родился в городе *Stratford-upon-Avon* (Стрэдфорд-на-Эйвоне). До сих пор помню ее рассказы о театре, актерах и зрителях так, будто она сама все это видела.

Театр "Глобус". В середине зала, перед сценой, зрители (имея самые дешевые билеты) стояли в течение всего спектакля. По периметру, в ложах сидели более обеспеченные зрители.

#==#==#

Учительница рассказывала о несчастьях, которые сопровождали почти каждое представление «Макбета» — «проклятой пьесы», пока ее вообще не запретила королева. А пьеса «Ромео и Джульетта» шла с большим успехом более сорока лет и была запрещена где-то в середине XVII века Парламентом, а потом, почти через двадцать лет, снова разрешена. Другая учительница рассказывала о поэтах серебряного века, о декадентах...

Милочка замолчала, предавшись воспоминаниям.

- Давай вернемся к книге, которую ты читала, Дэвид глазами показал на книгу на коленях у Милы Это стихи и проза?
- Книга называется «Американская история», автор Анатолий Тосс. Стихи не все понравились, но вот мысль интересная, послушай: «Америка притягивает тех, кто больше ни к чему притянут быть не может»... А книга очень современная. Главная героиня Марина русскоязычная эмигрантка, а главный герой Марк американец.
 - Как мы с тобой?
- Не совсем. Мы с тобой говорим по-русски, а они говорили по-английски. Она приехала в Америку в 19 лет, училась в университете, без проблем выражала свои мысли. Я же была преподавательницей французского. Если б ты не говорил по-русски, мы бы не могли так свободно общаться.В английском я сильно скована.
 - Ну, рассказывай дальше.
 - Нельзя препарировать искусство.
 - Что есть «препарировать»?
- Ну, это когда критики начинают разбирать роман, или музыку, или картину и рассуждать, а что хотел сказать автор, а как он это сделал, а зачем и почему... Препарировать это значит разрезать на маленькие кусочки и изучать каждый кусочек отдельно. На эту тему есть прекрасное стихотворение одного из моих любимых авторов Ильи Сельвинского «Лувр. Голова Венеры» Как-нибудь я прочту его тебе.
- Можно критиковать разные детали, продолжил Дэвид после паузы, но если роман затрогает чувства, значит, это хороший роман.
 - Затрагивает, поправила Мила.
- Мне кажется, ты не хочешь рассказать мне, о чем эта книга, ты все время отвлекаешь. Отвлекаешь или отвлекаешься, как правильно?

В самые первые дни их знакомства Дэвид с Милой договорились исправлять

грамматические ошибки друг друга. У Дэвида были проблемы с возвратными частицами «ся» и «сь». Он рассказал, как однажды поспорил с учительницей русского языка. В Вашингтоне есть курсы для дипломатических работников и бизнесменов, которые хотят подучить любой язык перед поездкой. У многих американцев в классе были проблемы с «ты» или «вы». Например, на целую неделю учительница ввела правило говорить друг другу только «ты», но, если студент чувствовал, что к кому-то он должен обратиться на «вы», он объяснял свое решение. Тот, к кому он обращался, тоже должен был объяснить правильность такого обращения. Следующую неделю, наоборот, все говорили друг другу «вы», и все было *vice versa*. Хороший метод. Почти все усвоили разницу. Объективно она была хорошим педагогом, но могла иногда ехидно усмехнуться или как-то высмеять ошибку ученика, что для педагога просто недопустимо. Однажды Дэвид спросил её: «Почему ты иногда издеваешь над студентами?» Она стала объяснять, что надо сказать «издеваешься». Дэвид не согласился: «Ты не права. Когда ты говоришь «умываешься» – это значит «умываешь себя», когда говоришь «одеваешься» - это значит «одеваешь себя», а ты «издеваешь» над другими. А если это исключение из правила, то должно быть отмечено в учебнике.

Он перестал ходить на эти курсы, потом как-то жизнь его закрутила в другую сторону, и не было необходимости совершенствовать свой и так неплохой русский. Но осталась некоторая неуверенность в употреблении частицы «ся».

_____4

- Ну, пожалуйста, расскажи и препарировай.
- Ну, ладно. Фабула романа повторяет сюжет «Пигмалиона», или «Моя прекрасная леди». Марк гений, так во всяком случае считали все его друзья и даже недруги. Марина девушка достаточно образованная, сообразительная, с живым, аналитическим умом.
 - Как и все «русские» девушки, вставил Дэвид.
- Ну, хорошо, будем считать, многие, усмехнулась Мила на вовремя втиснутый комплимент.
- Извини, пожалуйста, больше перебивать не буду, препарировай дальше,
 Дэвиду явно понравился новый глагол, а Милочке надоело его поправлять.

Про себя она подумала, что и они с Дэвидом находятся в похожей ситуации. Они, как и герои книги, находятся в разных социальных и финансово-экономических сословиях. Она не знала, насколько богат Дэвид, но кое-что могла предположить: недавно он упомянул, что ищет архитектора, чтобы строить новый дом.

И еще одно: Дэвид, как и герой книги Марк, не стремился к интимной близости. Но, в отличие от героини книги – молодой, современной и раскованной Марины, которая первая, по-американски легко, проявила инициативу, Мила решила, что никогда, никогда, ни при каких обстоятельствах, первая не сделает ни шагу.

– Ну вот, он развивал её ум, занимался, направлял, заставлял идти вверх – «push-up» и довёл до степени доктора психологии, привёл на вершину международного научного Олимпа. Они любили друг друга, но расстались, хотя конец книги дает надежду на их воссоединение. Часто свои мысли и рассуждения автор вкладывает в речь героев, заставляя их долго и умно говорить. Как, например, в романе «Код да Винчи» много авторских идей и рассуждений, исторических сведений... Чтобы читатель не заскучал, не заснул, надо увлечь его какой-нибудь любовной, детективной или какой-нибудь другой «завлекалочкой». Хотя какая может быть еще? Или одна, или другая, или обе вместе.

Дэвид открыл было рот, чтобы что-то сказать.

 Подожди, я сейчас не обсуждаю роман Брауна, я просто привела пример литературного приема. Много лет назад, во времена моей юности, была очень популярна книга Ефремова «Лезвие бритвы». Там тоже были очень интересные рассуждения, например, о красоте. Но главный герой, выражая идеи автора, был слишком многословен. Между прочим, интересно перечитать её сейчас, с возрастом все видится иначе.Так вот, в «Американской истории», чтобы увлечь читателя, автор разбавил длинные рассуждения описанием интимных подробностей, постельных сцен, и мне это не нравится. Что делать, несовременная я женщина, и к тому же моё «пуританское» воспитание...

Мила сказала последние слова и усмехнулась. Подумать только, как сильны в нас стереотипы мышления, мнений, поступков, стереотипы фраз. Сказать о себе, выросшей в традиционной, хотя не очень религиозной еврейской семье, в азербайджанском Баку – «пуританское» воспитание... Правильнее сказать «старомодное или консервативное» воспитание, когда с детства учили, что заглядывать в спальню через замочную скважину неприлично и недостойно. Когда-то за это могли вызвать на дуэль. Человек мог получить, как минимум, пощечину, стать нерукопожатным... Не то что сейчас, когда создатели фильмов только этим и украшают свой фильм, а потом получают призы...

#==#==#

Противно, право же рассказывать (Упали нравы – это точно): Какие гадости показывать Нам стали в скважине замочной. (Григорий Левитин)

#==#==#

Дэвид не понял, почему Мила усмехнулась, но не спросил, а ехал молча и о чем-то думал. Неожиданно он свернул на небольшую обзорную площадку. Кто часто ездит по американским дорогам, знает эти «карманы». Можно остановиться, выйти, размять ноги, полюбоваться горами, долинами и другими красотами и поехать дальше. Дэвид остановился, заглушил мотор, но не вышел, повернулся к Миле. Что-то было в его глазах необычное.

У Милочки забилось сердце. Он взял её за руку. Совершенно неожиданно, как у фокусника, в его руке кроме Милочкиной руки, ставшей вдруг сразу мягкой и безвольной, оказалась маленькая коробочка, не оставляющая сомнений относительно ее содержимого.

– Would you marry me?

Больше всего на свете Мила ждала и боялась этих слов. Она была согласна на должность «girl friend» – как бы «пробный брак», к которому все уже здесь привыкли. Не могла же она сама предложить ему это решение, тем более, что она только что упомянула о своей несовременности.

Чем дольше длилась пауза, тем печальнее становилось его лицо.

- Ты не хочешь? грустно спросил Дэвид.
- Я не знаю, что сказать...
- Я что-то не понимаю. Ты же *legaly divorced*. Может, есть какие-то препятствия? – От волнения Дэвид мешал русские и английские слова. – Вы, русские, действительно, непостижимы. Я прошу тебя, расскажи мне все, что ты думаешь, я пойму, вот увидишь.
 - Ты не понимаешь? Медленно, спотыкаясь и запинаясь, начала Мила.

Её объяснения сводились к тому, что она боится повредить его карьере. Когда начальство Дэвида узнает об изменениях в его семейном положении, секретные службы начнут проверять Милу. Из бывшего Советского Союза? Значит, русская, советская – из вражеской страны. К тому же еврейка. Родилась в Азербайджане – теперь это независимое государство, но мусульманское. Кто эта тёмная лошадка? Какие у неё цели и намерения? И тогда его смогут вежливо отстранить от каких-то заданий, поездок, или от интересных проектов. А может быть, сразу предложат поменять место работы. Придется как раньше, к примеру, просто преподавать экономику. Но карьера будет разрушена.

–Ты будешь чувствовать дискомфорт, сожаление, а потом и раздражение. Для мужчины интересная работа и карьера – это б**о**льшая составляющая счастья. Как я могу испортить тебе жизнь? – грустно закончила Мила.

Мила попала в точку. У Дэвида уже был разговор с начальником насчёт Ревекки Ивановны.

– Хорошо. Если это единственное, что тебя волнует, то я подумаю и решу эту проблему, обязательно.

#==#==#

Гляди, раскачивает сумерки луна, и лампа вторит ей притихшим светом, и ты пока что не спеши с ответом, пока мы лишь с тобой в начале сна, который, как и губы, пахнет летом.

(Анатолий Тосс «Американская история») #==#==#

Мила понимала, что дилемма – она или карьера – застряла в мыслях Дэвида. К этому вопросу они не возвращались. Ведь Дэвид сказал: «Я подумаю и обязательно решу эту проблему». И она терпеливо ждала.

Мила часто вспоминала бабушкины мудрые советы. Они, эти советы, всегда всплывали в памяти в нужный момент. Это её братья могли бегать по улицам и играть с другими мальчишками, а ей, благовоспитанной бакинской девочке, это категорически запрещалось.

В школу она ходила с братьями, а после занятий её встречала бабушка, отводила на музыку или в библиотеку – и домой.

Так что большую часть дня они проводили в задушевных беседах. Обычно её дорогая бабуля говорила: «Выслушай меня очень внимательно. Пойми и запомни. Следовать моему совету или нет — твой выбор. Но, еще раз повторяю, запомни обязательно. Возможно, этот совет когда-нибудь тебе пригодится...» И как же она всегда была права!

На первом курсе Мила познакомилась с Мишей и стала с ним встречаться. Он был на четвертом курсе. Рассказывал, какая у них хорошая и дружная группа, как они собираются, отмечают все праздники. Если кто-то из девчат знакомится с каким-то парнем на стороне, то обязательно приводит его на очередную вечеринку представить группе. Ребята приглядываются к нему с пристрастием, вроде старших братьев. Мальчики тоже приводят своих подружек, которые оказываются под прицелом строгой оценки девчачьей части группы.

Через несколько месяцев Миша пригласил Милочку на празднование 1-го Мая. Она поделилась своими страхами с бабушкой. Что скажут девочки его группы? А вдруг она им не понравится, и Миша разочаруется... Как быть?

Мудрая бабушка сказала так:

- Как придёшь, сиди тихо, не выступай, не выпендривайся (она употребила любимое словечко старшего внука Гены). Наблюдай. Выбери из всех девочек самую главную.
 - Лидера, подсказала Мила.
- Да, лидера, согласилась бабушка. Если она окажется и хозяйкой квартиры, пойди с ней на кухню, предложи свою помощь. Постарайся, оставшись с ней наедине, сделать ей какой-нибудь комплимент. Если хозяйка квартиры другая, и

ей тоже. Комплимент должен быть абсолютно искренним. В каждом человеке есть что-то привлекательное — это обязательно надо отметить. Если у девочки плохая фигура — не надо хвалить её платье. Какое бы ни было красивое платье, оно не скроет фигуры. В этом случае похвали её волосы, серёжки — одним словом, сама сообразишь. Хозяйке дома можно сказать «как у вас всё красиво, со вкусом», только если это действительно так. Универсальный комплимент — похвалить глаза. В первый раз похвали двух-трёх девочек. В следующий раз, а я уверена, что он пригласит тебя еще не раз, тогда скажешь добрые слова другим двум-трём девочкам. А на третий раз можешь уже вступать в разговор, участвовать в дискуссиях, сыграть что-нибудь на пианино, прочитать стихотворение, если это будет к месту.

Короче говоря, надо понравиться девочке-лидеру, но быть тихой и скромной, чтобы никто, и она в первую очередь, не подумала, что ты хочешь занять её место. А Милочка никогда и не стремилась в лидеры.

Бабушка Милы не знала о Дейле Карнеги, о его знаменитой книге «Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей», но она была мудрой женщиной, своим умом дошла до многих методов известного психолога.

В тот раз Мила приняла советы бабули и выполнила на все 100%.

На следующий день Миша сказал ей: «Ты очаровала всех наших девчат. Как тебе это удалось? Я боялся, что тебе было скучно, ты сидела такая тихая». Милочка только улыбнулась. Бабушкин совет остался её секретным оружием, которое помогало на всём жизненном пути: на работе, в любом коллективе и даже здесь, в Америке.

И, конечно же, Мила вспомнила этот ценный совет, когда Дэвид пригласил её на ланч со своим боссом. Она поняла, что это будут смотрины.

- Он будет один?
- Co своей *girlfriend*.
- Она у него постоянная, или он их часто меняет?
- Постоянная, но, честно говоря, мне непонятен твой вопрос.
- Я потом объясню. Как её зовут?
- Линда.
- Сколько ей лет?
- Не знаю точно. Примерно тридцать три-тридцать пять. Я думал, что ты будешь спрашивать больше подробностей о моем шефе.

Дэвид не мог не понимать – умная Мила осознаёт, что это смотрины. И будет стараться произвести хорошее впечатление.

- А что, по-твоему, я должна была спросить? Какие вопросы ты ждал от меня?
- Ну, что за человек мой шеф? Чем он интересуется? Что еще... хотя бы, за какую команду он болеет? В конце концов, это было бы логично.
- Возможно, ты прав. Конечно, мне бы хотелось произвести хорошее впечатление на твоего босса... Я не знаю, о чем с ним буду говорить, но точно не о спорте, я ничего не понимаю в бейсболе. Все-таки я прошу тебя ответь на все мои вопросы, а потом я постараюсь ответить на твои. Итак, она молодая, вероятно, красивая. Кстати, а сколько ему лет?
 - Пятьдесят один.
 - Сколько лет они вместе?
 - Уже лет шесть-семь.
- «Чего же они не поженятся?» подумала Милочка, но не задала этот вопрос он был не по адресу.
 - Как она одевается?
 - Очень элегантно, у неё хорошая фигура и вкус, на лице Дэвида мелькнуло

удивление, но он подумал, наверно, Милочка хочет выглядеть не хуже, кто разберёт этих женщин.

- Какое у неё образование?
- Она наполовину итальянка, окончила колледж по итальянскому языку и литературе. Некоторое время после колледжа работала в каком-то журнале, переводила статьи из итальянских журналов. Теперь не работает.
 - Что-нибудь еще?
 - Милочка, почему она тебя так интересует?
 - Отвечу, отвечу, потом. Что еще ты можешь рассказать о ней?
- Она умна, независима, имеет свое мнение, которое не боится высказывать в любом обществе. Возможно, потому что она богата. Богатство всегда даёт умным людям независимость в действиях и, тем более, в суждениях. Отец оставил ей хорошие деньги, которые она мудро вложила в real estate. У неё несколько luxury appartments в Вашингтоне и Манхеттене, которые её realtor сдаёт в рент. Ежемесячный совсем неплохой доход она вкладывает в ценные бумаги. Изредка спрашивает моего совета после беседы с Ричардом, вроде «second opinion». Кажется, собирается купить еще кондо в Нью-Йорке. Вот, пожалуй, все о Линде.
- Спасибо. Я попрошу тебя об одной мелочи. Поможешь мне во время ланча, если я сама не справлюсь со сложным меню. Вдруг там будут какие-то заковыристые названия, непонятные термины. Я буду нелепо выглядеть. Тогда выберешь сам для меня что-нибудь, например, рыбу с овощами или просто покажешь мне в меню.

Мила готовилась целую неделю. Аккуратная стрижка, маникюр. Платье скромное, удлиненное, которое она заказывала еще на свадьбу старшей дочери. Мысленно похвалила себя за то, что не поправилась с тех пор. Ниточка любимого жемчуга. Неброский макияж. Обдумывала свое поведение за столом: говорить поменьше, только коротко отвечать на вопросы, кушать медленно, потому что привычка студенческих лет второпях проглатывать пищу выглядит весьма неэлегантно, и, конечно, постараться понравиться Линде, сделать ей наедине какойнибудь оригинальный комплимент.

И вот в назначенный час они почти одновременно – какая пунктуальность! – подъехали к ресторану. Последовали обычные традиционные представления друг другу: «Nice to meet you», «My pleasure» и тому подобное.

У входа их встретил сам хозяин – видимо, постоянные и давние клиенты оставляли щедрые чаевые – и с поклоном проводил в дальний угол за столик у окна. Линда села первая боком к окну, Мила быстро села с ней рядом, спиной к окну. Дэвид удивился, но ничего не сказал, сел рядом с Милой, Ричард сел между ним и Линдой, оказавшись напротив Милы, что его, несомненно, устраивало.

Почему Мила села спиной к окну? Усвоенные с молодости советы бабушки не забываются. Один из советов относится к выбору места. Место спиной к источнику света имеет одно преимущество и один недостаток. В этом положении ваше лицо будет немного как бы в тени, а лица собеседников будут вам видны чётко и ясно. Это хорошая позиция, если вы в новой, малознакомой компании. Но при этом насквозь просвечивает прическа, особенно, если волосы редкие, тонкие и короткие. Даже если вы в своей привычной дружеской компании, лучше сесть спиной к стене.

Они были завсегдатаями этого старинного заведения. Их четверых обслуживали два вышколенных официанта. И хозяин часто подходил, зорким глазом высматривал, всё ли в порядке, молча отходил, не беспокоя важных гостей.

На столе появились всевозможные закуски: овощи, сыры, белая и красная

рыба, а в центре особая тарелочка — со сливочным маслом в середине и четырьмя видами икры, каждая в своём отсеке: два вида красной и два — чёрной, отличавшиеся немного по цвету.

- Что будем пить? Джин, ром?
- «Маргариту», сказала Линда.
- А Вы, Мила, может, хотите водку? Вы же русская.
- Я не русская, хотя говорю по-русски, мягко улыбнувшись, ответила Мила, я еврейка, родилась и всю жизнь прожила в Баку столице Азербайджана. У нас не принято было, чтобы женщины пили крепкие напитки. Я, пожалуй, тоже попрошу «Маргариту». И благодарно посмотрела на Линду.
 - Может, мадам предпочитает гренадин?
- Да, настоящий гренадин замечательный напиток. У нас в Баку был популярен гранатовый сок почти что гренадин.
 - Что это за напиток? со всей своей непосредственностью спросила Линда.

А Дэвид удивленно поднял брови. Почему Мила и Ричард говорят о чем-то, знакомом им двоим?

Все смотрели на Милу – поэтому ей прошлось объяснить:

- Это французский сладкий сироп, сделанный из гранатового сока и сахара. Его добавляли к крепким напиткам. Или разбавляли с газированной водой получался прохладительный напиток для женщин и детей.
 - Ты так хорошо знаешь французские обычаи? Ты была во Франции?
 - Нет, не была. Но я читала о нем.

Мила читала "Люди. Годы. Жизнь" И.Эренбурга, обращая особенное внимание на его воспоминания о жизни в Париже до революции.

#==#==#

Илья Эренбург вспоминал, что гренадин получил распространение среди большевиков в Париже накануне Первой мировой войны: они употребляли его на многочисленных собраниях и лекциях. Так, придя в кафе на одно из собраний, Илья спросил у своей спутницы, что ему заказать, на что она ответила: «Гренадин. Все наши пьют гренадин...»

«Действительно, всем приносили ярко-красный приторный сироп, к которому добавляли сельтерскую воду. Только Ленин заказал кружку пива. (Потом я неоднократно слышал, как официанты удивлялись: революционеры, а пьют гренадин!..) Сироп французы прибавляют к чересчур горьким крепким напиткам; а в воскресенье, когда посетители приводят в кафе всю семью, малышей бесплатно угощают гренадином»

По словам Эренбурга, на партийном заседании, где произносил речь Ленин, присутствовало «сорок унылых эмигрантов», которые «с печатью на лице – нужды, безделья, скуки слушали его, бережно потягивая гренадин»...

#==#==#

Но рассказывать об этом она не стала.

Каждый положил себе немного закусок. Ричард с важным и деловым видом взял хлеб, намазал его маслом, сверху икру — ту, что потемнее. «Наверное, крашеная», — подумала Мила.

- Линда, тебе сделать такой же бутерброд?
- Нет! Ты же знаешь, что я это не ем!
- Почему, Линда, это же всемирно популярный деликатес, спросил Дэвид.
- Первый раз, когда я увидела икру и спросила, что это, какой-то шутник сказал, что это рыбьи глаза. Потом все друзья клятвенно уверяли меня, что это была шутка, что это не рыбьи глаза, а рыбьи яйца, но я всё равно не могла пересилить себя с рыбьими глазами у меня связаны неприятные воспоминания.

Рассказ Линды.

В колледже у меня была самая близкая подружка, Сэра, сейчас она живет в Нью-Йорке, я поддерживаю с ней отношения. Ты же знаешь её, — повернулась она к Ричарду, который, слушая её, невозмутимо уплетал бутерброд. — Она пригласила меня на каникулы в гости к своей бабушке. Был какой-то еврейский праздник, на который раз в год её бабушка готовила традиционное блюдо — фаршированную рыбу. Много лет бабушка просила Сэру приехать к ней и вместе готовить эту фирменную рыбу, чтобы её семейный уникальный и секретный рецепт был сохранен для будущих поколений.

Каждый раз какие-то обстоятельства мешали Сэре приехать, но в этот раз она твердо обещала, что обязательно поможет бабушке приготовить это самое важное блюдо праздничного стола. Она поделилась со мной, что запишет подробно этот семейный рецепт и раздаст всем желающим, ей не жалко.

И вот мы вдвоем в клеёнчатых фартуках, с чисто вымытыми руками стоим на кухне рядом с бабушкой. Предполагается, что мы должны ей помогать, но на самом деле мы только смотрим. Она почистила огромную рыбину.

- Бабушка, в магазине могли эту рыбу почистить и вытащить кишки.
- Я все должна делать сама, гордо сказала бабушка.
- Когда я буду покупать рыбу, всю эту грязную работу сделают для меня в магазине, – шепнула мне Сэра.
- Ты сказала «вытащить кишки». Что это значит? Твоя бабушка будет вытаскивать кишки у этой рыбы?!

Линда никогда не видела, как разделывают рыбу. В родительском доме этим занималась кухарка, а в те редкие случаи, когда она попадала в рыбный магазин, видела там красиво нарезанные чистые куски рыбного филе. Но в этот момент она осознала, что рыба когда-то была живая, что у неё есть внутренности, кишки...

- Да. Рыбу надо почистить и снаружи, и внутри. Очень удобно, когда это делают в магазине.
- Меня начало подташнивать, продолжала Линда. Тем временем бабушка помыла рыбу, положила её на большую доску и огромным ножом отрезала рыбе голову, потом этим же ножом стала выковыривать ей глаза. Тут я чуть не грохнулась в обморок. Сэра увидела, как я побледнела, и потащила меня в гостиную. Уложила на диван. Я слышала, как она кричала: «Бабушка, у нас есть что-нибудь крепкое выпить?»

«Возьми там в шкафчике Манишевич». Я не знала, что такое Манишевич, если бы она сказала виски, вино или даже обобщающим словом — алкоголь, я бы поняла, но это слово вызвало в памяти по ассоциации фамилию одного парня, с которым я училась в школе, что-то похожее на Манухевич, Минакевич, который стал фармацевтом. Я почему-то подумала, что это какое-то незнакомое мне лекарство. «Я не хочу пить никакого Манишевича». Дело кончилось тем, что Сэра просидела рядом со мной, а бабушка тем временем сама готовила рыбу. А я была счастлива, что не видела, как у рыбы вытаскивают кишки... Так Сэра и не узнала бабушкин классический старинный рецепт. Но еще не всё потеряно. Её свекровь тоже хорошо готовит, и Сэра еще научится...

С тех пор я несколько лет вообще в рыбный магазин не могла войти. И даже сейчас рыбу ем только в виде филе.

После того, как все весело отсмеялись, Мила сказала:

– Линда, у Вас определенно талант. Вы так интересно рассказали эту историю!
 Попробуйте записать её – это же очень хороший короткий рассказ.

Линда удовлетворенно улыбнулась и махнула рукой, мол, да ладно, что уж там. Дэвид сделал себе бутерброд с красной икрой. А Мила намазала на хлеб масло

и взяла чёрную икру, но не ту, которую ел Ричард, не такую тёмную. Мужчины внимательно следили за ней. Наконец, Ричард не выдержал:

- А почему, уважаемая Мила, вы выбрали этот вид икры?
- −Та икра, которую выбрали вы, слишком черная, похоже, что она подкрашенная.− ???
- Давайте проверим, проведём эксперимент.

Мила разрезала кусочек хлеба на четыре части и намазала на каждую разный вид икры. Только икры, без масла.

Сзади неё стоял встревоженный хозяин заведения.

Линда ела салат, с интересом поглядывая на Милу, на её манипуляции.

Потом Мила накапала на кусочки с черной икрой по нескольку капель воды и сказала, что надо немного подождать.

– Когда я была маленькая, у нас по дворам ходили продавцы икры. Если икра была крупная, её выдавливали из ястыка (пленки), промывали, солили – это зернистая, тёмносерая, самая дорогая. Если же икра была мелкая, то промыть её было трудно, после засола она слипалась, но тоже была очень вкусная – это паюсная. А вот все плёночки вместе с остатками икры тоже солили – это была ястычная икра – самая дешевая, зато самая жирная. Мы ели ястычную. — Последняя фраза прозвучала бы как вызов, если бы не была сказана так тихо. – Красная икра у нас появилась намного позже, чем черная. Её привозили с Дальнего Востока в больших консервных банках, в магазинах открывали и продавали на вес.

_____47=____47=____47=____47=___

Мила жила в самом начале Шемахинской улицы (официально – улица "Али Байрамова"), в известном всем бакинцам доме, который назывался "Беш Мертебе" – «пятиэтажкой».

#==#==#

До постройки железной дороги связь Баку с другими частями России осуществлялась через почтовую дорогу на Шемаху. Район Баку, прилегающий к этой дороге, назывался Шемахинкой, а улица, служившая началом дороги — Шемахинской. В начале Шемахинки высилось всему Баку известное здание под названием «пятиэтажка», на первом этаже которого когда-то размещался «Торгсин» («Торговля с иностранцами»). Сдав, например, серебряную ложку, золотое обручальное кольцо или золотую монету — царскую десятку, можно было получить «торгсиновские деньги», а на них приобрести разные товары.

Таким образом государство высасывало все запасы ценностей, спрятанные у населения на «черный день».

До войны нижняя широкая часть Шемахинки была усажена кустами олеандров. Густой запах этих бело-розовых цветов наполнял улицу и залетал в открытые окна. Позже кусты почему-то почти все вырубили, оставили только в маленьком скверике...

#==#==#

Мила вспомнила, как бабушка ходила с ней в обычный гастроном, который находился теперь вместо «Торгсина» на первом этаже их знаменитой «пятиэтажки», покупала 100-150 грамм красной икры, аккуратно мазала всем по бутерброду.

Мила просила: «Бабуля, мне без хлеба». Бабушка ворчала на эти капризы, но отказать своей любимице не могла. Положив одну-две чайные ложечки красной икры в розетку для варенья, она подливала еще чайную ложку растительного масла «для питательности». И Милочка ела маленькой ложечкой для мороженого эти красные икринки по одной, и они, икринки, лопались во рту, растекаясь неповторимым солёным вкусом по языку и нёбу... А еще знакомая продавщица по секрету рассказала бабушке, что завмаг наливает во вскрытую консервную банку икры пол-литра пива. Икра набухает, и веса становится больше, а на вкусе не особенно отражается. Так он имеет неплохой «навар» с каждой банки. Но об этом Мила не рассказала – американцы все равно не поймут...

«Ладно, хватит вспоминать, они же ждут окончания эксперимента». Этого же ждали не только сидящие за столом. Еще менеджер (или супервайзер, или хозяин – кем он там был) взволнованно не спускал с неё глаз. И два официанта тоже настроили свои локаторы в силу неувядающей человеческой любознательности.

Мила соскребла икру, на хлебе осталось тёмное пятно – как говорится, комментарии излишни. Второй кусочек хлеба с тёмносерой икрой не окрасил хлеб.

Красную икру оставили на потом.

Вдруг Линда встала:

- Я отлучусь ненадолго, мне надо поправить прическу.
- Можно, я с Вами? это прозвучало немного по-детски, но, что поделаешь, уже вылетело. Надо же было, по бабушкиному совету, сделать Линде комплимент наедине... Линда ничего не ответила, а Мила уже шла за ней.

В туалете Линда заскочила в кабинку, сразу послышался звук спускаемой воды, и Линда вышла.

- Линда, я восхищаюсь, как у Вас подобран цвет помады, лака на маникюре и цвет сумочки. Просто идеальное совпадение.
 - Спасибо, с явным удовольствием улыбнулась Линда.
- И еще поражаюсь, как Вы едите, что помада у Вас не стирается. Я так сразу съедаю свою.
- Я Вас научу, благосклонно продолжала улыбаться Линда. Утром я смазываю губы специальным кремом. Его мой косметолог сам делает, я Вам дам немного попробовать. После него губы мягкие, гладкие, никаких трещин. Перед выходом я промокаю излишки крема салфеткой и втираю немного пудры.
 - Пудры?.. Я правильно поняла?
- Да, именно пудры. Её надо хорошо втереть, пудра заполнит все мелкие складочки. Потом нанести помаду и только после этого карандашом очертить контуры. А когда ешь, надо просто нарезать еду на маленькие кусочки и класть вилкой в рот, не касаясь губ. Проследите, когда я буду есть, и Вы всё поймете.

Вдруг Линда снова вошла в кабинку, и опять послышался звук сливаемой воды. Она тут же вышла и, кокетливо изображая смущение (насколько это было возможно, так как смущение не входило в число Линдиных эмоций), объяснила:

- Меня часто мучают газы, особенно в начале еды.
- Моя бабушка, когда у неё была та же проблема, пила активированный уголь. Как бы поточнее перевести: *active coal* или *absorbent coal*. У нас его рекомендовали врачи. Я видела его в аптеках на Брайтоне. Попробуйте это безвредно. Или можно пить отвар фенхеля и укропа.
- Отвар? Нет, я ничего варить не буду, слишком ленивая. Лучше куплю в аптеке и попробую, что вы советуете.

Контакт налажен, все дела в туалете были закончены, можно возвращаться.

- У вас есть дети? - вдруг спросила Линда.

Вопрос был неожиданный и как-то, казалось, не к месту.

- Не только дети, даже внуки есть. У меня две дочки, у одной сын, у другой дочка. К сожалению, они живут далеко, и я их вижу не так часто, как хотелось бы очень скучаю...
 - А у меня нет детей, грустно сказала Линда.

«Почему?» – чуть не вырвалось у Милы, но она удержалась (бабуля учила: не торопись задавать вопрос «почему», лучше подожди, возможно, человек сам расскажет...)

– Ричард не хочет. Он говорит, что человечество погибнет, будет или война, или какие-то природные катаклизмы, и он не хочет, чтобы его дети или внуки страдали и мучились. Он очень решительно настроен в этом вопросе, с самого начала наших отношений он поставил это условие. Знаете, скоро наши мужчины уедут в командировку, и тогда я приеду к моей Сэре, повидаюсь с ней и детьми и заеду к вам в Бруклин, попробую этот ваш уголь, и мы пообщаемся. Мне хочется поговорить с вами в спокойной обстановке. А сейчас надо идти, а то мужчины сию минуту прибегут за нами. – И, глядя прямо Милочке в глаза, очень серьёзно попросила, – Дэвиду ни слова.

Мила хотела сказать: «Могила...» или «Буду стоять насмерть», – но ничего не сказала: надо было бы объяснять эту партизанскую идиому Линде. Она так же, глядя Линде в глаза, просто кивнула.

Мужчин удивило их долгое пребывание в туалете, но они ничего не сказали.

За столом Мила внимательно следила, как Линда нарезает овощи на маленькие кусочки, накалывает их на вилку, открывает рот и очень изящно и аккуратно кладет каждый кусочек на язык. Она сделала то же самое и вопросительно посмотрела на «учительницу». Линда наблюдала, как её «ученица» усвоила урок, и одобрительно улыбнулась. Мужчины недоумевали, не понимая эти женские переглядки. Дэвид заподозрил, что есть какая-то связь между вопросами Милы о Линде и их улыбками между собой, но понять, конечно же, ничего не мог.

Разговор некоторое время крутился вокруг кулинарной темы, потом перешел на каких-то знакомых. Мелькали имена, возможно, не знакомых, а знаменитостей, Миле совершенно неизвестных. Она молчала, мысленно ругала себя за то, что разболталась — специалистка по икре нашлась... Вот Линда, молодец, сидит молча, ест и улыбается.

И вдруг Ричард, глядя в упор на Милу, спросил:

– Вы знаете, Мила, возможно, Дэвиду предстоит командировка в Москву. Вы хотели бы поехать с ним?

Мила медленно дожевала кусочек рыбы, медленно положила вилку, спокойно подняла глаза на Ричарда:

– А в качестве кого?

Ричард не был готов к такому ответу. Заминка была секундной, но всё же была.

- Ну, скажем, в качестве переводчика, выкрутился Ричард, мы можем Вас оформить на одну-две недели по контракту переводчиком, а Дэвид будет изображать в Москве, как будто он не знает русский.
- Нет. Вы прекрасно понимаете, что английский у меня недостаточно высокого уровня для профессионального переводчика, да и в Москву меня не тянет. Когда у меня будет отпуск, так лучше полечу в Израиль, у меня там мама и братья. А если получится выкроить отпуск на десять-двенадцать дней, то из Израиля можно слетать в Баку на два-три дня, там лёту три часа. Но я ещё чётко не определилась с моими планами на предстоящий отпуск.
- Мила, а вы не забыли об этой икре, спросила Линда, возможно, решив перевести разговор на другую тему, чтобы помочь Ричарду, и показала на отложенные в начале трапезы кусочки хлеба без масла с красной икрой.
- Попробуйте сами, сказала Мила, скатывая ножом на тарелку высохшие красные икринки.

#==#==#

Красная икра не бывает зернистая, паюсная и ястычная. Засолка красной икры в наше время — производство безотходное... Икру в пленке (в ястыке) опускают в некий химический раствор, полностью растворяющий ястык. Затем икру промывают от этого раствора в чистой воде и солят. Полностью отмыть икринки от химии не удается. Если оставить красную икру просто полежать не закрытой, она быстро высыхает.

#==#==#

В понедельник позвонила Линда:

- Мила, я уже в Нью-Йорке. Давайте я подъеду к Вашей работе, и мы пойдём на ланч.
- Ланч у меня очень короткий, лучше после работы. Я смогу выйти пораньше, в четыре, и мы поговорим не спеша.
 - Великолепно, дайте мне ваш адрес.
- В 4:15 они уже сидели в кафе, и Линда, обычно говорящая спокойно, с достоинством, сейчас была возбуждена и совершенно не похожа на себя.
- Я говорила вам, что Ричард не хочет иметь детей, потому что он так считает человечество ждет гибель от войн или природных катастроф, и он не хочет подвергать таким страстям своих детей или внуков. А я очень хочу детей... Понимаете, Ричард умён, хорошо знает историю и очень убедителен. Он приводит исторические примеры как и почему начинались экономические спады, революции, кровопролитные войны. Сейчас как раз происходит техническая революция.

«Она права, – подумала Мила. – Как изменился мир только за время моей жизни». Вспомнила керосиновую лампу, которую бабушка доставала из кладовки, когда вдруг отключали электричество. И керосинку, которая хранилась на всякий случай в той же кладовке. На кухне весь день работало местное радио – вот и вся техника. Холодильники и телевизоры в Баку появились уже на Милочкиной памяти. А сейчас компьютерами и мобильными телефонами никого не удивишь. Такой огромный скачок на протяжении всего только одного-двух поколений...

– Ведь что происходит сейчас, – продолжала Линда. – Учёные работают над созданием искусственного интеллекта, и, будьте уверены, они создадут его. Новый индустриальный и технологический скачок. Молодёжи хочется хорошо и богато жить. Система образования и воспитания не продуманы, не работают. Если семья не заботится, чтобы ребенок получил образование, тогда он остается вне того общества, в котором хотел бы жить. Растёт зависть, агрессивность. В конце концов это приведёт к войне. А еще из-за неразумного отношения к приро-

де могут случаться страшные наводнения, эпидемии, смерчи, землетрясения и другие смертельные катаклизмы. Так объясняет Ричард, а я не знаю, что ему возразить. Мне так страшно, но я все-таки надеюсь, что ничего такого не случится, что человечество одумается на краю обрыва. Я была у моей подруги Сэры. Какие у неё чудные малыши! Она каждую нашу встречу кричит на меня, чтобы я рожала, ведь мне скоро тридцать шесть. У неё уже трое детишек, я их так люблю.

Эта тема была выстрадана Линдой, она постоянно думала об этом – поджимал возраст...

Линда заказала кофе с пирожными. Помолчали.

- Знаете, я всё решила. Несмотря ни на что, у меня будет ребёнок! Пусть даже Ричард уйдет.
- Вы это решили под влиянием вашей подруги или сами? Вы не будете жалеть, если придётся расстаться с Ричардом?
- Нет. Я решила сама, твёрдо сказала Линда. Понимаете, меня всё устраивает в моём положении. Ричард замечательный мужчина и прекрасный любовник. Он заботлив, всегда хочет сделать мне приятное. Я достаточно богата, и всё могу купить, что мне хочется, но он всегда за всё платит сам. Мы ездим с ним по разным экзотическим местам, он образован, много знает. Но в отношении ребёнка упёртый, как... баран. Он не один так думает. Сейчас эта идеология childfree довольно популярна. (Childfree свободный от детей или childless by choice or voluntarily childless добровольно бездетный субкультура и идеология, характеризующаяся сознательным желанием не иметь детей.)
- Рик заставляет меня пить эти ужасные таблетки. Мой врач сказал, что их нельзя пить так долго, что *side effects* могут быть не очень хорошие. Сейчас наши мужчины уехали в командировку вместе, через неделю Дэвид вернётся, а Ричард останется там ещё на два месяца. Эти месяцы я не буду пить никаких лекарств, сяду на вегетарианскую или *Pescatarian* диету.

«Надо будет дома посмотреть в словаре, что за диета такая, как бы это слово не забыть», – подумала Мила. (Люди, соблюдающие **pescatarian** диету, **не едят только мясо и птицу**. Всё остальное, включая рыбу и яйца, допустимо.)

– Организм очистится, – продолжала Линда, – а когда он приедет и опять скажет пить таблетки, то в этом случае моя Сэра придумала потрясающую хитрость. В бутылочку от birth control pills я насыплю витамины и при нём буду их пить. А если, Бог даст, забеременею, то уеду от него в свой новый appartment – я сейчас оформляю контракт. Буду жить около Сэры в Манхеттене. А когда рожу, – строила Линда свои долгосрочные планы, – то переманю вашу мадам Ревекку, которую так расхваливал Дэвид. Будет у меня хороший bebisitter. Думаю, через год она будет Дэвиду уже не нужна.

Мила слушала внимательно, но при этом в какой-то части мозга крутились собственные мысли... Интересно, какое впечатление осталось у Ричарда после ланча? Что он сказал Дэвиду обо мне? Спросить у Линды? Или не стоит? Ладно, подожду неделю – Дэвид вернется из командировки...

Линда доела пирожное, заказала еще сок. Немного успокоилась.

- Скажите, Мила, когда мы были в ресторане, вы сказали Ричарду, что вы не русская, хотя говорите по-русски. Тут какой-то нюанс, который я не поняла, но спрашивать у Рика не хотела.
- Понятия национальности, гражданства, этноса, родного языка довольно неоднозначны в разных странах и культурах. Я приведу пример, и Вам все станет ясно. Представьте себе, ну, скажем, греческую семью, живущую в Греции и говорящую, что естественно, на греческом. Тут никаких вопросов нет. Семья переезжает во Францию, и там рождается ребенок, который по месту рождения получает

французское гражданство. В семье все говорят по-гречески. Этот ребенок прекрасно дома владеет родным греческим и французским, на котором говорят все друзья вокруг, в школе, по радио и ТВ, который становится для него родным — он думает на этом языке. Ему близки культуры как греческая, так и французская. В зрелом возрасте человек переезжает в Америку, через пять лет получает гражданство. В нем течет греческая кровь (ethnicity). По месту рождения, языку и культуре он француз. А сейчас он американец. Кто этот человек по-вашему? Американец греческого происхождения, говорящий по-французски.

Вот и у меня похожая история. Мои еврейские предки много веков жили в Украине, до Второй мировой войны переехали в Баку – столицу Азербайджана. Там я родилась после войны. Еврейский язык в школах не разрешали изучать.

- Почему? воскликнула Линда.
- Тут нам надо будет перейти к политике советской власти, и мы уже никогда не вернемся к нашей теме. Итак, русский язык стал мне родным языком духовной культуры. Я на нем читаю, пишу и думаю. Остальные языки еврейский от бабушки, азербайджанский от друзей, французский в ВУЗе не играют столь большой роли в понятии «национальность».

Поэтому я сказала Ричарду, что, хотя я говорю по-русски, я не русская. По этносу я еврейка, по месту рождения – азербайджанка, по языку – русская, по гражданству – американка.

Глядя на округлившиеся изумленные глаза Линды, Мила рассмеялась. Линда вслед за ней.

– Это забавно...

Они еще немного поболтали, и Линда уехала.

Ниточка дружбы с этого дня протянулась на долгие годы.

Надо сказать, что мы с Милой говорили о судьбе Ревекки. Через полгода она действительно будет Натану не нужна. Возможно, она продлит визу еще месяца на три, но не более – в Баку её ждут... Да и оставаться в Штатах на нелегальном положении она не захочет...

Так все и осталось бы на уровне разговоров и предположений, но за дело взялся человек, от которого это можно было ожидать меньше всего. Мистер Гленн, с которым Ревекка играла в шахматы в библиотеке колледжа.

Несколько мамаш из числа преподавателей приводили к нему своих детей, с которыми он занимался шахматами в подсобке во время своего обеденного перерыва (впрочем, никто за его графиком работы не следил). У него была мечта. После выхода на пенсию он собирался переехать в Нью-Йорк и открыть частную шахматную школу для детей, начиная с трёх-пяти и до шестнадцати. Во многих странах детей с малолетства обучают этой мудрой игре, обидно, что Америка так отстает. Вот он откроет школу, которая станет знаменитой на всю страну, выпускники которой будут побеждать на всех конкурсах и, несомненно, прочно и надолго завоюют шахматный Олимп. А пока он раз в неделю вел в соседней школе шахматный кружок.

Ревекка помнила, с каким уважением её папа говорил о Ботвиннике, разбирал его партии. Как «болели» все советские люди, даже далекие от шахмат, во время чемпионатов мира. В сквериках сидели шахматные болельщики, обсуждали, спорили, рассказывали анекдоты, делали прогнозы и ставки на того или другого претендента.

Имена шахматных чемпионов были знакомы всем мальчишкам и девчонкам наравне с популярными актерами и певцами. И вдохновляли многих на то, чтобы начать заниматься шахматами. Советская шахматная школа была лучшей в мире!

Полвека шахматная корона не покидала Советский Союз и Россию! Шахматные кружки в школах, секции во Дворцах пионеров были переполнены...

#==#==#

Потом появился Боб Фишер, потом склоки между «двумя К» (Каспаров-Карпов). Потом в 1993 году Каспаров и новый претендент Джуляжел Шорт вышли из ФИДЕ, создали новую организацию — ПША (Профессиональная шахматная ассоциация) и провели матч под эгидой новой организации. ФИДЕ лишила Каспарова титула чемпиона мира, и с 1993 до 2006 года существовали два чемпиона мира — по версии ФИДЕ и по версии ПША. Впоследствии Каспаров говорил, что разрыв с ФИДЕ в 1993 году был самой большой ошибкой в его шахматной карьере.

Патриотический ажиотаж спал. Сейчас современные российские школьники (увы!) не слишком интересуются шахматами и вряд ли знают имена последних чемпионов. Кто такие А. Халифман, В. Ананд, Р. Пономарёв, Р. Касымджанов, В. Топалов, М. Карлсен?

#==#==#

В Америке тоже любили и уважали эту древнюю игру. Это была игра обеспеченных и умных интеллигентов. В многочисленных элитных клубах солидные мужчины часами сидели за шахматными досками.

У мистера Гленна было твердое убеждение, чем раньше начнут дети играть в шахматы, тем лучше и для их собственного развития, и для престижа страны.

Третий чемпион мира по шахматам Хосе-Рауль Капабланка начал играть в шахматы в четырехлетнем возрасте, как и Макс Эйве и Анатолий Карпов. Борис Спасский – в пять лет, Василий Смыслов – в шесть, Александр Алехин – в семь и так далее. Нужны еще доказательства?

У мистера Гленна были два шахматных кумира, которые воодушевляли и подпитывали его энтузиазм. Роберт Джеймс Фишер научился играть в шестилетнем возрасте. К двенадцати годам Фишер стал чемпионом Америки, в пятнадцать лет – международным гроссмейстером.

Вторым кумиром был Самуэль Решевский, который, как яркий метеорит, ворвался в свое время в шахматный мир.

#==#==#

Самуэль Решевский родился 26 ноября 1911 года в Польше. Он был шестым ребенком в небогатой еврейской семье. Учился передвигать фигуры, сидя рядом с играющим отцом, а в четыре года, освоив правила игры, начал обыгрывать в своем городе сильнейших игроков. Семья переехала в Лодзь, где Решевского заметили.

1920 год.
Сэмми Решевский (восемь лет) дает сеанс одновременной игры.
Из двадцати трех сыгранных партий он не проиграл ни одной и лишь четыре свел вничью.

Международный дебют Самуэля состоялся в шестилетнем возрасте на турнире в Вене, где он победил всех, кроме словенского гроссмейстера М.Видмара. Всю долгую партию Самуэль простоял на коленках на стуле, так как не дотягивался до стола.

В 1920 году семья переехала в Америку, где он продолжал побеждать всех и каждого.

В 1935 г на турнире «Маргит» он победил экс-чемпиона мира Хосе Рауля Капабланку, в 1955 г — Михаила Ботвинника. Самуэль Решевский был одним из лучших игроков в мире с середины 1930-х до середины 1960-х годов.

#==#==#

Мистер Гленн рассказывал своим ученикам биографии великих шахматистов, вдохновляя и воодушевляя их.

Кроме шахматного кружка в соседней школе, у мистера Гленна были еще три мальчика и одна девочка, которых приводили к нему коллеги-преподаватели. Эти детишки особенно радовали сердце мистера Гленна, потому что их не просто приводили, а они сами стремились.

Там же, в подсобке, бывало, с ним сражалась Ревекка Ивановна. Постепенно она начала говорить с его учениками, иногда подсказывала ходы, объясняя при этом с юмором взаимоотношения фигур. Как-то все дети перестали играть и заслушались сказкой, которую она рассказывала четырехлетнему новичку о том, как белого короля заперли в башне, а его любимая дама — белая королева поклялась спасти его и победить всех врагов, как она посылала вперед пехоту (пешки) или конницу (коней).

Она объяснила, что в разных странах фигуры называются по-разному. Когда им придется играть на международных соревнованиях с игроками других стран (тут и мистер Гленн, и все ученики заулыбались и гордо приосанились), они будут понимать, о чем говорят их противники между собой. И даже она иногда по привычке называла фигуры по-русски.

Ревекка рассказывала детям почему фигуры называются так или иначе:

- Король и королева титулы местных монархов, но часто вторую по значимости фигуру называют не королевой, а ферзем (редко гетман, визирь). Пешка солдат, крестьянин. Казалось бы, самая слабая фигура, «пушечное мясо», однако в конце игры может превратиться в самую мощную в ферзя, если дойдет до ставки генерального штаба противника. Бишоп епископ (в англоязычных и португалоязычных странах так назвали эту фигуру за изображение монашеского остроконечного капюшона). А по-русски слон (ходит по диагонали напролом); офицер (у болгар и белорусов); охотник, стрелок (у чехов и сербов); гонец (у поляков); бегун (у немцев и венгров); копье (у эстонцев). Французы называют эту фигуру очень странно «шут» или «сумасшедший».
- Конь, продолжала она, рыцарь, всадник. Ладья тура, башня, замок (в старинных шахматах в России фигура изображала кораблик ладью)

Мистер Гленн был так изумлен педагогическим мастерством Ревекки, её терпением и добротой к детям, что отпустить её ни за что не хотел. Когда он узнал, что она здесь временно, что она уедет, когда закончится легальный срок пребывания в Америке, то просто пришел в ужас. Ведь она так нужна ему для преподавания в его школе!

И как-то в воскресенье мистер Гленн вдруг неожиданно, без предварительного согласования явился к Дэвиду на важный разговор о судьбе мадам Ревекки.

Как раз в этот *weekend* Ревекка не уехала в Бруклин, она с Милой внизу в спальне примеряли какие-то шмотки. Натан с отцом играли в шахматы..

#==#==#

- «– Обычно именно отец обучает ребенка азам игры. И мечта любого ребенка, знакомого с шахматами, выиграть хоть одну партию у своего отца.
- ... король постоянно находится под угрозой, нуждается в защите, в рокировках, ходить он может только на одну клетку... Но, как ни парадоксально, эта фигура необходима в игре. До такой степени, что игра даже носит её имя, потому что слово «шахматы» происходит от персидского «шах», что означает «король». Кстати, слово «шах» перешло почти во все языки с тем же звучанием и значением.
 - А королева? полюбопытствовала Хулия.
- Это мать, женщина. При любой атаке против короля она оказывается его наиболее надежной защитой, в её распоряжении находятся самые многочисленные и действенные средства... Рядом с этой парой королем и королевой располагается слон, иначе офицер, а в Англии его именуют bishop, то есть епископ: он благословляет их союз и помогает им в бою. Не следует забывать и... о коне, прорывающемся сквозь вражеские линии, это наш knight, что означает по-английски «рыцарь» (Артуро Перес-Реверте. «Фламандская доска») #==#=#

Женщины захлопотали на кухне, организуя чай и легкую закуску.

Мистер Гленн сразу взял быка за рога:

– Меньше чем через год мне будет шестьдесят два года, и я уйду на пенсию. Я перееду в Нью-Йорк и открою там шахматную школу. У меня уже есть один преподаватель – молодой парень, индус. Я планировал пригласить мадам Ревекку в качестве преподавателя с очень приличной зарплатой. И вдруг я узнаю, что она через несколько месяцев уедет к себе на родину, в этот... как его... Азер... Азебр... я даже не могу произнести название её страны. Люди со всего мира мечтают попасть в Америку, а мадам Ревекка не хочет. Все будет законно: я сам возьму лоера и оформлю рабочую визу, потом из рабочей визы переделаем на визу О-1, потом грин карта и все в ажуре!

Все посмотрели на Ревекку Ивановну.

- У меня в Баку дочка с внуком. Она как раз защитила диссертацию по нейрохирургии.
- О, мама Мия! с итальянской экспрессией воскликнул мистер Гленн. Это было бы немного театрально, если бы не было так искренне. Нейрохирургия?!... Ей с ребенком мы тоже сделаем визу О-1. Эту визу дают при наличии уникальных талантов, способностей, выдающихся достижений в какой-либо сфере в спорте, искусстве, науке или бизнесе.

Но Ревекка Ивановна сидела за столом, грустно опустив голову.

- Меня там еще ждет... жених.
- Что он из себя представляет? Чем знаменит? Есть какие-нибудь таланты? голос мистера Гленна звучал несколько устало: сколько еще народа захочет привезти в Америку мадам Ревекка?
 - О, он очень талантливый, у него много изобретений и патентов.
 - Кто еще?
 - Больше никого у меня нет...
- Значит так. Пусть ваши люди, не жалея денег, возьмут самых лучших переводчиков и переведут на английский её диссертацию, его патенты, все публикации и срочно присылают сюда. Все будет «убаемахт», как говорил мой дедушка.

[История жизни Вани – друга Ревекки Ивановны – подробно описана в романе «Время течет по венам».]

Прошло несколько месяцев, насыщенных телефонными звонками, заполнением документов, встречами с адвокатом, заказными письмами и бандеролями. Месяцы надежд, стрессов и ожиданий. И вот, наконец, Ревекка встречает в аэропорту им. Кеннеди (JFK) дочку с внуком и Ваню. Объятия, поцелуи, слезы.

У меня дома «открыли» стол – Милочка помогала. Все русскоязычные люди скажут «накрыть стол». И только в Баку выражение «открыть стол» означает накрыть такой(!) стол – по высшему разряду.

Два дня на отсыпание в Бруклине, и все приезжают в Вашингтон, в дом к Дэвиду. И снова заботы и хлопоты, заполнение новых документов, встречи с адвокатом...

Самым потерянным в этой ситуации был внук Боренька. Он понимал, что у взрослых сейчас очень много забот и нет времени уделить ему внимание. Он не капризничал, ему просто было очень грустно. Он писал бесконечные письма своему другу Назимке, а на следующий день перечитывал, рвал и писал заново. Он не мог написать, что ему плохо (ведь это было не так), и не мог похвастать, что очень хорошо (это тоже была бы неправда). Натан почувствовал настроение малыша.

Пойдем в сад. Я познакомлю тебя с моей собакой, – Натан протянул руку
 Бореньке. Тот благодарно улыбнулся и доверчиво вложил свою ладошку.

Еще тогда, когда Ревекка появилась в доме Дэвида, она посоветовала приобрести котенка и щенка лабрадора. Кошечку Ревекка в соответствии с доброй русской традицией назвала просто Муркой, а щенка, на более иностранный манер, Джулей. Для Джули сделали утепленную конуру в саду, на лоне природы. Только в самые холодные зимние дни её забирали в дом. А Мурка хоть и была вхожа в дом, но вообще, как все свободные натуры, гуляла сама по себе.

В саду у Натана было своё место с большим столом и удобным креслом. Он занимался там, а Джуля клала свою морду хозяину на колени и сидела молча, не мешала. Иногда Натан стелил подстилку и ложился на траву. Тут же появлялась Мурка, прижималась своим теплым животом к макушке Натана, а Джуля укладывалась ему на грудь. В эти моменты Ревекка не разрешала их беспокоить.

От общения с Ревеккой Натан знал пару десятков русских слов. Боря старательно учил английские слова перед отъездом и тоже немного понимал по-английски. Для общения хватало – недостающие слова заменяли улыбки и жесты.

Когда Натан с пацаном вышли в сад, Джуля выскочила из конуры, гавкнула и вопросительно посмотрела на хозяина, мол, с кем это он?

– Познакомься, Джуля, это Б**о**рис, он очень хороший и добрый. Дай ему лапу. Теперь Боря часто бегал в сад поиграть с собакой.

Через несколько дней Натан взял его и Джулю, к огромной радости обоих, погулять неподалеку от дома. Боря гордо вел собаку на поводке.

Зашли в огромный торговый центр, который привел Бореньку в восторг. Он крепко держал надежную руку своего нового друга и мысленно сочинял письмо Назиму обо всем этом.

За центром была детская площадка, а на ней – карусель. Сколько радости для детского сердечка! А еще Натан купил ему занимательную игру и несколько детских книжек. Боря был счастлив, а Натан, наверное, еще больше, видя восторг малыша.

Документы, в основном, были готовы, наступила недолгая пора ожидания следующего этапа. Дина записалась на Каплановские курсы подготовки врачей.

По утрам после завтрака Натан с Борей уходили в сад заниматься. Полугодовой академический отпуск Натан решил наверстать летним семестром.

Боря старательно учил английский, решал математические задачки из учебников для первого и второго классов. Примеры были легкие, но с задачами приходилось помучиться, ведь сначала надо было понять условие.

Потом Ревекка выносила им ланч, и Джуле тоже. После ланча Натан продолжал заниматься, а Боря шел в дом. Скучно одному. До школы еще почти целое лето. Он писал письмо Назиму или играл сам с собой в шахматы – разбирал какую-нибудь партию, предложенную бабушкой.

Мистер Гленн познакомил Ваню с патентной конторой, в которую его приняли волонтером на три дня в неделю. Он постепенно освоился и начал вести курс ТРИЗа (Теория Решения Изобретательских Задач) для изобретателей – клиентов бюро. Ему пообещали, что возьмут на работу в Нью-Йоркский филиал, который менеджер собирался вскоре открыть.

В те дни, когда Ваня был свободен, он, не привыкший к безделью, работал в саду, Боря ему с удовольствием помогал.

Общественно-политическая жизнь за стенами уютного дома Дэвида кипела и бурлила и кругами расходилась по всей стране, задевая жизнь простых людей прямо или косвенно.

Скандал Клинтон-Левински взбудоражил общество, споры не прекращались. Спорщики обзывали друг друга моралистами, циниками, ханжами и т.д. Особенно остро разгорались споры, когда приходили Джон со своей невестой Иоланой (на гавайском – «летящая»). Они оба были стажерами в Капитолии, в Белом доме бывали редко.

Обсуждение импичмента электризовало спорщиков и добавляло в кровь адреналина. Спорили, в основном, Дэвид, Натан, Джон и Иолана. Иногда присоединялся папа Дэвида по телефону. Ревекка, Ваня и Дина в спорах не участвовали, они считали себя не в праве критиковать правительство великой страны, которая так великодушно приняла их. На них не давили. А вот Милу все-таки заставили высказаться. Более десяти лет в стране, должна иметь какое-то мнение о правительстве.

– Перед выборами я спрашивала у сотрудниц, за кого они будут голосовать? Ведь все претенденты обещают золотые горы: увеличить бенефиты, уменьшить налоги и повысить благосостояние трудящихся. Как определить, кто говорит искренне, за кого голосовать. Все молча пожимали плечами, и только одна молодая девушка сказала: «Конечно, я буду голосовать за Клинтона, *he is so cute* (он такой симпатичный)». Я была ошарашена. Голосовать только за того, кто посимпатичней?.. Потом я поняла, выборы – эти покупка «кота в мешке». Невозможно определить заранее, кто и как будет рулить и что будет... Это я так, к слову.

Теперь насчет нынешнего скандала – факт измены вызывает бурные споры. А вот во Франции удивляются реакции американцев: «Что вы все так всполошились? И что в этом такого?»

– Я осуждаю Клинтона не за саму измену, хотя это довольно некрасиво, – продолжила Мила. – В описании подробностей упоминали галстук, который Моника подарила ему. Мужчины обычно расплачиваются за доставленное удовольствие деньгами (это довольно пошло) или подарками (это желание сделать что-то приятное, оставить память), а он ничего ей не подарил. Что, он настолько беден, что не мог подарить ей хотя бы флакончик духов? Пользовался своим высоким положением и, видимо, считал, что зарплаты стажерки достаточно. Т.е. за счет налогоплательщиков. Может, просто пожадничал. Как-то это не по-мужски. И время, когда он развлекался – это рабочее время, оторванное у страны. Конечно, это мелочь, но дурно пахнет...

Дэвид, Натан и Джон удивились – какая своеобразная реакция, нестандартный взгляд на ситуацию... Не политическая оценка, не морально-пуританская, а больше какая-то женская. Иолана молча улыбалась, слушая Милу.

Прошли президентские выборы. Таких ещё не было в истории Соединённых Штатов. В течение месяца происходили многочисленные пересчёты и судебные заседания, пока не были официально объявлены результаты. Это был редкий в истории США случай, когда победитель набрал меньше голосов избирателей, чем проигравший.

Ричард собрал свой отдел.

- Высокое начальство поменялось, и изменились некоторые ориентиры во внешней и внутренней политике страны. Теперь мы должны будем работать подругому. Боюсь, что от нас будут требовать результаты, удобные кому-то, а не реальные цифры и истинное положение вещей. Лично я понял, что так работать не смогу. А вы? Каждый пусть выскажется совершенно откровенно, никакая информация не выйдет за пределы этой комнаты.
- Уйду, наконец, на пенсию, сказал самый старый из сотрудников, давно собирался. Теперь пора. Не смогу перестроиться после почти полувека работы.

Все посмотрели на Дэвида, он был следующим по возрасту.

– Я доволен таким поворотом судьбы. Я перееду в Нью-Йорк, пойду преподавать в колледж, как раньше. Теперь я смогу жениться, и никто не будет разглядывать в микроскоп биографию моей невесты.

Все обрадованно загалдели, поздравляя Дэвида с такой новостью.

Трое молодых сотрудников смущенно молчали.

- Отдел не упраздняют, если хотите, можете остаться и работать. Никто никого не осуждает. У каждого свои соображения и жизненные обстоятельства. Излишне говорить, что вы получите от меня самые прекрасные характеристики, успокоил их Ричард.
 - А ты сам куда?
- Я в Пентагон, им тоже нужны экономисты-международники. Не переживайте, все образуется. Кто знает, что будет через четыре или восемь лет... Может, мы когда-нибудь опять соберемся здесь все вместе.

Часто по выходным заходили Джон с Иоланой. Ревекка старалась их вкусно покормить – бедные дети, всю неделю, наверное, всухомятку. Без сытного обеда не отпускала. Они забирали Натана погулять на берег Потомака или на концерты. В бары не заходили – мадам Ревекка строжайшим образом запретила даже самую крошечную дозу алкоголя.

А теперь они стали приглашать и Дину. Ревекка была рада – пусть дочка отдохнет, развеется после недели усердных занятий... Дина говорила мало, слушала и улыбалась. Они с Иоланой понравились друг другу. Часто они шли чуть впереди, тихо разговаривая, а Джон с Натаном сзади, что-то бурно обсуждая и жестикулируя.

Афроамериканцы весьма болезненно относятся к проявлениям расизма. Оно и понятно, это так же, как и евреи подозрительно относятся к человеку, рассказывающему еврейский анекдот – а не антисемит ли он, это как любой человек, чувствующий насмешку над его нацией или даже только подозревающий иронию.

Иолана и Джон шли по жизни с гордо поднятой головой – умные, образованные и вдобавок (вишенка на торте) еще и красивые. В свое время Иолана как лучшая ученица, окончившая школу с золотой медалью, получила полную стипендию в колледж, где познакомилась с Джоном. Близких подруг не приобрела. Девочки, которые хотели с ней дружить, были, на её взгляд, несколько легкомысленные и

очень шумные, а белые девочки... Ну, как-то не сложилось...

Иолана почувствовала доброе и теплое отношение к себе и Джону сначала у мадам Ревекки и теперь у её дочки Дины. И конечно полюбила Дину всем сердцем, всей душой, истосковавшейся по девичьей дружбе. Ведь так хочется поделиться своими женскими секретами...

И как-то, застав Натана одного в саду, без долгих предисловий, прямо, как всегда, спросила:

- Тебе нравится Дина?
- Да, покраснел Натан.
- Так что же ты не действуешь? Ждешь, когда она сдаст экзамен, устроится на работу и уедет от вас?
- Я не знаю... А как ты думаешь, у меня есть шанс? Она старше на два года, меня это не смущает, но, может, она относится ко мне, как к пацану?

Все знают, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. А к сердцу женщины? Если у женщины есть дети, то путь к ней однозначно пролегает через сердца детей. Все читали в детстве приключенческие романы и повести Роберта Стивенсона. А знаете ли вы, кто нарисовал карту острова и место, где капитан Флинт зарыл свои сокровища?

#==#==#

Роберт Стивенсон — шотландский писатель и поэт, автор приключенческих романов и повестей, полюбил некую Фанни Осборн, которая была старше Роберта, имела дочь Изабэль (будущую падчерицу, впоследствии писавшую произведения Стивенсона под его диктовку) и девятилетнего сына Ллойда (будущего пасынка и соавтора писателя).

Роберт подружился с детьми. Ллойд нарисовал воображаемую карту острова сокровищ и обсуждал с Робертом детали приключений героев романа. Они оба, ползая по полу, играли оловянными солдатиками. Дети обожали Роберта, который стал им настоящим отцом и другом. Сердце какой женщины не растает при виде такой нежности, любви и заботы о её детях?..

#==#==#

Натан не знал биографию Стивенсона, не действовал по коварному плану. Он действительно подружился и полюбил Бореньку.

Повествование мое стремительно близится к концу.

Мариэлла отметила свой юбилей – пятидесятилетие. Были самые близкие: приехали сыновья со своими подружками, Мила с Дэвидом, Рива с Ваней, Натан с Диной и другие гости. Был Миша Гуревич – деловой партнер Мариэллы – со своей семьей и другом Фимой, которого Мариэлла представила как своего жениха. Ефим Сулейманович Азизов – родился на Кавказе, с шестилетнего возраста жил в Одессе. Его история будет описана в другом романе.

Я тоже была приглашена, но, к моему великому сожалению, была в это время в отъезде...

Была также со своим другом Франтишеком соседка Раечка. Не думайте, что она – это безликий случайный персонаж, который появился мельком только два раза в начале повествования, и мы про неё забыли. Просто история её настоль-

ко интересная, что вылилась в отдельный, совершенно самостоятельный роман "Всё, что случайно, – это судьба".

Хотя на всех юбилеях именинику желают до 120-ти, но старинная еврейская притча говорит, что человеку назначено примерно семьдесят лет жизни, а каждый год сверху – это подарок от Бога.

Наши героини прожили по полвека, это, как они считали, около двух третей жизни. Бурной, полной событиями, эмоциями, переменами, переездами, радостью и слезами, верной дружбой и разочарованиями – и пришедшие, наконец, к благополучной и мудрой зрелости.

Популярные истории и сказки разных народов часто заканчиваются свадьбой. Вот и моя история заканчивается на счастливой ноте – свадьбами.

Послесвадебный период обычно коротко обозначается автором или рассказчиком так: «Они прожили долго и счастливо и умерли в один день». И вся эта долгая жизнь от свадьбы до одновременной смерти героев отдается полностью на усмотрение и фантазию читателя или слушателя.

Happy end!

Но так как мои герои – реальные люди, то вам, я думаю, интересно узнать, как сложилась их дальнейшая судьба.

На календаре уже новое тысячелетие отщелкивает годы десятками...

Дэвид преподает экономику в университете. Мила продолжает работать социальным работником. Они живут в Манхеттене.

Диана работает нейрохирургом в *Mount Sinai Hospital*. У неё и её мужа Натана еще двое детей. Они тоже живут в Манхеттене. Боренька окончил Колумбийский университет.

Дэвид уговорил папу продать свой кооператив и переехать поближе к ним. Он живет в доме, который называется «Assisted living». Рядом сын с заботливой Милой, любимый внук Натан с семьей, очаровательные правнуки. Какая радость на старости лет...

Мариэлла с Фимой переехали во Флориду. В самые холодные Нью-Йорские зимы все друзья приезжают к ним на *family renunion*.

У Миши и его жены Наташи, так и живущих в городе Шарлотт Северной Каролины, родился сын. Мишина мама Любовь Семеновна переехала к ним.

Женя из Аляски изредка пишет Миле, работает в том же интернате с больными детьми, старается перетащить к себе всю семью.

Джон с Иоланой хорошо устроены, у них растет малышка, пока одна. Живут и работают в Вашингтоне. Обычно проводят отпуск вместе с Натаном и Дианой.

Линда родила очаровательного мальчика. Мила нашла ей прекрасную русскоязычную няню (с проживанием), которая говорит с ним только по-русски, Линда – по-итальянски, в детском саду и школе – английский. Ребенок прекрасно владеет тремя языками...

По совету Милы Линда не сидит дома, а работает в редакции. Дело не в зарплате – Линда делает карьеру, общается со многими интересными людьми... Она сумеет устроить свою судьбу.

Ричард был очень сердит, не ожидал такого подвоха со стороны Линды. Дэвид рассказал ему, какой чудесный малыш, как он похож на Ричарда, но тот, упертый, не хочет ничего слышать. Страдает, скучает по Линде, но стоит на своем

Он остался в столице, работает в Пентагоне, общается с Дэвидом по телефону, видятся редко.

Ревекка Ивановна работает три раза в неделю в шахматной школе мистера Гленна, Ваня – в патентном бюро тоже не полную неделю. Мила поставила Ревекку и Ваню в очередь на субсидированную квартиру, которую они получили через несколько лет. Теперь они тоже живут в Манхеттене в районе девяностых улиц, между второй и третьей авеню. Ведут очень активный образ жизни, много путешествуют по Америке.

Я изредка бываю у них в гостях.

Павел Хмара. Напутствие

Мир я сравнил бы с шахматной доской... (Омар Хайям)

Судьба нажала кнопку, и тебя Упругая неведомая сила Исторгла из глубин небытия И к жизни на Земле приговорила.

И ты – в игре. Но кто же ты теперь? В каких полях пройдет твоя орбита? Быть может, пешкой в серии потерь Ты станешь первой жертвою гамбита.

Возможно, – жизнь проходишь под уздой, Пройдешь, как слон, по жизни, может статься, А может, станешь бешеной ладьёй И будешь, как она, на всех бросаться.

А может быть, ферзя взрывную роль Тебе Фортуна утвердит без блата, А может, анемично, как король, Ты будешь ждать победы или мата,

И будут рваться сделать хоть бы шах Тебе фигуры всех возможных рангов... Ты сделаешь последний в жизни шаг, – Куда в игре деваться от цугцвангов?..

Ну, вот и всё. Счастливого пути. Часы идут, а я увлёкся что-то. Давно мой ход. Давно пора уйти: Стихи всегда в убытке от цейтнота.
